АЛЬТА

ОДНА В СЕРДЦЕ РЕЙХА ПРОТИВ МАШИНЫ СМЕРТИ

ЩИТ И МЕЧ ОТЧИЗНЫ
РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДЕЛА ГРУ

СЕРГЕЙ ДАВИДЕНКО
ОЛЕГ РОЙ

Альта. Одна в сердце рейха против машины смерти

Сергей Давиденко, Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Сергей Давиденко, Олег Рой. Альта
10 сентября 1942 года. Берлин. Встреча с агентом
12 сентября 1942 года. Берлин. Прерванная молвка
В тот же день. Берлин. Штаб-квартира гестапо
1930-е годы. Германия. Рудольф Гернштадт
14 сентября 1942 года. Берлин. В тюрьме. Следователь Хабеккер
1937 год. Варшава Рудольф фон Шелия
16 сентября 1942 года. Берлин В тюрьме
1938 год. Германия Уикенд в Гарце
25 сентября 1942 года. Берлин В тюрьме
1939 год Разлука
26 августа 1939 года. Берлин Бине
2 октября 1942 года. Берлин В тюрьме
1939 год Соратники
7 октября 1942 года. Берлин В тюрьме. Карл Хельфрих
1940 год Хир

12 октября 1942 года. Берлин В тюрьме. Новые соседи
1940 год. Берлин Рутинная работа
Июнь 1941 года. Москва Главное разведывательное управление
17 октября 1942 года. Берлин В тюрьме
22 июня 1941 года Война
19 октября 1942 года. Берлин В тюрьме
22 октября 1942 года. Берлин Связной Франц
24 октября 1942 года. Берлин В тюрьме
29 октября 1942 года. Берлин Ариец
2 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме
3 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме. Предатель
5 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме
5 ноября 1942 года. Берлин Свидание
12 ноября 1942 года. Берлин Тюрьма Плетцензее
Октябрь 1942 года. Берлин ХВЦ
17 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме
26 октября 1942 года. Бухарест, Румыния АВС и ЛЦЛ
Декабрь 1942 года. Берлин Приготовления к суду
14 декабря 1942 года. Берлин Суд
21 декабря 1942 года. Берлин Тюрьма Плетцензее. Последняя ночь
Август, 1919 год. Баден-Вюртемберг, район Ротвайль На волоске от смерти

22 декабря 1942 года. Берлин Тюрьма Плетцензее. Казнь
30 декабря 1942 года. Москва Главное разведывательное управление
Послесловие Альта

Аннотация

Шпионский триллер, основанный на реальных событиях. Все имена и факты соответствуют действительности и взяты из недавно рассекреченных архивов ГРУ.

БЕРЛИН, 1942.

Город под чёрным небом войны. Здесь каждый шёпот может стоить жизни, каждая встреча — последняя, каждое слово записывают в досье.

Ильзе Штёбе — журналистка с безупречной репутацией, частый гость в салонах дипломатов и чиновников Рейха. Рудольф фон Шелия — аристократ из старинного рода, человек с доступом к самым секретным планам Гитлера. Между ними — деньги, встречи в тени, записки на клочках бумаги, спрятанные среди монет.

На самом деле за этими встречами скрывается шпионаж. Тот, что может изменить ход войны. Тот, за который платят жизнью.

Ильзе — советская разведчица под псевдонимом «Альта», резидент легендарной сети «Красная капелла». Фон Шелия — её главный

источник, не подозревающий, на кого работает. Карл Хельфрих — журналист, жених Ильзе, человек, ради которого она была готова на всё. Но день их помолвки превращается в начало конца.

Тюрьма Плётцензее. Одиннадцать гробов в коридоре. Гильотина за чёрными шторами. И женщина, которая идёт навстречу смерти, не произнеся ни одного имени…

Цена её молчания — жизнь.

Сергей Давиденко, Олег Рой
Альта

…Нравственность разведчика состоит в том, чтобы обеспечить безопасность страны и не нанести вреда ценному агенту…

Лев Баусин, ветеран советской внешней разведки

10 сентября 1942 года. Берлин
Встреча с агентом

Смеркалось. Этому способствовало не только вязкое покрывало осеннего вечера, стремительно накрывающее город, но и затемненные окна домов — сквозь маскировочные шторы наружу не просачивался ни один лучик света. И хотя в этом году налеты на Берлин были редкими, указания властей соблюдать меры предосторожности соблюдались неукоснительно.

Набухшие влагой тучи быстро заволокли небо, превращая его в безбрежный океан, серый и унылый. Несмотря на то что осень едва началась, почти всю неделю стояла ненастная погода. Промозглый ветер гонял по стылому асфальту пожелтевшие листья, заставляя людей убыстрять шаг и плотнее кутаться в пальто.

Поправив шляпку, высокая женщина лет тридцати озабоченно посмотрела на пасмурное небо, словно опасаясь внезапного дождя. Густые каштановые волосы обрамляли ее спокойное лицо, серые глаза излучали уверенность.

Выйдя на перекресток, она пропустила во-

енный автобус и перешла на другую улицу. Внимание незнакомки было сосредоточено на книжном киоске, расположенном на углу рядом с бакалейной лавкой. Судя по всему, он уже закрывался, и женщина прибавила шаг. Спустя минуту она стояла возле крохотной будки, витрины которой были сплошь заставлены книгами и журналами.

— Добрый вечер [1], — улыбаясь, поздоровалась женщина с продавцом.

Это был плотный мужчина лет пятидесяти с редкими седеющими волосами. Его глубоко запавшие глаза равнодушно скользнули по запоздавшей клиентке.

— Мы уже закрываемся, — не слишком приветливо отозвался он и почесал массивный подбородок. — Что вы хотели?

— «Фраун Варте» [2]. Свежий номер есть?

---

[1] Примечания: 1

Здесь и далее — разговор на немецком *(прим. автора).*

[2] Примечания: 2

«Национал-социалистический женский журнал» — нацистский журнал для женщин, издававшийся в Германии. Впервые опубликован в 1934 году, выходил раз в две недели. Имел статус единственного одобренного партией НСДАП журнала для женщин. Служил пропагандистским целям, в частности поддерживал образцовую роль домохозяйки и матери. В журнале публиковали статьи на такие темы, как роль женщин в нацистском государстве, образование молодежи, важность игр для детей. Прекратил свое издание в 1945 году.

Продавец кивнул и полез за прилавок. Пока он доставал журнал, женщина сунула руку в поношенную сумочку-ракушку, доставая мелочь.

— Погода сегодня дрянь, — заметил мужчина. Он наконец нашел на полке нужный журнал и протянул его покупательнице.

— Погода и правда прохладная, — кивнула она. — Но ей нет дела до наших желаний. Главную погоду для себя создает сам человек.

Она протянула продавцу монетки, и тот ухмыльнулся, обнажая крепкие желтые зубы.

— Все точно, без сдачи, — добавила женщина, убирая журнал в сумочку.

— И все равно, без зонта сейчас ходить весьма легкомысленно, — сказал тот.

— Всего хорошего, — попрощалась она и, развернувшись, быстро пошла прочь.

Продавец вздохнул и, разжав мозолистую ладонь, взглянул на клочок бумаги, который лежал среди поблескивающих монет. Он был сплошь исписан красивым бисерным почерком.

— Смелая девочка, — пробормотал он, пряча обрывок в карман. — Пусть Господь даст тебе сил в твоем деле. Да и мне тоже…

Между тем женщина продолжала идти по улице. Теперь ее маршрут лежал в сторону трам-

вайной остановки, на которой было совершенно пусто. Первая холодная капля упала на руку, и она машинально спрятала ее в карман шерстяного пальто.

«Без зонта сейчас ходить весьма легкомысленно», — вспомнила она слова седеющего продавца, и ее тонкие губы тронула легкая улыбка.

Когда подошел трамвай, редкие капли превратились в морось, и женщина с нетерпением вскочила в салон. Не считая молодой пары, которая о чем-то тихо переговаривалась, в трамвае больше никого не было.

К тому времени город уже окончательно поглотили пронизывающие сумерки, окна иссекали стрелы дождя. Лицо незнакомки сделалось задумчивым, серые глаза подернулись пеленой воспоминаний. Погруженная в размышления, она не заметила, как трамвай обогнал черный автомобиль с погашенными фарами. Впрочем, даже при всем желании женщина едва ли смогла бы разглядеть в дождливой мгле то, что происходит снаружи. Обогнав трамвай, машина сбавила скорость, и теперь расстояние между ними не превышало двадцати метров. На одной из остановок она притормозила, выпуская наружу человека, который мгновенно растворился

во тьме.

Меньше чем через минуту на этом же месте сделал остановку трамвай, и женщина вышла наружу, зашагав в сторону Виландштрассе.

Неприметный человек тут же материализовался из вечерней мглы, как призрак. Держась позади, он шел по другой стороне улицы, не сводя глаз с женщины.

И шел до тех пор, пока она не скрылась в одном из домов.

Утром следующего дня начальнику следственного отдела гестапо было вручено срочное донесение. В нем указывалось, что в результате негласного наблюдения за Ильзе Штебе, сотрудницей химического концерна, ничего подозрительного не выявлено. В этот же день был подписан ордер на арест Штебе. Следователи гестапо рассчитывали получить нужные сведения в кабинете.

12 сентября 1942 года. Берлин
Прерванная помолвка

В одном из домов германской столицы, расположенном в районе Шарлоттенбург, до нынешней поры пребывающем в тихом полусонном состоянии, в этот день царило непривычное оживление. Поводом для этого было торжественное мероприятие — помолвка. Да, страна находилась в состоянии жесточайшей войны, и это самым кардинальным образом сказывалось на рядовых немцах. Да, политика фюрера, постепенно скатывающегося в пучину безумия, вызывала все меньше и меньше восторга даже у его фанатично преданных почитателей, потому что тотальная слежка и постоянное «закручивание гаек» никогда не способствовали успешному развитию и процветанию государства. Но жизнь продолжалась, и несмотря ни на что в этот солнечный сентябрьский день Ильзе Штебе решила объявить помолвку со своим возлюбленным Карлом Хельфрихом. Это радостное событие молодая пара решила отметить в узком кругу на съемной квартире, в которой проживала Ильзе.

Она стояла у окна, молча глядя на лазурное небо, по которому неспешно плыли белые облака. Карл тихо подошел сзади, нежно приобняв невесту.

— В этом году сентябрь выдался такой прохладный, — проговорила Ильзе, прижимаясь к нему. — Еще пару дней назад я куталась в пальто… А теперь взгляни, какое солнце! Как будто специально, под заказ, на нашу помолвку!

Карл улыбнулся и поцеловал ее в шею.

— Знаешь, — медленно проговорила Ильзе. — Из-за этой работы я совершенно перестала обращать внимание на такие приятные мелочи… А ведь они совсем рядом, только руку протяни! Яркое солнце, чистое небо… Что еще нужно для поднятия настроения? Ведь, в сущности, человеку для счастья нужно не так уж и много.

Она повернулась к жениху, и они посмотрели друг другу в глаза.

— Да, что касается работы, — сказал Карл, и в его голосе проскользнули беспокойные нотки. — Мне кажется, тебе нужно немного сбавить обороты, милая. Я заметил, как ты похудела и даже немного осунулась.

Ильзе заставила себя улыбнуться:

— Ничего. Набрать вес куда проще, чем его

скинуть.

— А еще я вижу тревогу в твоих глазах.

Уголки губ женщины опустились, и она мягко отстранилась от жениха.

— И ничего-то от тебя не утаишь, — со вздохом произнесла Ильзе. — Что ж, нужно быть готовой к тому, что любимые люди могут читать друг друга как книгу. Но на твой вопрос у меня нет ответа. Мне просто неспокойно на душе, и я не могу найти этому объяснения.

Помолчав, она добавила:

— Карл, я сегодня видела странный сон. Как будто мы все вместе стоим перед огромным длинным мостом. Позади — чудесный сад, где растут сладкие фрукты и всегда светит солнце. Впереди, за мостом, — непроглядный мрак, где изредка грохочет гром и сверкают молнии. Вокруг мои родные и близкие, все, кого я давно знаю… И я вдруг отчетливо понимаю, что мне нужно встать на этот мост и перейти его!

Карл внимательно слушал невесту, завороженно глядя в ее блестящие серые глаза.

— Все мои друзья пытаются меня отговорить, — продолжала Ильзе. — Мама даже схватила меня за руку, но я вырвалась. Я понимала, что должна пройти по мосту! Это даже не было выбором, я

чувствовала, что это мое предназначение! Все мое естество кричало об этом!

— И что же было дальше? — тихо спросил Карл.

— Я взошла на мост. За спиной я слышала ваши голоса, они были преисполнены тревоги и даже страха. С той стороны, куда я должна была пойти, повеяло гарью и дымом… Но я сделала первый шаг. Потом второй. Вскоре к гари добавился запах оружейного масла и крови… Меня окутал густой туман, и я почти ничего не видела… И…

Она умолкла, беспомощно глядя на Карла.

— Я услышала резкий оклик, вроде военной команды. Грубый мужской голос. Я мгновенно проснулась, но обрывки этого неприятного сна до сих пор у меня перед глазами. И я подумала — а вдруг вся моя жизнь и есть путь по этому мосту? Откуда несет дымом и кровью?!

— Дорогая, — сказал Карл. — Я думаю, этот сон навеян непрекращающимися сводками с фронта. Ты постоянно думаешь об этом, вот и вся причина… На мой взгляд, не нужно искать здесь каких-то глубинных смыслов.

Ильзе уже намеревалась что-то ответить, как в комнату стремительно вошел молодой светловолосый мужчина, держащий в руке охапку

белоснежных астр. Увидев влюбленных, он расплылся в улыбке.

— Ильзе, сестренка! Надеюсь, я не опоздал?

Обняв женщину, он вручил ей ароматный букет.

— Это самые прекрасные астры, Курт, — искренне проговорила Ильзе, вдыхая аромат цветов. — Я так рада, что ты пришел!

— Как я мог пропустить такое торжественное событие? — возмутился Курт, пожимая руку Карлу. — Ведь не каждый день моя сестра собирается выходить замуж! Могу я сделать тебе комплимент? Ты просто великолепная в этом платье, в нем ты поразительно похожа на Бригитту Хельм! [3]

— Я польщена, что меня сравнивают с кинозвездой, — краем рта улыбнулась Ильзе. — Спасибо, Курт. Как поживаешь? Есть какие-то новости, заслуживающие внимания?

Он пожал плечами и убрал с плеча коричневого пиджака ворсинку.

— Все новости последних месяцев крутятся вокруг обстановки на фронте. И они не так уж оптимистичны для германских властей. Под

[3] Примечания: 3

Немецкая киноактриса, снявшаяся в таких фильмах, как «Метрополис», «Деньги», «Графиня Монте-Кристо» и др.

Сталинградом на Восточном фронте все еще идут ожесточенные бои. Этот русский город дивизиям вермахта явно не по зубам. Конечно, Гитлер брызжет слюной, обещая уничтожить Сталинград и выйти к Волге. Но понимающие люди видят, что все это пустые слова, не более чем ветер. Очевидно, что скоро грядет серьезный перелом в войне. И он будет не в пользу этого кровавого палача…

— Кто-то должен остановить Гитлера, — сказала Ильзе. — И я всем сердцем чувствую, что это будут советские войска.

— В британской газете была свежая статья, что буквально вчера карательными отрядами СС была сожжена деревня Дремлево, — подал голос Карл. — Вместе с детьми, женщинами и стариками. Геббельс в присущей ему манере назвал эту статью провокацией, а совершенные нацистами зверства, по его мнению, было не что иное, как военная операция по зачистке опасных районов…

— О чем ты говоришь, Карл, — махнул рукой Курт. — Геббельс — это еще тот гнусный тип. Даже если на его глазах гестаповцы будут резать человека, он обязательно найдет повод для оправдания насилия. Ты говоришь о сожженной деревне. А как тебе такая новость? В начале месяца в одной из оккупированных станиц Ста-

линградской области зондеркомандой были расстреляны почти пятьдесят воспитанников детского дома! Детям было от трех до двенадцати лет! Самых маленьких и наиболее слабых попросту закопали в землю, чтобы не тратить на них пули! [4]

— Звери, — прошептала Ильзе, и ее красивые пальцы непроизвольно сжались в кулаки. — Хотя нет, эти нелюди, сотворившие такое, хуже зверей! Звери убивают, лишь когда обороняются либо испытывают голод!

— Ильзе! — вдруг раздался женский голос из гостиной, и она глубоко вздохнула. Переложив букет в другую руку, Ильзе обвела взглядом мужа и брата:

— Мама зовет. Оставлю вас наедине, не против?

Курт усмехнулся:

— Мы как-нибудь попытаемся найти общие темы с твоим мужем. Верно, Карл?

Тот лишь снисходительно кивнул.

---

[4] Примечания: 4

Курт говорит о расстреле 2 сентября 1942 г. воспитанников Нижне-Чирского детского дома для умственно отсталых детей. Всего от рук фашистов погибло 47 детей. По данному факту было проведено следствие, и один из соучастников данного преступления решением военного трибунала 4-го Украинского фронта был приговорен к смертной казни.

Когда Ильзе вошла в комнату, ее мать, Фрида Штебе, заканчивала сервировать стол.

— Прости, что не помогла тебе, — сказала Ильзе. — Я сегодня весь день не своя…

— Все в порядке, — тепло отозвалась Фрида. — Мне совершенно несложно. В конце концов, у тебя сегодня праздник, так что позволь часть забот взять на себя. Тем более, как я сказала, это не составило большого труда.

Ильзе оглядела заставленный блюдами стол. Учитывая, что покупка продуктов питания в Германии с начала военных действий осуществлялась исключительно по талонам, а приобрести что-то вкусное и изысканное на черном рынке мог позволить себе далеко не каждый, расставленные на столе угощения могли бы порадовать самого привередливого немца-гурмана.

В центре располагалось громадное блюдо, на котором остывал только что вынутый из духовки гусь, обложенный жареным картофелем. Свежие овощи, тушеная фасоль с мясом, ветчина с сыром, бутерброды с сардинами… рядом с гусем гордо высилась небольшая миска, наполненная маринованными устрицами. Их, не удержавшись, приобрела Ильзе у одного перекупщика, заплатив за них немалые деньги.

— У меня тоже для тебя есть маленький сюрприз, — сказала Фрида, поставив на угол стола небольшую жестяную коробочку. — Открой и посмотри.

Снедаемая любопытством Ильзе сняла крышку с коробочки и взглянула внутрь.

— О боги, — пробормотала она, потянув тонкими ноздрями. — Неужели кофе? Настоящий черный кофе?

— Именно так, — подтвердила Фрида. — Я подумала, что мы очень давно не пили настоящий кофе.

— Но ведь его сейчас почти нигде не найдешь!

— Ищущий да найдет.

Ильзе обняла мать. Отстранилась, ласково поправив воротник на ее платье.

— Как ты себя чувствуешь, дочка? — озабоченно спросила Фрида. — Ты выглядишь немного бледной.

— Почки снова беспокоят, — призналась Ильзе, усаживаясь на стул. — Но это ерунда.

— Нельзя говорить о здоровье как о ерунде, — возразила мать. — Ты совсем не заботишься о себе, дочка. Так нельзя.

— В августе я была в Карлсбаде, где принимала специальные ванны по рекомендации врача.

Мне стало легче… Правда, только на некоторое время.

— Я не помешал? — спросил Курт, заходя в гостиную. Его глаза расширились, когда он увидел заставленный яствами стол. — Когда это вы все успели, мои любимые женщины? А запахи просто изумительные, у меня уже рот наполнился слюной!

— Мы ждем моих приятелей, Гретту и ее мужа Йохана, — сказала Ильзе и посмотрела на старинные напольные часы, стоявшие у окна. — Они должны подойти с минуты на минуту.

— Может, пока по бокалу вина? — предложил Курт, потянувшись к бутылке из темного стекла.

Когда в комнату вошел Карл, все бокалы были наполнены.

— Дорогие дети… — заговорила Фрида, и голос женщины дрогнул от волнения. — Я от всего сердца желаю вам счастья. Я желаю, чтобы вы прожили долгую прекрасную жизнь… Без войны, под мирным ясным небом.

Послышался звон бокалов.

— Отличный тост, мама, — улыбнулась Ильза. Она хотела добавить что-то еще, как послышался резкий стук в дверь.

Ильзе обменялась взглядами с Карлом.

— Если это твои друзья, — осторожно начал он, поднимаясь из-за стола, — то мне показалось…

— Гретта и Йохан не стали бы так стучать, — мягко прервала его Ильзе и тоже встала. — Я открою.

Пока она шла в прихожую, стук раздался снова, на этот раз более громкий и настойчивый — казалось, в этот раз в дверь долбили уже ногами.

— Кто это? — спросила она. Одно короткое слово, прозвучавшее в ответ, заставило ее сердце сжаться в комок:

— Гестапо.

В памяти мелькнуло ночное видение, словно пожелтевшая от времени фотография, — старый жуткий мост, окутанный смрадным дымом.

— Откройте! — рявкнули снаружи, и Ильзе повернула ключ в замке.

Дверь распахнулась, и взору женщины предстали трое рослых мужчин в темно-серой униформе гестапо. За их широкими спинами Ильзе разглядела хозяйку квартиры, ее бледное лицо напоминало бесформенное пятно с дырами вместо глаз. Было видно, что женщина смертельно напугана.

«И наверняка уже проклинает себя за то, что сдала мне свою квартиру», — пронеслось в мозгу

Ильзе.

Старший офицер, мужчина лет сорока с грубым обветренным лицом, шагнул вперед, буквально вталкивая невесту внутрь квартиры.

— Ильзе Штебе? — без предисловий спросил он, указав на нее пальцем, как будто кроме Ильзе в прихожей был кто-то еще.

— Да, — ответила она.

— Вы одна в доме? — задал очередной вопрос гестаповец.

— Нет, со мной мой жених и родные.

Грохоча сапогами, полицейские бесцеремонно втолкнули ее обратно в комнату, где сидели гости.

— Всем приготовить документы для проверки, — приказал офицер, встав напротив праздничного стола. Презрительно взглянул на тарелку с устрицами и обронил: — Роскошно живете, фрау Штебе. В то время как наша страна испытывает трудности с продовольственными товарами, экономя на всем, вы закатываете пир!

— И я имею полное право на это, — с достоинством ответила Ильзе. — Тем более для этого есть повод — сегодня у меня помолвка с моим будущим мужем.

— Вы собираетесь замуж? — переспросил ге-

стаповец и ухмыльнулся. — Как мы вовремя подоспели!

Пока шла проверка документов, Ильзе подошла к матери и положила ей на плечо руку:

— Пожалуйста, не волнуйся, мама. Я уверена, что это какая-то ошибка.

Спустя несколько минут полицейские вернули гостям документы.

— Все в порядке, — доложил офицеру один из подчиненных. По его недовольному лицу было ясно, что он рассчитывал на другой результат, послуживший бы поводом для задержания всех присутствующих в доме.

— Можете быть свободны, — распорядился старший группы. Видя, что никто сидящий за столом даже не шелохнулся, он гаркнул: — Вон!

— Курт, пожалуйста, проводи маму домой, — попросила Ильзе, и тот кивнул.

— Вы тоже останьтесь, — неожиданно сказал гестаповец, вперив свой колючий взгляд в Карла.

— Хорошо, — послушно произнес Карл. — Только не совсем понятна причина столь неожиданного… визита.

— Начинайте обыск, — велел офицер и в упор посмотрел на Карла. — Слышали поговорку: «Жена да муж — змея да уж»?

Карл вежливо покачал головой.

— Мне вас жаль, — холодно сказал гестаповец. — Неужели вы еще не поняли, что собирались взять в жены дьяволицу?

— Прекратите эти оскорбления, — возмутилась Ильзе. — Объясните, что вы ищете? На каком основании ворвались в дом? Прогнали моих гостей? Я начальник бюро одного из крупнейших химических концернов! Если у вас есть какие-то обвинения против меня, то предъявите их!

— Они обязательно будут, — процедил офицер и словно невзначай задел рукой бутылку вина, которая тут же полетела вниз. От удара об пол она разлетелась вдребезги, быстро образовав багровое озеро.

Обыск длился не более получаса, но Ильзе почудилось, что пронеслись столетия. Все это время, пока нацисты копались в ее вещах, вываливая содержимое шкафов и комода прямо на пол, она неотрывно смотрела на Карла. По виску ее жениха струилась тоненькая дорожка пота.

«Все должно быть хорошо, — мысленно твердила Ильзе. — В квартире нет ничего такого, что могло бы вызвать подозрение или скомпрометировать меня…»

Обыск действительно ничего не дал, и поли-

цейские не скрывали своего разочарования. Разгоряченные и обозленные, они намеренно портили вещи — распарывали ножом подушки, с «мясом» вырывали дверцы шкафчиков, швыряли посуду на пол, топчась по ней сапогами…

— Вы удовлетворены? — спросила Ильзе, с трудом скрывая свое негодование. Страх куда-то испарился, теперь в ней все кипело от гнева к этим троим громилам в серой форме. — Или будете ломать полы?

— Я обойдусь без ваших советов, — высокомерно отозвался офицер. — То, что вы не храните запрещенные предметы, ровным счетом ни на что не влияет. Одевайтесь, да поскорее. Вас это тоже касается, герр Хельфрих.

Карл поднялся со стула, с тревогой глядя на Ильзе.

— Мы арестованы? — спросила Ильзе. — На каком основании, позвольте узнать?

— Все по закону, фройляйн Штебе, — произнес гестаповец. — Вы и Карл Хельфрих задержаны в соответствии с имперским декретом «О защите народа и государства». Вам также будут предъявлены обвинения в пособничестве врагам Германии.

— Это какой-то абсурд, недоразумение, — пока-

чала она головой и, приблизившись к зеркалу, как ни в чем не бывало поправила прическу. Только после этого Ильзе сняла с крючка свое пальто и накинула его на плечи.

— Стоять! — приказал старший группы, когда Ильзе уже шагнула к выходу. — Наручники! Обоим!

Один из гестаповцев с готовностью кинулся исполнять распоряжение, и вскоре руки возлюбленных были закованы в стальные «браслеты».

Уже на улице, когда Ильзе и Карла вели к машине, они столкнулись с опоздавшей парой. Гретта держала в руке букет гладиолусов, а Йохан — сумку с подарками для жениха и невесты. Когда они завидели странную процессию в сопровождении сотрудников гестапо, их лица вытянулись от изумления. Гретта уже хотела что-то спросить, но Йохан вовремя толкнул ее в бок. Ильзе печально улыбнулась гостям, и губы ее беззвучно шевельнулись:

«Простите, друзья»

— Поторапливайся! — зашипел офицер и с силой толкнул ее в спину, отчего Ильзе едва не упала.

«Простите, что так вышло, — уже мысленно повторила она. — Я вступила на свой мост. И

должна пройти его до конца».

В тот же день. Берлин
Штаб-квартира гестапо

Всю дорогу гестаповцы хранили зловещее молчание, и попытки Ильзе прояснить причину ареста были бесплодными. С таким же успехом она могла обратиться с вопросом к фонарным столбам или к воздуху. Карла везли в другой машине, и Штебе могла только догадываться о дальнейшей судьбе своего жениха.

Отпустят ли Карла? Ведь он, по сути, только-только начал помогать Ильзе в ее основной работе, которую она тщательно скрывала от кого бы то ни было. Даже если в гестапо его начнут допрашивать, едва ли он сможет выдать нужную им информацию. То, что желали получить эти мрачные люди в серых мундирах и с ледяными глазами, надежно хранилось только в мозгу Ильзе. И она будет делать все возможное, чтобы ей хватило мужества и выдержки и дальше сохранить все в тайне. Никто не должен подобрать ключик к той информации, которой она обладала. Иначе пострадают все те, кому Ильзе безгранично доверяла и даже любила.

Автомобиль замедлил ход, и она посмотрела в окно. Они проезжали Принц-Альбрехт-штрассе [5], дом 8, где располагалось главное здание штаб-квартиры гестапо.

Миновав высокие черные ворота, автомобиль завернул во внутренний двор, остановившись рядом с невзрачным двухэтажным зданием, узенькие окошки которого были закрыты решетками.

— Вылезайте, — бросил офицер Ильзе, открывая дверь.

Исполнить этот приказ со скованными руками было непросто, учитывая, что на плечах Штебе было пальто, которое успел накинуть на нее Карл. Пока она выбиралась наружу, пальто соскользнуло вниз, упав прямо в лужу. Но едва Ильзе наклонилась, чтобы подобрать его, гестаповец с сардонической улыбкой наступил на него сапогом.

— Оно вам больше не потребуется, — заявил он, толкая арестованную вперед.

— Зачем тогда вы велели мне одеться, когда я

---

[5] Примечания: 5

Называлась до 1951 г., ныне — Нидеркирхнерштрассе (в честь Кете Нидеркирхнер, участницы сопротивления нацистскому режиму). Сейчас на этом месте располагаются мемориал «Топография террора» и музей, посвященный преступлениям нацизма.

была в доме? — заметила Ильзе, но ответом ее не удостоили.

Позади остановился черный «Мерседес-бенц», из которого вытолкали Карла. Бледный и помятый, он успел перехватить пронзительный взгляд Ильзе, в котором отразилась вся гамма чувств, переполнявших его невесту, — безграничная любовь, грусть, тревога и… едва заметный проблеск надежды.

«Я люблю тебя», — прочел Карл по губам Ильзе и сглотнул вязкий комок, который застрял в горле с того самого момента, когда гестаповцы ворвались в квартиру.

После того как Ильзе обыскали, ее отправили в одиночную камеру, расположенную в полуподвальном помещении. Было ли так специально задумано или нет, но единственное окно в ней оказалось наглухо заколочено досками, отчего внутри постоянно царил гнетущий полумрак. Тусклая лампочка под самым потолком была забрана в металлическую сетку и едва мерцала, привлекая внимание одинокого мотылька, непонятно каким образом очутившегося в этих стылых застенках.

Новое обиталище Ильзе представляло собой крохотную каморку с цементным полом и серы-

ми стенами, которые были насквозь пропитаны затхлым воздухом. Кроме вмонтированной в пол железной кровати, покрытой заплесневелым тряпьем, внутри больше ничего не было. В качестве отхожего места в углу стояло обычное ведро, которое менялось раз в день.

Ильзе села на койку. Внутри, словно ядовитый цветок, быстро разрастались лепестки паники, заставляя смерзаться кровь в сосудах. Глаза повлажнели, и она торопливо вытерла их. Те, кто придет за ней, чтобы отвести на допрос, не должны видеть слезы. Она выдержит.

«По крайней мере, я верю в то, что я выдержу, — подумала Ильзе. — Но вот что будет с Карлом?! Он ведь совершенно ни при чем! А вдруг его будут пытать?!»

Штебе не питала особых иллюзий насчет своей участи и мысленно готовилась к худшему. Тот, кто оказался в застенках гестапо, вряд ли уже вернется обратно. А если и вернется, этот человек уже никогда не будет тем, кем он был до ареста. Ильзе вспомнила едкие слова офицера о том, что пальто ей больше не понадобится, и вздохнула.

Где она могла проколоться?!

И прокололась ли вообще? А может, взяли кого-то из ее агентов, и тот под пытками выдал

информацию о ней?

«Ведь обыск у меня дома ничего не дал, — размышляла она. — Но нас все равно арестовали. Значит, какая-то информация у тайной полиции на меня все же есть…»

Перед тем как отправить Ильзе в камеру, надзиратель обыскал ее. Он забрал часы и браслет с кольцом, но почему-то не обратил внимания на золотую цепочку на шее задержанной. Улучив момент, первым делом Ильзе сняла ее, спрятав в чулок.

Она не знала, сколько прошло времени, так как в камере тоже часов не было. Но почему-то Ильзе полагала, что ее допрос состоится немедленно. Иначе зачем срывать праздничное мероприятие, выгоняя всех гостей и притаскивая ее сюда вместе с Карлом?!

Впрочем, задержке с допросом могло быть объяснение. Штебе как-то слышала про подобный прием следствия — арестованных специально держали в неведении, чтобы сломить их психологически. Спустя пару суток нахождения в камере арестант как личность будет морально раздавлен. А если его еще лишить воды и пищи, то он подпишет что угодно, хоть признается в покушении на самого Гитлера…

А может, прошло всего несколько минут?

Как бы то ни было, Ильзе будет думать о хорошем. Однажды мама ей сказала, что все, что происходит с людьми, задумано небесами. Ничего просто так не случается. Иными словами, Бог не по силам испытаний не дает. Значит, ей суждено пройти испытание, которое уготовила ей судьба.

«Это мой мост. И я пройду его полностью, до конца».

Стресс и переживания за Карла настолько измотали Ильзе, что она прилегла на жесткую койку, прикрыв веки.

Она вспоминала молодость. Свои первые дни в издательстве «Берлинер Тагеблатт» [6], где она встретила Рудольфа Гернштадта, свою первую любовь. И если бы не крутые повороты судьбы, а также сложившаяся обстановка в Германии, сегодня за праздничным столом вместо Карла сидел бы он…

---

[6] Примечания: 6

Ежедневная газета, выпускавшаяся в Берлине в период с 1872 по 1939 г. Считалась либеральной газетой этого времени, отражающей настроения торговой буржуазии. Главным редактором газеты являлся известный публицист Теодор Вольф, благодаря которому газета заняла важное место в общественно-политической жизни Германии. В 1939 г. была закрыта по решению нацистских властей.

1930-е годы. Германия
Рудольф Гернштадт

В те далекие годы ей казалось, что все дороги жизни перед ней открыты, стоило лишь сделать правильный выбор. Ильзе тогда едва исполнилось двадцать два года, но она активно интересовалась политикой, состояла в группе революционной немецкой молодежи и была преисполнена дерзких и амбициозных планов.

Найти подходящую работу в то непредсказуемое и тревожное время, когда шло неуклонное сокращение промышленного производства и уровень безработицы только на официальном уровне достигал четырех с половиной миллионов граждан, было весьма непросто. Но Ильзе это удалось — ее взяли в крупнейшую газету либеральной направленности «Берлинер Тагеблатт» на должность секретаря главного редактора, кресло которого занимал Теодор Вольф, выдающийся писатель и критик.

Следовало отметить, что воскресные передовицы этой газеты пользовались огромным успехом у читателей не только в Германии, но и в дру-

гих европейских странах. «Берлинер Тагеблатт» с удовольствием читали как дипломаты и политические деятели, так и промышленники, и даже военные. Вольф пользовался заслуженным авторитетом среди редакторов других газет и журналистов.

Впоследствии между Ильзе и Вольфом сложились прекрасные рабочие отношения, и главный редактор часто помогал своему юному секретарю в трудные минуты.

Ежедневные обязанности Штебе были несложными и однообразными, и со временем девушка начала понимать, что ей нужно что-то иное, где можно проявить себя творчески, а не сидеть на одном стуле, выполняя надоевшую механическую работу.

Ее размеренная и спокойная жизнь была внезапно нарушена, когда она встретила Рудольфа Гернштадта — корреспондента и экономического обозревателя газеты. Увидев его впервые в коридоре издательства, Ильзе невольно проводила молодого мужчину любопытным взглядом, и это было неудивительно. Высокий, широкоплечий и статный, с густой шапкой волос и волевым лицом, он нередко заставлял учащенно биться сердца у представительниц прекрасного пола.

Он и Ильзе быстро познакомились, и они не скрывали взаимных симпатий друг к другу, хотя Рудольф был старше ее на восемь лет. У них нашлось много общего, включая единство в политических взглядах, что в конечном счете окончательно определило дальнейшую судьбу Ильзе.

Рудольф родился в Верхнесилезском промышленном округе, в городе Глейвиц. Его отец был успешным адвокатом, а семья имела еврейские корни из мелкой буржуазии. Окончив гуманитарную гимназию, Рудольф отправился на учебу в Берлин. Его отец мечтал, чтобы Рудольф занялся юриспруденцией и пошел по его стопам, построив карьеру адвоката.

Но молодой и амбициозный Гернштадт продержался в университете всего один год. Он не связывал свое будущее с адвокатской деятельностью, из-за чего раздосадованный отец отправил своего упрямого сына в Краппитцу, где Рудольф учился и работал в качестве бухгалтера-кассира на заводе.

Общение с рабочими показало, насколько остро в то время стояли социальные вопросы трудящихся. Молодой Гернштадт пытался разобраться в причинах проблем, беспокоивших простых

немцев, при этом активно участвуя в различных рабочих движениях. С этого момента Рудольф начал проявлять интерес к журналистике, где впоследствии достиг значительных успехов.

Устроившись в газету «Берлинер Тагеблатт», он успешно выдержал испытательный срок и стал полноценным работником редакции. Рудольф не скрывал своих коммунистических убеждений, его умение дискутировать, оперируя неопровержимыми аргументами и историческими фактами, а также доказывать свою точку зрения очаровало молодую Ильзе.

Тогда она еще не знала, что Рудольф работает на советскую разведку, хотя изредка он просил ее составить какой-нибудь материал якобы для очередной статьи. К поручениям нового друга Штебе подходила с максимальной ответственностью, выполняя их в кратчайшие сроки.

Ильзе прекрасно помнила тот теплый майский вечер, когда Рудольф позвал ее на прогулку.

— Хочу на Музейный остров [7], — заявила она, обрадовавшись предложению. — Ты ведь не против?

---

[7] Примечания: 7

Музейный комплекс в северной части острова Шпрее в историческом центре Берлина. Построен в 1830 г., в 1999 г. внесен в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

— Конечно, нет, — улыбнулся Рудольф. — Мы можем потом прогуляться по набережной Шпрее.

Они шли, держась за руки, словно влюбленные подростки, а весенний ветер трепал их волосы, ласково обдувая радостные лица.

Некоторое время Рудольф рассказывал об образовании Музейного острова и о Дворцовом мосте [8]. Затем тема разговора как-то незаметно перешла на политику, и лица молодых людей стали серьезными.

Вдосталь нагулявшись, они остановились на Дворцовом мосту, глядя сверху на темную воду Шпрее. Ильзе и Рудольф просто стояли, наслаждаясь близостью друг друга, потом Штебе внезапно спросила:

— Ты ведь что-то хотел сказать мне, Руди?

— Я?

— Конечно. Я ведь чувствую это по твоим глазам. Все эти беседы об экономическом подъеме — лишь ширма, за которой у тебя приготовлен какой-то особый разговор. Я не права?

---

[8] Примечания: 8

Мост через канал Шпрее в восточном конце Унтер-ден-Линден в центре Берлина является памятником архитектуры и соединяет исторические районы Фридрихсвердер и Шпрееинзель. Построен в 1820-х годах по проекту Карла Фридриха Шинкеля.

Рудольф рассеянно провел рукой по волосам, словно пытаясь их пригладить из-за усилившегося ветра.

— Ты необычайно проницательна, Ильзе, — сказал он, приобняв девушку. На губах Рудольфа была улыбка, но в глазах при этом читалась напряженная сосредоточенность. — Ничего-то от тебя не скроешь!

— Наверное, сейчас самое время, — произнесла она. — Я тебя внимательно слушаю, милый.

Рудольф откашлялся, словно все еще решал, стоит ли заводить этот разговор, на подготовку к которому у него ушло несколько дней.

— Ты умная девушка, Ильзе. И, наверное, уже догадываешься, что моя деятельность в издательстве не ограничивается исключительно работой в газете. Я хочу тебе кое-что рассказать о себе… И возможно, что после этого ты изменишь обо мне свое представление. А может быть, ты присоединишься ко мне, на что я, признаться, очень рассчитываю…

Ильзе слушала его, впитывая каждое слово. Она знала о работе различных коммунистических движений и была уверена, что Рудольф, как ярый приверженец марксистских идей, попросит ее о каком-то новом поручении. Но когда он, не

меняя выражения лица, сообщил ей о том, что работает на советскую разведку и что у него есть свой позывной «Арбин», Ильзе на мгновенье растерялась.

— Это… слишком неожиданно даже для меня, — сказала она, когда секундное замешательство прошло. — Хотя у меня были определенные догадки, которые я держала при себе и ждала, что ты сам заговоришь об этом…

— Ты шокирована? — спросил Рудольф, испытующе глядя в глаза любимой. В эту минуту решалось буквально все, и теперь от согласия (или отказа) Ильзе зависела их дальнейшая судьба.

— Я очень рада, что ты поделился своим секретом со мной, — наконец промолвила Штебе. — Это означает, что ты мне полностью доверяешь.

— Я давно знаю тебя, Ильзе. И ты права, я доверяю тебе так же, как самому себе. В этой связи я хочу тебе предложить немного больше, чем участвовать в забастовках рабочих и редактировать статьи в газете. Как ты понимаешь, всякая работа продвигается лучше, когда у тебя есть толковые помощники. И как раз одна из них сейчас стоит прямо напротив меня.

Тонко очерченные брови Ильзе взметнулись

вверх:

— Ты предлагаешь мне добывать информацию для военной разведки СССР?

— Почему бы нет? Все данные для этого у тебя есть. Ты умна, энергична, целеустремленна, инициативна. У тебя потрясающая хватка и высокая трудоспособность. Ты умеешь анализировать информацию и делать по ней выводы. А еще ты легкообучаема, что в нашей работе играет важную роль. Но самое главное — тобою движет идея, а не какие-то корыстные интересы. Я ведь вижу, как ты переживаешь за нашу страну. А этот фактор является главенствующим в нашей работе. Из тебя выйдет отличный агент! Если ты согласишься, тебя ждут поездки за границу. Вена, Чехословакия, Польша…

Рудольф умолк, видя, как лоб девушки прорезала складка.

— Я вижу, что ты сомневаешься, — заметил он.

— Буду с тобой откровенна, — кивнула Ильзе. — Мне вдруг пришла в голову простая мысль. Ты сказал, что, по твоим прогнозам, к власти рано или поздно придет Гитлер.

— Несомненно.

— А раз так, то он обязательно развяжет новую войну, как реванш за проигрыш и унизительное

поражение в Первой мировой… Идеи отыграться за эту неудачу очень сильны среди немцев. Известно и то, что одни из потенциальных врагов Германии — русские. Пусть будет, как ты предполагаешь, и война с Советстким Союзом все-таки состоится. И если русские победят — а все условия для этого есть, они очень сильная нация! — страна, которую я безмерно люблю, окажется в руинах. Получается, я предам Германию. Что ты скажешь на это?

С губ Рудольф сорвался вздох. Судя по всему, он ожидал этого вопроса, но ответил не сразу.

— Мне понятны твои сомнения, Ильзе, — наконец заговорил он. — Позволь мне привести тебе простой пример, чтобы было понятней. Представь, что в твоем доме завелись крысы. Огромные отвратительные твари и вечно голодные к тому же. Они грызут все подряд — вещи, еду, мебель… Эти бестии начинают совершать набеги на соседние дома. Начинают страдать другие люди. И вот на соседней улице живет очень сильный и крепкий парень, который не боится крыс. Он говорит: «Я тебе помогу. Но у меня два способа. Первый — я сжигаю ваш дом. Тогда мы уничтожим все и тебе придется строить новое жилище. Второй — ты покажешь, где они

прячутся, и мы кинем туда отраву. Тогда сдохнут только крысы, а дом останется в целости и сохранности».

Рудольф перевел дыхание и продолжил:

— Первый способ — это то, о чем говорила ты. Второй — то, чем занимаюсь я. Нам нужна помощь крупной и сильной страны, чтобы они выжгли каленым железом этих крыс, которые хотят вовлечь Германию в хаос и смертоубийственную войну. Мы должны действовать на упреждение. Чтобы иметь перевес в силе в этой борьбе, нужны сильные союзники. И, как мне представляется, только СССР, как страна, где победили марксистские идеи, где рабочие и крестьяне сами управляют государством, сможет справиться с этой задачей. Как только к власти придет Гитлер, начнется новая война, еще более ужасная и кровопролитная. Знаешь, что изрек Гитлер в своем манифесте «Моя борьба»? «Политика, целью которой не является война, не имеет ни цены, ни смысла»! Как ты считаешь, может такое заявить здравомыслящий политик? Когда он ответственен за миллионы мирных граждан своей страны?

Я помню и другие строки этого так называемого творения. Дословно не процитирую, но смысл

заключается в том, что нужно переходить к политике завоеваний новых земель в Европе. А если следовать этому курсу, то это может быть достигнуто исключительно за счет России. Вопрос не стоит «да или нет» войне, Ильзе. Главный вопрос — когда?!

Я внимательно слежу за политикой. Европейские страны не смогут дать отпор Гитлеру, они слишком слабы и разрозненны. Америка от нас далеко, никто не полезет воевать за океан. Россия же рядом. Эта огромная страна богата недрами и природными ископаемыми, там необычайно плодородная земля. А что касается руин от Германии, которые могут остаться в результате войны… Я думаю, ты заблуждаешься. И хотя многие считают русских варварами, это не так. Не будет никаких руин, русские не такие. Они могли бы уничтожить Францию после поражения Наполеона, но не сделали этого. Они выигрывали множество войн в истории и всегда вели себя благородно по отношению к поверженному противнику. Когда это все-таки произойдет, русские не станут громить и разрушать нашу страну. Наоборот, они помогут немецкому рабочему движению взять управление страной в свои руки, чтобы установить в Германии справедливую и

мирную власть. Я хочу, чтобы ты усвоила простую истину: мы боремся против режима, который вот-вот захватит власть в нашей стране. Только против него, а не с рядовыми немцами.

Он хотел добавить что-то еще, но Ильзе его опередила.

— Я согласна, — тихо сказала она, обнимая возлюбленного.

Сильный порыв ветра взъерошил волосы молодых людей, но они не обращали внимания на капризы природы. В этот день Ильзе сделала свой выбор, который в конечном счете стал самой главной целью в ее жизни.

Конечно, не считая желания обрести семью.

Они все еще надеялись, что смогут быть вместе, но суровая реальность внесла свои коррективы в жизнь влюбленных.

14 сентября 1942 года. Берлин
В тюрьме. Следователь Хабеккер

Часы тянулись, словно липкий сироп, который еле-еле сочился из бездонной банки. Из-за того, что окно было заколочено, Ильзе потеряла счет времени и могла только догадываться, какое сейчас время суток.

В туалетную комнату тюремный вахтман выводил ее всего два раза, из чего она сделала вывод, что прошло два дня. Вряд ли надзиратели проявили к ней милосердие, выводя из камеры чаще, чем того требовал и без того жесткий регламент гестаповской тюрьмы. Впрочем, у Ильзе были большие сомнения, что гестаповцы четко следовали прописанным в инструкциях правилам. Изредка ей приходилось слышать истошные крики в коридоре — похоже, кто-то из заключенных оказался несговорчивым.

Несколько раз приносили еду, хотя назвать едой мутную жижу, в которой плавали ошметки почерневшей капусты, было весьма сложно. Однажды дали кусок хлеба. По своей черствости эта жалкая корка напоминала камень, ею можно

было нацарапать свои инициалы на стене камеры. Ильзе аккуратно сгрызла хлеб, стараясь не потерять ни одной крошки.

«Может, меня отпустят?» — то и дело закрадывалась к ней шальная мысль. И действительно, если бы у тайной полиции на нее что-то было, вряд ли ее заставили бы томиться в камере вторые сутки подряд. С другой стороны, не будут же Ильзе здесь держать вечно?!

Словно в подтверждение этих мыслей, по коридору раздались неспешные шаги, за которыми последовал скрежет ключа. Несколько секунд, и железная дверь распахнулась с противным скрипом. На пороге стоял коренастый мужчина в темной униформе вахтмана. Из-под сросшихся бровей на нее смотрели маленькие злые глаза.

— Собирайся, тебя ждет следователь, — велел он и, оглядевшись по сторонам, демонстративно сморщил свой нос, на кончике которого виднелась бородавка.

Ильзе молча встала с койки и подошла к двери. Она уже намеревалась переступить порог, как внезапно на ее лицо обрушилась ладонь вахтмана, тяжелая, как доска. Это было так неожиданно, что Ильзе едва не упала. В глазах потемнело, из разбитой губы потекла кровь.

— За что? — вырвалось у нее.

— Ненавижу предателей, — ухмыльнулся тот и сплюнул. — Пошевеливайся!

Штебе медленно двинулась вперед, и гестаповец толкнул ее кулаком в спину:

— Если ты будешь спать на ходу, я отволоку тебя за волосы. Мне не платят за то, чтобы я нянчился с арестованными.

— Значит, я должна вам быть благодарна. Хотя бы за то, что пока вы воздерживаетесь от этого, — спокойно ответила Ильзе, вытирая кровь с губ.

Сдержанность женщины обескуражила охранника, и он лишь что-то невнятно процедил сквозь зубы, подгоняя Штебе вперед.

Через пару минут он втолкнул ее в кабинет.

Взгляд Ильзе непроизвольно остановился на железном табурете, стоявшем перед столом следователя. Как и положено, он был наглухо привинчен к полу.

За столом сидел сухощавый мужчина лет пятидесяти в круглых очках. У него были темные седеющие волосы, тщательно зализанные назад, также острые черты лица, и, глядя на него, Ильзе почему-то подумала о крупном грызуне.

«Крыса, — мелькнуло у нее в голове, и она мысленно содрогнулась. — Крыса, облаченная в

нацистскую форму».

Присмотревшись, Штебе заметила за спиной следователя еще одного человека, сидящего за крошечным столом. Невзрачный, бледный, как собственная тень, он сгорбился над печатной машинкой в безропотной готовности выводить на бумагу показания Ильзе.

Как только вахтман закрыл за собой дверь, следователь поднялся из-за стола.

— Криминальный комиссар государственной безопасности Вальтер Хабеккер, — представился он. Голос у Хабеккера был скрипучим, напоминая звук вилки, скребущей по дну кастрюли. Его пронзительные глаза-буравчики, спрятанные за стеклами очков, пытливо уставились на губы Ильзе. После пощечины надзирателя они распухли, продолжая кровоточить. — Что с вами, фройляйн Штебе? Вас кто-то ударил?

Глядя на его издевательскую ухмылку, Ильзе подумала, что жаловаться на поведение вахтмана будет напрасной тратой времени. В конце концов, в ее положении предъявлять претензии за оплеуху было бы просто наивно, это равносильно тому, как если бы муха стала жаловаться на паука, который в этот момент неумолимо пеленал бы ее в кокон…

— Споткнулась, когда выходила из камеры, — ответила она.

Обойдя стол, Хабеккер встал напротив Ильзе, скрестив на груди руки. От внимания женщины не ускользнуло серебряное кольцо на безымянном пальце гестаповца, тускло блеснувшее в свете ламп. Это был наградной знак Гиммлера, «Мертвая голова» [9].

— Вы лжете, — с усмешкой произнес следователь. — Если бы вы упали лицом вниз, то первым делом свернули бы себе нос, фройляйн Штебе. Вас ударил Якоб. Это вахтман, доставивший вас ко мне.

Ильзе ничего не ответила, и Хабеккер, выдержав паузу, добавил:

— Не держите зла на этого парня. У него недавно погибли два брата под Сталинградом. Русские сожгли танк, в котором они находились. Бедняги сгорели заживо.

«Бедняги? Кто их звал в Сталинград?!» — хотела осведомиться Ильзе, но благоразумно промол-

---

[9] Примечания: 9

Персональный наградной знак, выдаваемый членам СС. Первоначально кольцом награждались старшие офицеры, которые продемонстрировали мужество и лидерские качества в бою, затем правила награждения упростились. В случае смерти владельца кольцо должно быть возвращено Гиммлеру — эта обязанность возлагалась на соратников погибшего. Эти кольца в качестве памяти о владельцах отправлялись на хранение в замок Вевельсбург.

чала.

— Я не одобряю немотивированного насилия, но, как видите, у Якоба есть свои причины ненавидеть русских. А также тех, кто им помогает, — с многозначительным видом добавил Хабеккер.

— Значит, потерей близких людей вы оправдываете насилие должностного лица по отношению к заключенным?

— Давайте закончим с этим. — В голосе следователя пробились нетерпеливые нотки. — Я здесь не для того, чтобы обсуждать вашу разбитую губу или обязанности тюремной охраны. Вы вызваны на допрос, фройляйн Штебе. Вам известно, по какому поводу вас задержали?

Ильзе покачала головой:

— Не имею ни малейшего понятия.

Хабеккер указал пальцем на табурет.

— Присядьте.

Она молча выполнила указание, положив руки на колени.

— Прежде чем мы приступим к допросу, считаю своим долгом напомнить важную деталь, — сказал Хабеккер. — Ваше будущее в ваших руках, фройляйн Штебе. От того, насколько вы будете искренны со мной, зависит ваша дальнейшая судьба. Скажу больше…

Он, не мигая, наклонился ближе, и на мгновение Ильзе почудилось, что сейчас из-под верхней губы следователя выглянут острые клыки.

— ...от этого зависит ваша жизнь. И жизнь Карла Хельфриха, который находится в соседней камере. Если не ошибаюсь, вы собирались скрепить с ним отношения официальным браком.

— Я готова ответить на все вопросы, если они помогут мне и моему жениху обрести свободу, — ответила Ильзе, не без труда выдержав тяжелый взгляд криминального комиссара.

— Отлично, — кивнул Хабеккер. — Давайте начнем с конца, фройляйн Штебе. — С кем вы поддерживали связь? И каким образом поддерживали ее? Мне нужны имена и адреса. Расскажите о способах передачи и источниках вашей информации.

Ильзе округлила глаза:

— Связь? О каких связях вы говорите, герр Хабеккер? Вы имеете в виду мои служебные дела? Или семейные?

Змеиные глаза следователя слегка сузились:

— Вы принимаете меня за дурака? Или сами изображаете дурочку?!

— Я просто не понимаю вопроса.

— Перестаньте, фройляйн Штебе. Нам известно,

что вы работали на советскую разведку, — отчеканил Хабеккер, подвинув к себе плотный конверт. — И чем быстрее вы начнете сотрудничать с нами, тем будет лучше для вас.

— Вы меня с кем-то путаете, — отозвалась Ильзе. — Никогда в своей жизни я не работала на иностранные разведки. Ни на русскую, ни на британскую, ни на какую! Я честная немка, патриотка своей страны! И никто никогда не мог меня заподозрить в чем-то незаконном по отношению к своей стране!

Хабеккер кивнул, словно ждал именно этого ответа, и достал из конверта пачку фотографий.

— Извольте взглянуть, — сказал он, веером раскладывая карточки на столе. — Кто-нибудь знаком вам на этих фото? И если кто-то знаком, какие вас связывают отношения?

Привстав с табурета, Ильзе принялась внимательно изучать фото. Перед глазами женщины мелькали лица, в большей мере ей незнакомые. Во время этого процесса Хабеккер неотрывно наблюдал за арестованной, и Штебе буквально кожей чувствовала на себе обжигающий взгляд следователя.

Она узнала мужчину на одной из фотографий — седовласого немолодого крепыша — и лишь

усилием воли не выдала своего волнения, продолжив перебирать карточки.

«Курт, — запульсировало у нее в голове. — Курт Шульце, связной радист… Неужели они тоже вышли на него?!»

Спустя пару минут она покачала головой и вернулась на табурет со словами:

— Увы, ничем не смогу вам помочь. Все эти люди, изображенные на фото, мне незнакомы.

Хабеккер усмехнулся.

— Я не ожидал от вас другого ответа, фройляйн Штебе. Ну, допустим. А вам что-нибудь известно о «Красной капелле»? Только не отрицайте, что не слышали об этой группировке.

— Я не имею отношения к музыкальным организациям [10].

— Не придуривайтесь. Агентов этого подпольного сообщества уже начали арестовывать, и вы входите в их число. Может, вы скажете, что вас связывает с Бельгией? А точнее — с Брюсселем?

Ильзе сделала вид, что ненадолго задумалась, затем медленно покачала головой:

— Нет, герр Хабеккер. Я никогда не была в Бельгии, и никто из моих родственников там не

---

[10] Примечания: 10

В переводе с немецкого «капелла» означает «оркестр».

живет. А почему вы спросили об этой стране?

— Вопросы здесь задаю я, — отрезал гестаповец. Ильзе видела, что терпение у него на исходе, и с замирающим сердцем ждала, когда оно лопнет окончательно.

Взяв в руки карандаш, Хабеккер принялся крутить его между пальцами.

— Тогда начнем сначала. Ваше имя, год и место рождения. Где и кем работаете. Ваши ближайшие родственники, кто где живет и чем занимается…

— У вас же есть на меня полное досье, — сказала Ильзе, кивая на пухлую папку, лежащую на столе следователя. — Вряд ли меня стали бы арестовывать, не собрав при этом обо мне сведения…

— Отвечайте на вопросы, Штебе. — От голоса криминального комиссара повеяло ледяным холодом. — Не заставляйте меня прибегать к другим мерам ведения допроса.

С этими словами он неожиданно вытянул карандаш вперед, с треском переломив его пополам. Ильзе вздрогнула, но лицо ее оставалось спокойным и даже умиротворенным.

— Мое имя Ильзе Штебе, — размеренно начала она. — Я родилась 17 мая 1911 года в Берлине…

Хабеккер махнул рукой, подавая знак стенографисту, и тот с готовностью застучал клавишами

печатной машинки.

Спустя полчаса следователь бегло пробежался глазами по отпечатанному тексту, затем отложил листы в угол стола.

— Возвращаемся к главным вопросам. Кто был ваш связной? С кем из русских вы выходили на контакт? Способы и средства связи?

«У них на меня ничего нет», — облегченно подумала Ильзе. Она провела кончиком языка по сухим губам — пить хотелось неимоверно.

— Могу я попросить стакан воды, герр Хабеккер?

На лоснящемся от пота лице гестаповца скользнула злорадная ухмылка.

— Воды вы не получите до тех пор, пока не ответите на заданные вопросы.

— Я сообщила вам все, что знаю, — произнесла Ильзе.

— Если бы это было так, я давно отправил бы вас в камеру. Ладно, двигаемся дальше…

Хабеккер снова взял пачку фотографий и, словно опытный шулер, проворно разложил их на столе, будто карты:

— Повторяю вопрос. Кто из этих людей вам знаком?

Ильзе устало качнула головой.

— Вы теряете время. Я уже сказала, что никого из них не знаю.

— А вы еще раз посмотрите.

Так продолжалось более двух часов. Вопросы повторялись, как на заезженной пластинке — «имя, адрес, родственники, Бельгия, связные, фото…»

И каждый раз Ильзе терпеливо отвечала, ни на шаг не отступая от выбранной тактики.

«Не знаю». «Не знакомы». «Не видела». «Нет, нет, нет…»

На исходе третьего часа Хабеккер и сам начал испытывать усталость. Позвав вахтмана, он дал ему какое-то указание, а Ильзе сказал:

— Я сделаю перерыв на обед, фройляйн Штебе. За это время, пока меня не будет, вас будет допрашивать мой коллега — Иоганес Штрюбинг. Советую вам быть с ним более разговорчивой. Он хороший следователь, хотя и не такой тактичный, как я. И терпения у него чуть поменьше, нежели у меня.

Ильзе ничего не ответила — ее мутило от духоты и жажды, которая становилась невыносимой.

Спустя минуту в допросную вошел широкоплечий мужчина в форме СС. Его застывшее, словно маска, лицо пересекал глубокий шрам, тянув-

шийся от правого глаза до самого подбородка.

Окинув уничтожающим взглядом Ильзе, он уселся на стул, который освободил Хабеккер.

— Встать, — скомандовал вновь прибывший следователь, как только Хабеккер вышел за дверь. Ильзе поднялась с табурета.

— Имя, год и место рождения, — процедил Штрюбинг.

С трудом разлепив пересохшие губы, Ильзе ответила.

Все началось по новому кругу, с той разницей, что теперь она вынуждена была стоять.

Штебе отвечала на вопросы, мысленно приказывая себе держаться и не рухнуть в обморок. Этот гестаповец, ненависть от которого в прямом смысле исходила тяжелыми волнами, не должен видеть, что она сломлена допросом и ей очень плохо.

«Мне не плохо, — успокаивала себя Ильзе. — Это всего лишь первый допрос, а ты готова лечь на спину и поднять лапки вверх?! Приготовься к тому, что настоящие пытки еще впереди…»

Голос нового следователя был резким, каждое слово напоминало удар хлыста. Как в тумане, Ильзе видела глаза Штрюбинга — пышущие яростью и испепеляющей злобой. Она вдруг поду-

мала, что Хабеккер попросил не применять к ней насилие в его отсутствие. Потому что недвусмысленный взгляд гестаповца был красноречивей всех слов — он без раздумий переломал бы ей все кости, будь у него на то воля…

Односложные и, по сути, одинаковые ответы Штебе постепенно приводили следователя в бешенство, и ему стоило больших усилий сдерживать себя. И когда в кабинет наконец вернулся Хабеккер, Штрюбинг шагнул к Ильзе, прошипев:

— Совсем скоро вы будете разговаривать в моем кабинете, упрямица.

Перехватив вопросительный взгляд Штебе, Хабеккер пояснил:

— Высшим руководством тайной полиции нам даны полномочия использовать все возможные способы получения информации от подозреваемых. И, поверьте мне на слово, Иоганес Штрюбинг весьма преуспел в этом. Я говорю о дополнительных мерах дисциплинарного воздействия на заключенных. Полагаю, у вас нет желания оказаться в его кабинете, чтобы проверить мои слова на деле.

Ильзе замотала головой:

— Вы правы, герр Хабеккер. И я думаю, любой человек в здравом рассудке не хотел бы такой

участи.

— В таком случае я хочу получить ответы на свои вопросы. Похоже, Штрюбингу вы рассказывали то же самое, что и мне. Может, вы все-таки измените свою точку зрения и начнете говорить правду?

— Мы ходим по кругу, герр Хабеккер, — тихо ответила Ильзе. — Мне нечего прибавить к тому, что вам уже известно.

Тонкие губы следователя растянулись в улыбке.

Он улыбался, но его преисполненным яростью взглядом можно было резать бетон. Глаза Хабеккера напоминали Ильзе слюдяные окошечки, за которыми бушевал самый настоящий ад.

— Вы думаете, нам о вас ничего не известно? — вкрадчиво поинтересовался он, вплотную приближаясь к Ильзе. — Вы очень наивны, Штебе. Нам известно, что у вас есть сводный брат Курт, который был на вашей вечеринке в тот день. И к нему у нашего ведомства тоже есть ряд вопросов. Мы знаем, что вы часто ездили за границу — в Польшу, Румынию, Чехословакию, и сейчас ваши связи в этих странах, а также истинные цели визита прорабатываются. Мы можем поговорить о вашей биографии. Я располагаю сведениями, что

материальное положение вашей семьи оставляло желать лучшего, из-за чего вы даже не смогли закончить гимназию. После школы вы поступили на курсы секретарей-стенографисток, получили диплом и устроились на работу в издательский концерн «Моссе»… Продолжать?

Ильзе покачала головой, а Хабеккер продолжил:

— Для нас не новость, что вы страдаете болезнью почек, мы знаем даже о любимой кошке вашей матери, Фриды Штебе. Если я не ошибаюсь, это чудесное пушистое создание зовут Хайди?

Ильзе почувствовала, как в ее пересохшей глотке застрял вязкий ком. Разрастаясь, он стремительно заполнял все горло, затрудняя дыхание.

Следователь приблизился к ней настолько близко, что она видела каждый сосудик на его носу, каждый волосок на него холеной коже.

— Мы знаем о вас столько, сколько не знаете о себе даже вы сами, — прошептал гестаповец. — Мне от вас нужно лишь признание. Перестаньте упорствовать и расскажите правду. И все сразу закончится.

«И тогда вы меня убьете», — мысленно закончила за него Ильзе.

— Мне… мне нечего добавить к сказанному, — сипло произнесла она.

Несколько секунд Хабеккер выжидающе смотрел на арестованную, словно надеясь, что Ильзе в последнее мгновенье изменит свое решение и заговорит. Но она продолжала молчать, и он вызвал вахтмана.

— В камеру, — коротко скомандовал он, когда в дверь просунулась физиономия Якоба.

1937 год. Варшава Рудольф фон Шелия

Вскоре Гернштадту пришлось выехать на работу в Польшу, в то время как Ильзе осталась в Берлине. Она продолжала работать в «Берлинер Тагеблатт» в должности секретаря Теодора Вольфа. Ей был присвоен псевдоним Арним, а негласное руководство над ней взял на себя советский разведчик-нелегал Яков Бронин. Будучи резидентом в Германии, он занимался сбором информации о вооруженных силах Третьего рейха.

Встречи с Брониным проходили регулярно, и Штебе весьма ответственно подходила к поручениям своего нового начальника. Она передавала резиденту различные материалы, копии документов, которые ей удавалось раздобыть из закрытых редакционных папок.

Разведывательные успехи Арним на тот период были еще незначительными, но, сотрудничая с молодой немкой, Бронин понимал, что перед ним не просто агент-информатор, а молодая женщина. Женщина, которая все свои силы прилагала для борьбы с нацистской идеологией и работала

в этом направлении самоотверженно, с полной самоотдачей.

Она, словно губка, впитывала уроки опытного разведчика, который терпеливо обучал ее тонкостям и секретам своей работы. К тому времени, когда Центром было принято решение об отъезде Бронина из Германии — он был евреем, и оставлять его на службе в фашистском государстве было просто опасно, — Ильзе уже полностью освоилась на новом поприще и могла работать самостоятельно. При этом соблюдая предельную осторожность, так как прекрасно понимала, какая расплата может последовать за одну-единственную ошибку, будь то неверно составленное донесение или оброненное слово в беседе…

Работа Ильзе приносила свои плоды, и в какой-то момент руководство Центра рассматривало возможность внедрения Арнима в абвер [11].

Многие, в том числе и Ильзе, вдохновились этой идеей, но воплотить ее в жизнь не представилось возможным по одной простой причине. Штебе все еще сотрудничала с Теодором Вольфом, а тот, в свою очередь, подвергался гонениям

---

[11] Примечания: 11

От немецкого Abwehr (оборона), сокращенно от Auslandsnachrichten-und Abwerhramt. Орган военной разведки и контрразведки в фашистской Германии, входил в состав Верховного командования вермахта.

со стороны нацистских властей за свои убеждения демократического характера, от которых не отступал до самых последних дней жизни. Если бы знакомство с известным публицистом стало достоянием известности в соответствующих кабинетах, у Ильзе возникли бы серьезные проблемы. Подвергать Штебе такому риску в Центре не стали.

В какой-то момент в ее работе с Рудольфом возникло небольшое затишье, и, как однажды он признался, связано это было со слабой информированностью агентов.

Ситуация кардинальным образом изменилась, когда Ильзе приехала в Варшаву к своему возлюбленному. После того как радость и эмоции долгожданной встречи поутихли, они перешли к насущным вопросам.

— Есть новости, — перешел к делу Рудольф. Они сидели в уютной гостиной и наслаждались горячим кофе. Квартира, которую снимал Гернштадт, располагалась в самом центре Варшавы, выходя окнами прямо на Вислу. — У меня хорошие отношения с немецким послом в Варшаве, ты о нем слышала.

— Мольтке? — уточнила Ильзе.

— Именно, Ганс-Адольф фон Мольтке, — под-

твердил Рудольф. — Мы с ним в очень хороших отношениях, и он дорожит моим мнением. На одном из дипломатических приемов он представил мне своего нового советника, который является моим тезкой, — Рудольфа фон Шелия. Я слышал о графах Шелия, которые имели прямую связь с канцлером Бисмарком, и спросил его об этом. Шелия подтвердил, что его дед занимал пост министра финансов в кабинете Бисмарка, и был приятно удивлен моей осведомленностью. Мы провели интересный вечер, и я понял, что это именно тот самый человек, который нам нужен, Ильзе. Интуиция редко подводит меня. Он большой сноб, заносчив и любит азартные игры. Но при этом имеет обширные связи в высших дипломатических кругах. И самое главное — им движет алчность. Вот, почитай.

С этими словами Рудольф протянул небольшую стопку мелко исписанных листов. Взяв их, Ильзе принялась сосредоточенно читать.

— Женат на дочери венского дворянина, имеет двух дочерей, — вслух проговорила она. — Работал в германском консульском отделе в Праге, после этого в Константинополе… Карьерист. Ненавидит фашистскую идеологию… Увлекается азартными играми, как ты и говорил…

— Это очень важно, — заметил Рудольф. — По моим сведениям, у Шелия накопился большой долг из-за карточного проигрыша, который он до сих пор не выплатил.

— То есть ты хочешь сказать, что Центр готов платить этому информатору? — спросила Ильзе.

— Если информация того стоит. И я считаю, что так оно и есть. Проблема в другом. — Рудольф допил остывший кофе и поставил чашку на столик. — Шелия терпеть не может русских. Он одинаково ненавидит и нацистов, и большевиков. Даже за деньги он может отказаться сотрудничать с нами, если будет знать, что полученные от него сведения поступают русской разведке.

Ильзе с задумчивым видом провела пальцем по крышке кофейника:

— А что мешает ему сказать, что мы работаем на другую страну? Как насчет того, что мы сделаем из него агента, завербованного под чужим флагом? [12]

Рудольф кивнул, глаза его возбужденно сверкнули:

---

[12] Примечания: 12

Лицо, которое передает секретную информацию, при этом не зная, что ее конечный получатель является сотрудником разведки, или не догадываясь о национальной принадлежности этой разведки.

— Любимая, ты у меня с языка сняла эту мысль! Пусть Шелия считает, что мы собираем сведения для британской спецслужбы. Тем более в беседах со мной он не скрывая восхищался Великобританией.

— Тут много подводных камней, Руди, — предостерегла его Ильзе. — Нельзя недооценивать информатора. Не забывай, что этот Шелия может предпринять шаги к проверке твоего истинного лица…

— Мы все это учтем.

— А еще я вижу, что этот дипломат состоит в партии НСДАП. Как это соотносится с тем, что он ненавидит гитлеровский режим?!

— Здесь нет ничего необычного, — успокоил ее Рудольф. — Шелия — должностное лицо, и партийный билет — его пропуск по карьерной лестнице. Без него он едва бы добился той должности, что занимает сейчас.

— Так Центр уже дал согласие на его вербовку?

— В том-то и дело, что вопрос решен. У меня уже было несколько встреч с ним, где я прощупывал почву. И, как мне кажется, все шансы выиграть этот раунд у нас есть. Времени на раскачку нет, и завтра у меня с Шелия запланирована очередная встреча. Надеюсь, решающая.

Он взял за руку Ильзе и нежно поцеловал пальцы женщины.

— Я в тебя верю, дорогой, — промолвила она.

После этой встречи между Рудольфом и немецким дипломатом состоялся телефонный разговор, в ходе которого Гернштадт как бы мимоходом обронил, что у него есть очень важный вопрос к Шелия. Заинтригованный, тот пообещал устроить встречу в самое ближайшее время и перезвонил буквально спустя час:

— Дорогой мой друг, ты можешь приехать ко мне сегодня же вечером? Моя жена с дочками уехала погостить на пару дней, так что нам никто не помешает!

Не прошло и часа, как Рудольф сидел в роскошной гостиной Шелия, глядя, как в камине весело потрескивают дрова. Он угостил дипломата гаванскими сигарами, и тот, с наслаждением затянувшись, выпустил сизую струйку дыма изо рта. Откинувшись на спинку стула, Шелия обратился к своему гостю:

— О чем же ты хотел поговорить со мной, Рудольф? Признаюсь, я сгораю от нетерпения!

Гернштадт вкратце поведал аристократу об одной из встреч в загородном доме руководителя отдела рекламы «Манчестер Гардиан». Во время

обеда Рудольф, не особо стесняясь в выражениях, высказался о текущей ситуации в Германии, на что обратил внимание некий мистер Смит, который, судя по всему, был англичанином.

— Улучив момент, когда я стоял на балконе один, он подошел ко мне, завязав ни к чему не обязывающий разговор, — сказал Рудольф. — Мы болтали о всяких пустяках, как вдруг этот господин меня спросил:

«Господин Гернштадт, возможно, мой вопрос застанет вас врасплох… Скажите, у вас есть возможность информировать нас о происходящих событиях в Германии? Я сейчас не имею в виду общеизвестные факты, которые освещает пресса, меня интересуют более глубинные процессы как политического, так и военного характера. Мою страну весьма серьезно беспокоит политика, проводимая Гитлером…»

Рудольф успел заметить, как в темно-синих глазах Шелия заискрились оживленные огоньки. Он буквально весь превратится во внимание, чутко прислушиваясь к каждому слову журналиста.

— Разумеется, я был сбит с толку, — продолжил Рудольф. — И даже не сразу нашелся с ответом. Я лишь смог вымолвить, что не совсем понимаю, о чем идет речь и какого рода сведения нужны

моему визави. На что мистер Смит уточнил:

«Меня интересует внешняя политика нацистской Германии. Информация о военно-промышленном комплексе и потенциале вашей страны. Планы руководства по отношению к Европе и СССР».

Не скрывая удивления, я сообщил ему, что я журналист, а не дипломат и подобными сведениями не располагаю.

Впрочем, мистера Смита это ничуть не смутило, и он спросил:

«Вероятно, среди ваших знакомых есть осведомленные люди? Я хоть сейчас готов сотрудничать с ними! Разумеется, за интересующую меня информацию я готов платить!»

— И что же ты ответил, Рудольф? — задал вопрос Шелия.

Гернштадт заметил, что дипломат настолько увлекся его повествованием, что напрочь забыл о сигаре, продолжающей тлеть между его пухлых пальцев. Круглое, гладко выбритое лицо немецкого аристократа было серьезным как никогда.

— Я сказал, что мне нужно время для ответа, — небрежно произнес Рудольф. — Вообще-то… С моей точки зрения, такие контакты могут оказать положительное воздействие на борьбу с

фашистской идеологией, которая так чужда тебе, мой друг. Я решил взять паузу, чтобы обдумать это внезапное предложение, а заодно узнать твое мнение. Кроме того, раз уж речь пошла о вознаграждении за информацию…

Рука Шелия, держащая сигару, дрогнула, и Рудольф понял, что попал в самую точку.

— Да, деньги никогда лишними не бывают, — сказал он и нетерпеливо затянулся. — Даже не знаю, что сказать тебе, Рудольф. А вдруг это провокация?

Рудольф покачал головой.

— Этого можно не бояться. Мы встречались после этого снова, и мистер Смит признался, что является представителем «Сикрет Интеллидженс Сервис» [13]. Его намерения сотрудничать с немецкими осведомителями самые серьезные.

Шелия положил недокуренную сигару в медную пепельницу и поднял глаза на Рудольфа:

— Возможно, я на твоем месте принял бы положительное решение. Тем более совесть твоя чиста. Гитлер, этот ничтожный «ефрейтор», ведет нашу страну к смерти! Я убежден, что в данной борьбе хороши все средства, с помощью которых

---

[13] Примечания: 13

Служба внешнеполитической разведки Великобритании, создана в 1909 г.

можно противостоять этой коричневой чуме!

— Я с тобой полностью согласен, друг, — улыбнулся Рудольф. — Только как наш патриотизм соотносится с оплатой услуг? Ведь англичане предлагают сделать это за деньги… Хорошие деньги, — подчеркнул он, мельком взглянув на дипломата.

— Все это хорошо, Рудольф, но послушайте. Этот ваш таинственный мистер Смит должен знать, что мы помогаем им не из-за каких-то денег…

«Вот так! — подумал Рудольф, едва скрывая охватившее его возбуждение. — Он уже непроизвольно дал согласие на сотрудничество!»

— Скажи им, что деньги для нас не главное, — повторил фон Шелиа, приосанившись. — Но они могут нам помочь. А финансовый вопрос мы решим по-тихому между собой. Будешь брать двойную оплату, а деньги потом поделим.

— Принято, — кивнул Рудольф. — Еще, полагаю, важно решить насущный вопрос с безопасностью. Возможно, есть смысл перечислять денежные суммы на какой-то счет, чтобы потом их можно было беспрепятственно получить.

Перехватив напряженный взгляд Шелия, Гернштадт добавил чуть тише:

— А может, некую сумму можно получить и

сейчас. Скажем так, авансом. К тому же, любезный друг, в настоящий момент ты испытываешь некоторые трудности с этим? Прости, если я лезу не в свое дело.

Шелия раздраженно махнул рукой:

— О моих долгах, которые тянутся за мной после неудачной игры в казино, не знает разве что глухонемой. Так что не нужно извиняться. Давай будем откровенны — деньги нужны всем. Я не верю в какой-то альтруизм, это всегда мишура, за которой скрывается обыкновенная корысть. Но сейчас меня волнует другой момент. Ты рассказывал еще кому-нибудь об этом? В Берлине, например? Или Мольтке?

— О чем ты, нет, конечно! Такие вещи любят тишину. В свою очередь, Рудольф, я тоже прошу держать наш разговор в тайне.

Дипломат поднялся из-за стола и шагнул к высокому шкафу. Открыв одну из дверок, он выудил наружу бутылку коньяка и два бокала.

— Пожалуй, такую новость следует отметить, — сказал он, расставляя все это на столе. — На самом деле пора действовать решительно.

— Абсолютно с тобой согласен, — поддержал его Гернштадт, глядя, как тот наполняет бокалы тягучей янтарной жидкостью.

— Авантюризм нашего безграмотного «ефрейтора» вызывает уже не просто тревогу, а самый настоящий страх! — разглагольствовал Шелия. — И самое опасное, что все целенаправленно идет к войне! К страшной разрушительной войне, в которой погибнут миллионы!

— Мы будем делать все, чтобы предотвратить это.

— За нашу победу, Рудольф!

Произнеся эти слова, Шелия опрокинул бокал, щеки его мгновенно раскраснелись.

«Победа?» — мелькнула у Рудольфа мысль.

— Мне нужно обо всем хорошенько подумать, — заявил Шелия, вновь усаживаясь за стол. — Я тебе позвоню в самое ближайшее время.

Он действительно позвонил Гернштадту через день, подтвердив свое согласие сотрудничать с «британской» разведкой. Конечно, дипломат был обеспокоен гарантиями своей личной безопасности, и Рудольфу пришлось использовать все свое красноречие, чтобы убедить Шелия, что тому ничего не грозит. Хотя, как это обычно бывает, в жизни случается всякое… Причем в самый неподходящий момент. Но в целом поставленная задача была выполнена, и отныне на СССР работал первый советник германского по-

сольства в Варшаве, обладатель наиценнейшей информации для советской разведки, впоследствии получивший оперативный и вместе с тем харизматичный псевдоним Ариец.

16 сентября 1942 года. Берлин В тюрьме

Кап.

Кап.

Кап.

«Где-то капает вода?!»

Ильзе приоткрыла глаза, ее воспаленные, иссушенные губы с трудом разомкнулись. Язык, казалось, распух настолько, что едва помещался во рту, ворочаясь там как нечто инородное, больно царапая нёбо.

С тех пор как ее привели в камеру после второго допроса, воду ей не давали. Вахтман принес остывшую кашу из овсянки — прогорклую и слипшуюся. Пережевывая это вязкое месиво, Ильзе сравнила его с раскисшим мылом, но съела все, что было в миске. Хотя жажда после этого «ужина» только усилилась. Она пробовала лизать стены возле окна, где на кирпиче изредка проступали темные пятна влаги (тюремное здание было ветхим, и внутри было почти всегда сыро), но особого облегчения это не принесло.

Ильзе села на койке.

Странные звуки, которые показались ей падающими каплями, больше не повторялись.

— У меня начинаются галлюцинации, — шепотом произнесла Ильзе, машинально приглаживая растрепанные волосы. Расчески, понятное дело, в камере не было, но даже здесь она старалась оставаться женщиной и выглядеть опрятно.

В дверях заскрежетал ключ, и она замерла. Внутрь шагнул вахтман Якоб.

— Поднимайся, — велел он, с нескрываемым презрением глядя на Ильзе. В руках тюремщика была жестяная кружка, и он вытянул ее вперед, — тебя вызывают на допрос. И на вот…

Ильзе встала с койки и приблизилась к надзирателю, протянув руку к кружке. Пальцы уже почти коснулись ее прохладной поверхности, как Якоб, глумливо хихикнув, перевернул кружку вниз, выливая воду прямо на пол. В последний момент он приподнял верхний край, так, что на дне остались жалкие капли, и лишь после этого сунул кружку в руки арестованной.

— Какой я неловкий, — сказал он, подмигивая оторопевшей Ильзе. — Это все от работы. Она отнимает столько нервов, не поверишь…

Ильзе допила остатки воды и молча вернула кружку вахтману.

— Что, мало? — прищурился он и ткнул толстым, как сосиска, пальцем на мокрый пол. — Но ты можешь пить оттуда. Если человек по-настоящему испытывает жажду, он будет пить что угодно и где угодно. Даже собственную мочу.

— Этого вы, как я полагаю, и добиваетесь? — спросила Ильзе, и лицо надзирателя перекосилось от ярости. Судя по его выражению, он ожидал, что заключенная упадет на четвереньки, слизывая драгоценную влагу с пола. Но Ильзе выглядела так, словно действительно утолила жажду, а в ее глазах даже появился вызывающий блеск.

— Руки за спину. Пошла, — процедил Якоб, выталкивая женщину из камеры.

В кабинете следователя было сумрачно, и сидящий за столом следователь Хабеккер, таращившийся в документы, почему-то напомнил Ильзе стервятника, который склонился над умирающей жертвой. Последний вздох, и острый клюв начнет рвать еще теплую плоть…

Ильзе уже намеревалась сесть на табурет, но гестаповец покачал головой:

— Эту привилегию еще нужно заслужить, фройляйн Штебе. Пока что у меня нет оснований быть к вам благосклонным. Так что на вопросы вы бу-

дете отвечать стоя. И… — он щелкнул кнопками, включая лампу с установленным на ней металлическим рефлектором, — в сиянии софитов.

Ильзе тут же зажмурилась — пронзительный луч резанул по глазам, как бритва.

— Это обязательно? — только и спросила она, прикрываясь ладонью от слепящего света.

— Если ваши ответы на мои вопросы меня удовлетворят, лампа будет выключена, — степенно произнес Хабеккер. — Итак, начнем сначала?

Ильзе качнулась — ей начало казаться, что она сходит с ума. Неужели все начинается заново?! Биографические данные, фотографии и все остальное?!

— Вы напрасно теряете время, герр Хабеккер, — сказала она, глядя, как гестаповец привычным движением раскладывал на столе фото. — Мне нечего добавить к тому, что я уже рассказала вам в прошлый раз.

— Как знать, как знать, — усмехнулся следователь. — Смотрите внимательно. Кого из этих людей вы знаете?..

Спустя полчаса Хабеккер, с трудом скрывая раздражение, убрал фотографии. Ильзе мысленно считала про себя до ста, прилагая все силы, чтобы не опуститься от усталости на пол. Колени дро-

жали, ныли икры, и она отдала бы все на свете, чтобы с наслаждением растянуться на полу.

«Все на свете, кроме тех сведений, что нужны этому человеку в нацистской форме», — про себя добавила Штебе.

— Как-то мне приходилось вести допрос одной женщины, — заговорил криминальный комиссар. — Она тоже упрямилась, как и вы. Мне на помощь пришел мой коллега Штрюбинг, с которым вы уже имели честь познакомиться. Допрашиваемую отвели в его кабинет и оставили на два часа. Спустя сутки женщину допросили снова в кабинете Штрюбинга. На третий день все необходимые показания были получены. И чего она в итоге добилась? Кому и что доказала? Она стала жалким инвалидом, из здания тюрьмы ее вынесли на носилках. Она все рассказала, только из-за своих принципов пожертвовала своим здоровьем. Пожертвовала безвозвратно.

Следователь вышел из-за стола, принявшись неторопливо расхаживать взад-вперед.

— Я не хочу вас пугать, фройляйн Штебе. Но вы не оставляете мне выбора, и мы будем вынуждены применить к вам более жесткие методы допроса.

Остановившись, он вперил в Ильзе немигаю-

щий взгляд, ледяной и безжалостный, как острие копья.

— Убрать руки от лица! — внезапно заорал он, брызгая слюной.

Ильзе послушно опустила руки. Ей казалось, что бьющий из рефлектора свет выжигает ей глаза, добираясь до мозга. На коже женщины выступила испарина, дыхание с клекотом вырывалось изо рта. Смотреть вперед с открытыми глазами было задачей почти невыполнимой, и она постоянно щурилась.

— Мы так или иначе все узнаем, так стоит ли сопротивляться? — поостыв, спросил Хабеккер. — Похоже, вы не до конца понимаете, где очутились. Поверьте, нам приходилось раскалывать орешки покрепче, чем вы…

Вздохнув, он подошел к Ильзе вплотную.

— Мы знаем, что вы собирали сведения для советской разведки, — медленно, едва ли не по слогам, промолвил гестаповец. — То, что обыск в вашей квартире ничего не дал, еще ни о чем не говорит. Отвечайте! С кем вы держали связь? Какой псевдоним у связного? Кто такая Альта?

Ильзе покачала головой.

— Я понятие не имею, о чем вы говорите, — сказала она и даже нашла в себе силы улыбнуться.

Похоже, следователя вывел из себя даже не отрицательный ответ арестованной, а именно эта улыбка — мягкая и снисходительная. Она вела себя так, словно перед ней был капризный подросток, к которому нужно было проявить терпение.

Глаза Хабеккера налились кровью, лицо побагровело, и, размахнувшись, он саданул Ильзе кулаком в лицо. Удар был такой силы, что она едва удержалась на ногах. Серебряный перстень рассек губу, выбив ей передний зуб.

С брезгливым выражением лица следователь отряхнул руку, как если бы она была чем-то испачкана.

— Поступок настоящего мужчины, — заметила Ильзе. Рукавом блузки она вытерла кровь, струившуюся изо рта.

— Заткнитесь, — бросил Хабеккер и сел за стол, сцепив перед собой пальцы.

Он сидел так минут десять, прожигая испепеляющим взглядом Ильзе, пока в допросную не вошел Штрюбинг.

— Доброе утро, фройляйн, — ухмыльнулся гестаповец.

Хабеккер снова поднялся:

— Я вернусь через час.

Штрюбинг понимающе кивнул.

— Не сомневайтесь, мы проведем это время плодотворно.

Он взглянул на тощую фигуру стенографиста, который все это время равнодушно наблюдал за экзекуцией. За два с половиной часа он не напечатал ни строчки.

— Он тоже может быть свободен, — добавил Штрюбинг. — Если что, я сам запишу показания.

Хабеккер не возражал и сделал знак помощнику. Тот послушно встал и выскользнул из допросной, следователь вышел за ним. Ильзе и Штрюбинг остались одни.

То, что происходило потом, Ильзе вспоминала с содроганием. Сменивший Хабеккера гестаповец заставил ее подойти к столу вплотную, и теперь свет от рефлектора стал просто невыносимым. Штебе чувствовала палящий жар, который постепенно расплавлял ее кожу. Ей чудилось, что от раскаленного воздуха начали обугливаться ресницы.

И все повторялось по нескончаемому кругу — вопросы, вопросы, вопросы…

В отличие от Хабеккера, следователь Штрюбинг не мог похвастать особым терпением, и упорство Ильзе вызывало у него не просто раздражение, а

тупую злобу, которую он и не пытался скрывать.

На исходе первого часа допроса он не выдержал и, выйдя из-за стола, подошел к заключенной:

— Я хочу, чтобы ты меня внимательно выслушала, идиотка.

Штебе молча смотрела гестаповцу прямо в глаза. На удивление они были нежно-голубого цвета, напоминая безоблачное лазурное небо. Но взгляд следователя был обжигающе-холодным, от него хотелось как можно скорее отвернуться и пройти мимо. Но ни того, ни другого Ильзе сделать не могла.

— Ты думаешь, что свет в глаза и жажда — самое страшное, что может с тобой произойти в этих стенах? — вкрадчиво поинтересовался Штрюбинг. Его губы изогнулись в сардонической ухмылке, и он покачал головой. — В таком случае ты будешь очень разочарована, детка. Поверь на слово, переломанные кости и выбитые зубы — пустяки по сравнению с тем, что с тобой могут сделать.

Закончив, следователь вытянул руку, обхватив грудь Ильзе. Он поймал ее потрясенный взгляд и плотоядно подмигнул. Сжал сосок, со злорадством отметив, как в глазах арестованной появились гнев и отвращение.

— Запомни, здесь даже… — начал Штрюбинг, но фраза так и осталась незаконченной — размахнувшись, Ильзе влепила ему звонкую пощечину. Это было настолько быстро и неожиданно, что гестаповец растерялся и даже попятился, неверяще ощупывая покрасневшую щеку. — Тварь, — вырвалось у него хриплое и злое. — Это тебе обойдется дорого, обещаю!

Опомнившись, он ястребом кинулся на Ильзе, обрушив на нее здоровенный кулак. В голове Штебе что-то с треском вспыхнуло, и весь мир погрузился во тьму.

Она пришла в себя в камере, лежа на полу — кто-то поливал ее водой. Часть жидкости попала Ильзе в рот, и она закашлялась. Разлепив веки, Ильзе увидела склонившиеся над собой лица Хабеккера и Якоба. В глазах следователя пряталась тревога, которая тут же исчезла, когда он понял, что Ильзе очнулась.

— Отлично, — удовлетворенно сказал Хабеккер, выпрямляясь. — Рад, что вы пришли в себя, фройляйн Штебе. Признаюсь, что вы немного напугали меня, когда я увидел вас бесчувственной на полу. Штрюбинг слегка переусердствовал, и, надеюсь, вы будете к нему снисходительны. В конечном счете все наши действия направле-

ны на защиту нашего общего блага — великой Германии! Поэтому пара выбитых зубов и синяк — незначительная плата за сохранение нашей страны. Приходите в себя и набирайтесь сил. Они вам понадобятся для завтрашнего допроса.

При этих словах Якоб засмеялся лающим смехом.

Как только дверь за гестаповцами закрылась, Ильзе с трудом села. Потом встала на колени. Невидяще глядя на серую шершавую стену, она молилась.

Молилась за то, чтобы Господь дал ей силы и выдержки в этих сырых застенках. Молилась за своего жениха Карла, о котором ничего не знала и боялась за его будущее. Молилась, чтобы не дать слабину и держаться с достоинством на этих ужасных допросах, которые все больше превращались в пытки.

Молилась за победу русских над фашистами.

1938 год. Германия Уикенд в Гарце

Продолжая работать в Польше, Ильзе развила активную деятельность среди членов семей немецких дипломатов, находящихся в Варшаве. Ей не без труда удалось получить должность референта по вопросам культуры женского отдела национал-социалистической организации.

Согласно своим новым обязанностям, Ильзе должна была прививать немецким женщинам национал-социалистические идеи. Помимо прочего, в число этих женщин входили также супруги чиновников и личные секретари. Ежемесячно организовывались совместные встречи, где несколько участниц (по выбору Штебе) должны были делать небольшие доклады. Само собой, что это требовало особого подхода и навыков, поэтому было неудивительно, что большинство женщин попросту боялись готовить подобные выступления. В этом случае, проявляя чуткость и понимание, на выручку тут же приходила Ильзе, сообщая, что готова оказать помощь в подготовке этих документов. В процессе этой деятельности

она приобретала личные контакты, в дальнейшем способствовавшие получению неоценимой информации для Рудольфа, который оперативно передавал ее в Центр.

Следует отметить, что к началу 1937 года усилиями Гернштадта в Варшаве была создана одна из самых профессиональных резидентур военной разведки. Помимо него и Ильзе, в нее входил целый ряд опытных агентов — Герхард Кегель (ХВЦ), супруги Велькиши — Курт и Рита (АВС и ЛЦЛ) — и, конечно же, барон фон Шелия, Ариец, добывающий ценную информацию почти во всех сферах внешнеполитической деятельности германских властей.

Рудольф все чаще покидал Польшу, и каждый раз Ильзе боялась, что ее возлюбленный больше не вернется. Но он возвращался, и однажды, к ее неописуемой радости, сообщил, что у него выдалась свободная неделя, и предложил провести ее вместе с Ильзе в Германии. Воспоминания об этой поездке Штебе бережно хранила в своей памяти и по нынешний день.

После недолгого совещания влюбленные реши-

ли посетить горы Гарц [14].

Ильзе давно хотела побывать в этих живописных местах. Они поселились в Вернигероде, стареньком тихом городке, который, казалось, не изменился со времен Средневековья. Штебе была очарована торжественной атмосферой старины, которая ощущалась от всего, что их окружало, — и от приземистых домиков с черепичными крышами, и от здания ратуши, сооруженного в готическом стиле, и даже от неровной брусчатки…

Но как бы им ни хотелось уединения, в разговорах влюбленных нет-нет да и всплывали острые темы, напрямую касающиеся их непростой работы. Этим утром они, позавтракав в отеле, готовились к очередной экскурсии.

— Кстати, как продвигается твое сотрудничество с Арийцем? — спросила Ильзе, когда Рудольф вскользь упомянул его имя.

— Боюсь сглазить, пока все отлично, — ответил он. — Недавно он вручил мне протокольные записи беседы германского посла в Риме с министром

---

[14] Примечания: 14

Лесистый горный массив, самый высокий на севере Германии. Горы длиной 110 км и шириной 30–40 км покрывают площадь 2226 км2 и простираются от линии Зальцгиттер-Гёттинген до города Лютерштадт-Айслебен. Они делятся на Нижний Гарц на юго-востоке и более высокую, преимущественно лесистую часть Верхний Гарц на северо-западе.

иностранных дел Италии. Затем добыл сведения о результатах встречи руководства Финляндии с Риббентропом. В самое ближайшее время он пообещал предоставить доклад о встрече министра иностранных дел Венгрии с Гитлером. Едва успеваю обрабатывать информацию.

— Прямо золотая жила, — заметила Ильзе.

— Те данные, что мне удается получить от Арийца, действительно имеют большую ценность, что неоднократно подчеркивали в Центре. Только за два года Ариец передал мне порядка двухсот важнейших документов.

— За деньги, и немалые, — снова вставила Штебе.

— Да, — согласился Рудольф. — Но все знали, на что мы шли. Для Шелия был открыт специальный счет в Вене, куда ему регулярно поступают начисления. Могу сказать, что содержание этого дипломата обходится весьма недешево. Но и сведения, которые он добывает для нас, стоят этих затрат. Чего только стоят записи бесед Гитлера с лидерами Венгрии, Италии, Болгарии, Румынии! Копии договоров с грифом «секретно», инструкции Риббентропа для посла фон Мольтке! Правда, бывали и оплошности, которые могли обернуться бедой. Взять хотя бы тот случай, когда

он приехал ко мне домой на посольской машине! С развевающимся на капоте флажком-свастикой! Понятно, что это было в первые дни нашего взаимодействия, но хотя бы какие-то понятия о конспирации у Арийца должны были быть.

— К счастью, он быстро учится, — подхватила Ильзе. — И, насколько я поняла, никаких серьезных проколов после этого случая у него не было.

Их беседу неожиданно нарушили пронзительная дробь барабанов и звуки фанфар. Открыв окно, Штебе увидела на площади толпу подростков из гитлерюгенда. Суетясь и отпуская шутки, они торопливо строились в колонны, чтобы отправиться в сторону гор. За спинами юнцов висели тяжелые рюкзаки, их ноги были обуты в солдатские ботинки, а глаза горели фанатичным огнем. Едва первая колонна тронулась в путь, из десятка еще почти детских глоток вырвалась песня Хорста Весселя [15].

— Признаться, у меня мурашки по коже, когда я смотрю на этих мальчишек, — сказала Ильзе, закрывая окно. — Как только представлю, кем

---

[15] Примечания: 15

Хорст Людвиг Вессель — нацистский активист, штурмфюрер СА, автор текста «Песни Хорста Весселя», который впоследствии стал гимном гитлеровской партии НСДАП. В 1930 г. был ранен в голову Альбрехтом Хёлером, активистом Коммунистической партии Германии, и умер в больнице от заражения крови.

они станут через пять-шесть лет…

— Они превратятся в солдат, — откликнулся Рудольф, надевая рубашку. — В хладнокровных безжалостных солдат, которым будут чужды сострадание и гуманное отношение к врагу. Гитлер делает из нашей молодежи безликие и послушные машины.

— Машины для убийств, — закончила вместо него Ильзе. Несмотря на закрытое окно, звук барабанной дроби был все еще слышен, и она сдвинула занавески. — И эти машины без промедления погибнут за его безумные идеи. И что самое страшное, Руди, я видела блеск и возбуждение в глазах этих неоперившихся юнцов. Вместо того чтобы купаться в речке или гонять в футбол, они маршируют под барабанный бой и готовятся убивать…

— Ты думаешь, это началось вчера? — задал вопрос Рудольф. — Фюрер шел к этому давно и целенаправленно. И то, что он вытворяет с Германией, заставляет сжиматься мое сердце. Ты посмотри, как все изменилось с его приходом! Контроль со стороны властей ужесточается не по дням, а по часам! Легче перечислить сферы жизни, куда они еще не сунулись! Созданы специальные палаты для руководства литературой,

изобразительным искусством, музыкой, театром… Эти липкие щупальца проникли везде, где только можно!

Застегнув последнюю пуговицу, Рудольф придирчиво осмотрел складки на плече и разгладил их.

— А школа? — продолжил он. — Учебники переписываются, подавляющее большинство преподавателей — члены гитлеровской партии. Теперь, чтобы стать учителем, нужно служить в СА [16] или отбывать трудовую повинность! Расовая теория Гитлера объявила немцев высшей расой, а евреев, в число которых входит и твой преданный слуга, — источником всех бед.

Рудольф повернулся к Ильзе, на его губах играла печальная улыбка.

— Оглянись вокруг. Все усилия властей направлены на то, чтобы науки стали немецкими. Немецкая физика, немецкая математика… Ты думаешь, я шучу, дорогая? Отнюдь. Это не шутки,

---

[16] Примечания: 16

От немецкого «Sturmabteilung» (Штурмовые отряды), боевая организация Национал-социалистической немецкой партии в Германии. Созданы в 1921 г. на базе подразделений «Добровольческого корпуса», возглавлялись лично Гитлером. СА вели борьбу с левыми и демократическими партиями и их военизированными организациями. Эта организация сыграла важную роль в обеспечении прихода НСДАП к власти и вскоре начала выполнять функции вспомогательной полиции.

так называются современные журналы. Знаешь, что сказал директор института физики в Дрездене? Мол, «Современная физика есть орудие мирового еврейства, которое хочет ликвидировать нордическую науку. А истинная физика есть создание духа… Немецкого духа!» Как тебе такое?!

— Это какое-то сумасшествие, — вздохнула Ильзе.

— Ты только что видела мальчишек из гитлерюгенда, которые с упоением маршировали на площади. У них уже в этом юном возрасте напрочь промыты мозги! Они без раздумий готовы положить свои жизни ради гитлеровской власти! А ты знаешь, что появились и более ранние курсы ученичества — «Пимпф»? Туда берут еще совсем маленьких детей! И с самого детства им внушают, что их раса самая лучшая и их призвание — уничтожать врагов. А враги — это те, на кого укажет государство…

— Все это ужасно. А я до сих пор нахожусь под сильным впечатлением после того, как возле Берлинского университета студенты сожгли книги… — сказала Ильзе. — Тысячи книг, они подпалили их факелами. Говорят, было сожжено более двадцати тысяч книг, хотя кто их считал…

У меня в голове не укладывается, как можно было совершить подобное! Это не просто вандализм, это…

Она запнулась, словно не в состоянии подобрать подходящего слова.

— Подобные чудовищные акции проводились не только в Берлине, но и в других городах, — сказал Рудольф. — Это было сделано с одобрения Геббельса, куда уж без него! Уничтожаются великие творения Джека Лондона, Зигмунда Фрейда, Эмиля Золя… С точки зрения нацистов, уничтожению будет подвергаться все, что подрывает будущее немецкого народа или наносит удар по основам немецкой семьи.

— Но с такой жизненной установкой мы далеко не уйдем, — произнесла Ильзе, и в ее голосе засквозил страх. — Этот путь ведет к бездне!

— Третий рейх с самого рождения готовит немцев жить ради своей власти. И быть готовым умереть за фашистские лозунги.

— Это звучит дико, — вырвалось у Ильзе, и щеки ее стали пунцовыми. — Это… несправедливо!

Рудольф шагнул ближе, заключая ее в объятия.

— Мне жаль, что такое прекрасное утро было испорчено этим разговором, — прошептал он, целуя возлюбленную в шею. — Поэтому предлагаю

быстро позавтракать и отправиться на экскурсии… Ты ведь хотела этого путешествия? Нас ждет замок вернигеродских курфюрстов [17], пещеры, а также величественная гора Брокен! [18]

— Я все помню, — сказала Ильзе, улыбнувшись. — Каждая минута, проведенная с тобой, для меня счастье. Так постараемся же растянуть эти чудесные мгновения.

День пролетел незаметно, и вечером, когда они уже были в горах, состоялся второй разговор, который тоже оставил неизгладимый отпечаток в памяти Штебе.

Они перебрались через горный ручей, журчащий в прозрачном предвечернем воздухе. Сбегая вниз по громадным камням, он был похож на серебристую ленту.

Ильзе и Рудольф вышли на небольшую поляну, окруженную высоким кустарником. Клонившееся к горизонту солнце золотистым светом окрашивало горы и видневшийся вдали древний

---

[17] Примечания: 17

От немецкого Kurfurst, буквально — «князь-выборщик», в Священной Римской империи князья — члены коллегии, за которой с XIII века было закреплено право избрания германских королей (императоров).

[18] Примечания: 18

Самая высокая точка Гарца. Расположена в земле Саксония-Анхальт в Германии. По легенде, в ночь с 30 апреля на 1 мая на Брокене собираются ведьмы на празднование Вальпургиевой ночи, что нашло отражение в трагедии Гёте «Фауст».

замок. Зачарованная, Ильзе застыла на месте, молча любуясь открывшимся видом. Рудольф ласково погладил возлюбленную, и она перевела на него внимательный взгляд.

— Судя по твоим глазам, ты сейчас где-то очень и очень далеко, — предположил он.

Она убрала прядь волос, упавшую ей на лицо, и сказала:

— Я еще никогда не была так счастлива, как сейчас, Руди… Признаюсь, иногда мне очень тяжело от постоянного ожидания. Ожиданий наших встреч, ожидания твоих прикосновений ко мне… Ожидания счастья.

Рудольф был растроган и крепко прижал Ильзе к себе.

— Твои слова очень важны для меня, родная. Но ты же знаешь, в настоящее время мы вынуждены смириться с такой ситуацией.

— Я знаю, любимый.

Какое-то время они просто стояли, наслаждаясь близостью друг друга, потом Штебе внезапно сказала:

— Мой милый Руди. Ты, конечно, опытный разведчик, но твое лицо я читаю как книгу.

Гернштадт на мгновение смутился, затем рассмеялся:

— Что ты имеешь в виду?

— Весь вечер у тебя такое выражение, будто ты готовишься мне что-то сказать, но все не решаешься. Как в тот день, когда мы гуляли вдоль Шпрее, помнишь?

— Да, Ильзе. Разумеется, этот день я буду помнить всегда. И сейчас ты тоже права. У меня есть для тебя ряд новостей, и мне важно, как ты на них отреагируешь.

— Так в чем же дело? Как говорят, ожидание хуже всего. — Она заглянула в глаза Рудольфа. Он больше не улыбался и был предельно серьезным.

— У меня три известия, Ильзе. Даже четыре. Первая и самая неприятная для нас обоих новость — мы не можем заключить брак, так как вступил в силу антиеврейский закон… Ты и сама, наверное, слышала, что, согласно нововведениям, ты не имеешь права быть супругой еврея.

— Да, я знаю, — вздохнула Ильзе. — Это считается осквернением чистоты немецкой расы…

— И карается арестом, — напомнил Рудольф. — Кроме того, мне придется уехать в СССР. И, возможно, надолго. Я даже не могу сейчас сказать, вернусь ли я в Германию в обозримом будущем. Я бы ни на миг не задумался перед выбором, взять

ли тебя с собой, но…

— Я все прекрасно понимаю, любимый, — мягко прервала его Штебе. — Прежде всего — дело. Наше общее дело против фашистского режима. Мы не сможем собирать нужные сведения, проживая вместе в Стране Советов. Я принимаю эту новость. И то, что мы теперь будем еще реже видеться.

«И будем ли видеться вообще, — промелькнула у нее грустная мысль. — Может, мы видимся последние дни…»

Гернштадт перевел дух. Еще никогда он не испытывал такого напряжения, как сейчас. Даже в тот день, когда происходила вербовка фон Шелия, он чувствовал себя куда спокойней и уверенней.

— Третье. Центром принято решение, что все остальные сотрудники нашей группы продолжат работу. Мы скоро будем в Варшаве, и, когда я уеду, ты через какое-то время снова вернешься в Берлин. Курт и Маргарита, по-видимому, отправятся работать в Бухарест, насчет Кегеля пока не знаю. И самое главное, не забывай про Арийца. Эту курицу, несущую золотые яйца, нужно беречь. Руководить этими агентами способен только специалист, разбирающийся во всех нюансах военной разведки.

— К чему ты ведешь, Руди? — спросила Ильзе, хотя уже, похоже, догадалась, в чем будет заключаться вторая новость.

— Я отправил в Центр письмо, — продолжил Рудольф. — В нем я предложил твою кандидатуру в качестве руководителя агентурной группы.

Он перехватил вопросительный взгляд Ильзе и добавил:

— Центр принял мое предложение. Поэтому начиная с сегодняшнего дня тебе придется взять на себя эту ношу. Конечно, если ты согласишься. Но, зная тебя, я подумал, что вряд ли услышу отрицательный ответ.

— Ты правильно подумал, — кивнула Ильзе. Ветер колыхал ее красивые густые волосы, щеки раскраснелись, и Гернштадту вдруг пришло в голову, что сейчас его возлюбленная прекрасна как никогда.

— Тебе придется установить дружеские отношения с Арийцем, — пояснил он. — Да, он тебя знает, но только в роли моей невесты. На прошлой встрече Шелия сообщил, что ему предлагают работу в Берлине, в бюро самого Риббентропа. Ариец будет в курсе дел всей нацистской дипломатии. И вам нужно держаться вместе, чтобы ты всегда понимала, что происходит.

— Это очень хорошие новости.

— Безусловно. Но не забывай, какая в Германии сейчас ситуация. Лица, обвиненные в разведывательной деятельности, осуждаются на смерть.

— Неужели ты считаешь, что я не осознаю всех рисков, Руди? — пылко воскликнула Ильзе. — Я доверилась тебе тогда, когда мы с тобой на мосту наблюдали закат. Доверюсь и сейчас.

— Я разговаривал насчет тебя с Шелия. Он не против, единственное, на чем он помешан, — это на деньгах и гарантиях личной безопасности. Я уверил его, что о его работе на британцев никому не известно, кроме меня. Я вижу, что он мне полностью доверяет. Теперь важно, чтобы он так же стал доверять тебе, Ильзе.

— Я уверена, что справлюсь, — сказала Штебе. — Какая же последняя новость?

Впервые за все время разговора губы Рудольфа тронула легкая улыбка.

— У тебя новый псевдоним, любимая. Отныне ты не Арним, теперь ты станешь Альтой.

— Альтой? — переспросила Ильзе, тоже невольно улыбнувшись. — Это твоя инициатива? Хотя, с точки зрения конспирации, это себя оправдыва-

ет! Кто теперь меня в чем-то заподозрит? [19]

— Наверное, ты права. Но, как бы то ни было, тебе придется привыкать к новому позывному.

Они обнялись.

— Будь осторожна, — предостерег Рудольф. — У гестапо неограниченные полномочия, оно опутало своей паутиной всю Германию. Везде рыскают их осведомители и агенты. Они везде и пытаются пронюхать информацию о каждой семье в нашей стране. И я не прощу себе, если ты попадешь в их лапы.

— Обещаю, что буду осторожной, — сказала Ильзе, целуя его.

Они все еще лелеяли тщетную надежду, что смогут быть вместе, пусть и спустя годы, но суровая реальность распорядилась иначе. Вскоре они расстались, продолжая общаться лишь на расстоянии, а все свои силы Ильзе теперь самоотверженно направила на новую работу…

---

[19] Примечания: 19

«Alte» на немецком означает «старуха».

25 сентября 1942 года. Берлин В тюрьме

Ильзе мерила шагами свою крохотную камеру, машинально считая про себя. По ее прикидкам, она непрерывно ходила уже около часа и должна была пройти километров пять. А может, и больше.

Четыре шага вдоль одной стены… Четыре с половиной вдоль следующей… Снова четыре шага… Не задеть свою койку. Не задеть пустующую койку…

«Почему ко мне никого не подселяют? — подумала Ильзе. — Гестапо работает без сбоев, аресты идут постоянно… Наверняка Хабеккер сделал это намеренно, чтобы одиночество еще больше угнетало меня…»

Параллельно с подсчетом шагов ее мозг лихорадочно работал, анализируя сложившуюся ситуацию.

Штебе не могла отделаться от мысли, которая, словно заноза, глубоко засела в ее мозгу: *где же она могла проколоться?!*

Может, в этом вина Карла? Пусть и неумыш-

ленная. Он мог случайно обронить какое-то неосторожное слово, с кем-то поделиться новостью, которой не должен был делиться…

Хотя нет, это все глупости. Карл почти ничего не знал о ее связях с другими членами резидентуры. Карл понятия не имел, кто такой АВС или ЛЦЛ, а если случайно и слышал, то не знал, что связывало Штебе с другими членами агентурной группы. Он выполнял лишь мелкие поручения Ильзе, и у следователей ничего на него не было. Формально Карл был чист как стеклышко.

В отличие от нее.

Тогда откуда же пришла беда?

От Кегеля? Курта, его жены Маргариты?!

Но если она права в своих подозрениях, то сейчас ее товарищи сидели бы в соседней камере! И Хабеккер бы тыкал ей в лицо протоколом допроса (конечно, если бы ее друзья не выдержали пыток и во всем бы признались).

А может, ее сдал кто-то из советской разведки?

При мысли об этом Ильзе сразу подумала о Бине, советском разведчике Николае Зайцеве, который, будучи работником советского торгпредства в Германии, держал с ней связь.

Но, по имеющейся у Ильзе информации, Зайцев покинул Германию сразу, как только началась

война. И сейчас он где-то в СССР. Так что вряд ли Зайцев имеет какое-то отношение к происходящему…

Она снова вспомнила, что Хабеккер в допросах часто упоминал о ее связях в Брюсселе.

Может, ветер дует оттуда?!

Вскоре за Штебе явился тюремный вахтман и повел ее на допрос. Однако на этот раз Якоб отвел Ильзе в другой кабинет, который располагался несколько дальше, чем допросная Хабеккера.

И как только железная дверь за Ильзе закрылась, она почувствовала, как к горлу подкатывает комок.

Помещение, в котором она оказалась, больше напоминало средневековую камеру пыток, нежели кабинет для допросов. Слева от нее стояла грубо сколоченная скамья, по краям которой были закреплены ремни из толстой кожи. У изголовья лежала устрашающего вида плеть, похожая на спящую змею. Доски скамьи были покрыты бурыми пятнами, о происхождении которых женщине даже не хотелось гадать.

С другой стороны комнаты высился черный железный бак, доверху заполненный какой-то жидкостью.

«Вода?»

Ее взгляд замер на крючьях, вмонтированных в потолок, с одного из которых свисала веревка.

«Они подвешивают людей, как куски говядины на скотобойне», — шевельнулось у Ильзе в мозгу, и ее лицо покрыла бледность.

Посреди комнаты, опершись на стол, стоял Штрюбинг. Плотоядные глаза гестаповца деловито ощупали стройную фигуру арестованной, подмечая все детали.

— Ну вот мы снова встретились, фройляйн Штебе, — сказал он, подмигивая застывшей Ильзе. — Мой коллега Вальтер Хабеккер сейчас занимается твоим женихом. А я буду допрашивать тебя.

Он с многозначительным видом стукнул кулаком об раскрытую ладонь.

— Ты и так отняла у нас много времени, — прибавил Штрюбинг. — Думаешь, ты здесь такая одна? У каждого из следователей по шесть допросов ежедневно! И по каждому материалу нужно отчитаться!

— Мне нет дела до того, как вы загружены на своей работе, — наконец заговорила Ильзе. — Пока что я вижу лишь насилие с вашей стороны! Я требую официальный документ, в соответствии с которым я признана подозреваемой или об-

виняемой. Мои права должны защищаться. Я гражданка Германии, и вы не вправе так обращаться со мной!

Когда она закончила, Штрюбинг с любопытством уставился на заключенную.

— Мне кажется, ты не до конца осознала, куда влипла, девочка, — сказал он с ухмылкой. — Вспомнила о своих правах? Хорошо.

И прежде чем Штебе успела что-то осознать, он коброй кинулся к ней, едва не сбив с ног. Прорычав что-то нечленораздельное, Штрюбинг вцепился Ильзе в волосы и поволок к баку. Сил сопротивляться у нее не было, она лишь закусила губу, чтобы не закричать, не дать понять, что она боится этого садиста с безжизненными глазами.

— Я покажу тебе твои права… сука, — шипел гестаповец, окуная голову Ильзе в воду. Она едва успела набрать в легкие немного воздуха, как холодная жидкость обожгла ее кожу. Вода была мутной и прогорклой, словно в баке сдох какой-то зверек вроде крысы. Ильзе крутилась и вертелась, но рука следователя была крепкой, не давая ей никаких шансов. Когда воздух в ее легких закончился, она почувствовала в груди сильное жжение, и перед глазами поплыли красные круги. Изо рта вырвалась гроздь пузырьков,

поднимаясь на поверхность. В глазах мутнело, и, когда Ильзе уже была готова потерять сознание, Штрюбинг вытащил ее наружу. Кашляя и отплевываясь, женщина бессильно опустилась на пол. Сердце колотилось бешеной птицей, и каждый удар отдавался в голове ударом молота. — Ну, как тебе прелюдия? — осведомился Штрюбинг, брезгливо вытирая руки о форменные брюки. Его издевательский голос доносился до Ильзе как сквозь плотную завесу тумана, и все, что она могла делать, — судорожно дышать, открывая и закрывая рот, будто выброшенная на берег рыба. — Вставай, — скомандовал гестаповец, силой поднимая Ильзе. — Хабеккер с тобой нянчился, у меня на это нет ни времени, ни желания. Сейчас начнется допрос. Если продолжишь упорствовать, я снова устрою тебе водные процедуры.

Он подтащил едва держащуюся на ногах Штебе к столу.

— Что ты делала в Варшаве? Что тебя связывало с этим проклятым жидом Гернштадтом? С кем ты еще встречалась? — Вопросы сыпались, как удары палкой, гулкие и безостановочные. — Посмотри на эти фотографии! Кого из них ты знаешь?!

— Я… работала журналистом… — с трудом во-

рочая языком, ответила Ильзе. — Со всеми, с кем я встречалась… меня связывали лишь служебные обязанности…

— Ты лжешь, тварь! — гаркнул Штрюбинг, его и без того отталкивающее лицо стало пунцовым от злости. — Я смотрю, тебе понравилось принимать душ?! Ну, хорошо…

Сопя от натуги, он подхватил обмякшее тело Ильзе, толкая ее в сторону бака.

Спустя час в камеру заглянул Якоб:

— Герр Штрюбинг, ваш коллега Хабеккер интересуется, как идет допрос. У него появилось свободное время, и он сказал, что, если есть такая необходимость, он придет сюда.

— Пусть приходит, — кивнул гестаповец, тяжело дыша. Он вытер влажный от пота лоб и раздраженно посмотрел на бесчувственное тело Ильзе. За все время эта упертая девчонка не промолвила ни слова! Твердит как заведенная: «Не помню, не видела, не знаю…»

Но Штрюбинга не проведешь. Он докажет шефу тайной полиции, что не зря ест свой хлеб и носит форму криминального комиссара гестапо!

В коридоре раздались шаги, и через мгновение в допросной появился Хабеккер. Скользнув заинтересованным взглядом по Штебе, он встал

напротив Штрюбинга.

— Похоже, орешек оказался крепче, чем ты предполагал? — с усмешкой спросил он, и тот с досадой мотнул головой:

— У каждого есть свой ресурс, Вальтер. Просто у этой кошки имеются запасные жизни, и у нее довольно высокий болевой порог. Она умеет терпеть боль.

— Давай присядем, — предложил Хабеккер и вынул из нагрудного кармана кителя серебряный портсигар. Выудив наружу две сигареты, он протянул одну Штрюбингу. Тот взял, поблагодарив коллегу кивком.

Хабеккер прикурил от зажигалки и выпустил дым.

— Что ты можешь сказать о ней? — спросил он, разгоняя рукой белесые кольца в воздухе. Штрюбинг взял у него зажигалку и, прикурив, ответил:

— Честно? Если бы я был посторонним наблюдателем, то эта чертовка почти смогла бы меня убедить, что она ничего не знает.

— О, Иоганес… — протянул Хабеккер. — Люди, работающие на военные разведки, способны разыгрывать любой спектакль.

— Я не спорю с этим. Но как эта упрямица тут

очутилась? Ведь что-то на нее есть? Ты мне ничего не рассказывал об этом деле. А дал лишь фотографии и составил список вопросов.

Помедлив, Хабеккер заговорил:

— Ты помнишь, как неистовствовал фюрер в прошлом году по поводу русских радистов? Их радиосигналы заполонили весь эфир, как стрекотня кузнечиков! Кроме нас, к решению этой проблемы были подключены все спецслужбы Германии, включая ведомства Шелленберга [20] и Канариса [21]. Дело было настолько серьезным, что стояло на контроле у самого Гиммлера. Наши посты радиоконтрразведки работали круглосуточно, чтобы выявить «пианистов» [22]. Начальник дешифровальной службы генерал Тилле рвал на себе последние волосы, требуя результатов. Но «пианисты», будто неуловимые птицы, все время меняли насиженные места, не давая никаких зацепок. По городам, в которых была выявлена де-

---

[20] Примечания: 20

Вальтер Фридрих Шелленберг, начальник политической разведки Третьего рейха (1941–1944). Впоследствии стал начальником внешней разведки имперской службы безопасности.

[21] Примечания: 21

Вильгельм Франц Канарис, начальник службы военной разведки и контрразведки нацистской Германии (1935–1944).

[22] Примечания: 22

На жаргоне контрразведки радисты назывались «музыкантами» или «пианистами».

ятельность «пианистов», постоянно разъезжали автомобили с установленными пеленгаторами. Это было не только в Германии, а также и в странах Европы. В том числе и в Бельгии, где нашим сотрудникам улыбнулась удача. Парни из функ-абвера [23] не спали ночами, цепляясь за малейший сигнал. Экипажи все время следили за эфиром и метр за метром приближались к районам, откуда поступали сигналы советской разведки. В этих целях даже задействовали разведывательный самолет «Шторх», который часами кружил над городом…

Эти недоделанные радисты забыли об одном священном правиле — каждая лишняя минута в эфире оборачивается риском обнаружения рации. Они пренебрегли этим правилом, и в конце концов источник сигнала был выявлен. Основной передатчик был расположен за Рюпель-каналом, он был спрятан в доме, рядом с которым находился дровяной склад.

Хабеккер усмехнулся, стряхивая пепел:

— Распоряжением Геринга участвующие в операции полицейские были обязаны натянуть поверх сапог шерстяные носки, чтобы не было

[23] Примечания: 23

Так назывался отдел радиоперехватов военной разведки Третьего рейха.

слышно их шагов на мостовой. Район быстро оцепили, начался обыск. Передатчик был обнаружен на чердаке, вокруг разбросаны бумага и почтовые открытки, но радиста не было — он пытался бежать. К счастью, его удалось задержать. Его личность установили не сразу, так как первое время он молчал. Выяснилось, что это русский радист Михаил Макаров с позывным Хемниц. У него нашли паспорт на имя гражданина Уругвая. Этого пройдоху допрашивал лично Гиммлер в главном управлении имперской безопасности. Среди бумаг на чердаке были обнаружены незашифрованные радиограммы. Было созвано срочное совещание, где присутствовали наше руководство, абвера, службы имперской безопасности и радиоразведки. Мюллер сообщил, что отдел дешифрования давно трудился над дешифровкой перехваченных радиограмм. Нужно признать, что система шифра у этих русских не такая уж простая и обычными математическими способами раскрыть ее весьма сложно. Тем не менее ничего невозможного не бывает, если поставить перед собой цель.

Рассказчик умолк, задумчиво глядя, как струйки дыма таяли в спертом воздухе.

— Среди прочего в донесениях упоминалось

имя Ильзе Штебе, — он ткнул носком сапога в бок лежавшей на полу женщины. Мокрое платье Ильзе слегка задралось, обнажая ее округлое бедро с нежно-матовой кожей. — А также ее адрес.

Затушив окурок об скамью, Хабеккер поднялся на ноги.

— Этот Хемниц сначала тоже долго молчал. Но спустя шесть недель наши специалисты сумели развязать ему язык и он выдал шифр. Под конец русский связной напоминал кровоточащий кусок говядины. Так что не бывает железных людей, Иоганес. Информацию можно вытянуть из любого. Поверь. А теперь позови Якоба, и пусть он перетащит в камеру эту мокрую сучку.

1939 год Разлука

Будучи в Варшаве, на одну из последних встреч с Ильзе Рудольф неожиданно пригласил Арийца. Однако вместо того чтобы отправиться в ресторан или отель, Гернштадт настоял, чтобы мероприятие было проведено на улице.

Все трое собрались в уютном саду, расположенном на Маршалковской улице.

— Может, вы меня сочтете невежливым, — сказал Рудольф, поправляя шляпу, — но я считаю, что настоящее наше общение происходит сейчас, а не то, что было раньше. Потому что милые беседы о поэзии и погоде пора оставить в стороне. Пришло время говорить о том, как нам воевать. И победить, — добавил он, бросив пытливый взгляд на Ильзе.

Пока он говорил, Штебе молча смотрела на носки своих сапожек. Они были исцарапанными, а подошва одного из них уже начала отслаиваться — его следовало отнести башмачнику, чтобы тот поменял на новую…

«Какие глупости, сапоги, — мысленно вздохнула она. — Возможно, после этой встречи Рудольф

снова исчезнет, и вернется ли?»

Преисполненное тревогой сердце подсказывало, что увы. Тем более что Рудольф уже неоднократно намекал ей о скором переводе в Москву…

Между тем Гернштадт подробно объяснял, как в дальнейшем с ним следует поддерживать связь. Он акцентировал внимание Ильзе и Шелия на том, что самой главной задачей было получить сведения, связанные с возможной агрессией фашистского режима. При этом Рудольф призывал не игнорировать даже малейшие детали, которые, казалось бы, не заслуживают внимания с первого взгляда.

— Никакой корреспонденции вам отправлять не следует, — сказал он, обращаясь к дипломату. — Максимум, что вы можете делать, — некие обзоры или доклады. Пересылка писем ляжет в обязанности Ильзе. У нее будет свой связной, и этот вопрос решен.

— Я надеюсь, с финансовой стороны сбоев не возникнет? — озабоченно спросил Шелия и потер гладко выбритый подбородок.

— Все остается в рамках нашего договора, — успокоил его Рудольф.

— Я все понял, — сказал Шелия, когда инструк-

таж был закончен. — Извините, у меня сегодня намечена еще одна встреча. Всего хорошего!

Когда он ушел, Рудольф привлек Ильзе к себе:

— Ну вот, теперь ты действительно главная в группе. Все будет хорошо, дорогая. Связь у тебя есть, а осторожности и внимательности тебя учить не нужно — ты сама все прекрасно знаешь.

Он поднялся с лавки, Ильзе не отрывала от него глаз, которые постепенно наполнялись влагой.

«Вот так?! Вот так просто и обыденно распрощаемся и больше не увидимся?!» — кричало у нее все внутри.

Вероятно, Гернштадт понял, какие чувства и эмоции переживает стоящая перед ним женщина, но вместо того, чтобы обнять и прижать ее к себе, он лишь строго произнес:

— Так надо, Ильзе. Ничего не поделаешь. И еще мой тебе совет. Как только будет возможность, сними себе квартиру. Ты будешь подвергать свою мать опасности, пока будешь находиться с ней под одной крышей. Тебе нужно тихое жилище, пригодное для конспиративной работы.

Это было действительно так, Ильзе и сама подумывала о том, что будет лучше, если она станет жить отдельно. Тем более в квартире мамы не

было телефона, который ей просто необходим.

Но в первые дни после возвращения в Берлин у Ильзе возникли другие проблемы. Неожиданно выяснилось, что найти работу для референта по культуре в германской столице не так-то просто. Куда Штебе только не обращалась… Даже в министерстве пропаганды ей не смогли помочь.

У Шелия были свои заботы. Пока он был занят своими делами, ему не удавалось пристроить Ильзе на работу в МИД, из-за чего поиски съемного жилья для нее затягивались. Отдельная квартира с телефоном стоила немалых денег, и тогда тут же возник бы закономерный вопрос — из каких источников безработная женщина берет деньги на ее аренду?

Вместе с тем у Шелия тоже возникли некоторые шероховатости с назначением на должность. Откуда-то в министерство иностранных дел просочилась информация, что Шелия равнодушно относится к вступлению в национал-социалистическую партию и поощряет политику Польши, а такой человек не имеет права занимать столь высокий и ответственный пост!

Правда, не всем недоброжелателям дипломата — а их у него хватало! — было известно, что еще в Варшаве он вступил в гитлеровскую партию.

Когда Шелия узнал об интригах за его спиной, он, воспользовавшись моментом, достал из кармана партбилет и, помахав им в воздухе, снисходительно заявил:

— В отличие от некоторых я уже давно вступил в национал-социалистскую партию. С того самого дня, как наш фюрер стал рейхсканцлером. Понимаете, не в моих привычках хвастаться своей преданностью фюреру. Лично я доказываю это не словами, а делом!

Произнеся эти слова, Шелия убрал билет и, выкрикнув «Хайль Гитлер», вскинул руку в нацистском приветствии.

Наконец черная полоса для Ильзе закончилась и впереди забрезжил просвет. Фон Шелия получил свое назначение, возглавив отдел информационной службы Риббентропа. Значительный объем всей служебной переписки МИДа отныне проходил через Шелия.

Не забыл он и об Ильзе — она была зачислена в референтуру, занимающуюся «черной пропагандой» министерства. По сути, это являлось ядром имперской службы дезинформации. Штебе быстро освоилась на новом месте, она стремительно заводила деловые знакомства с людьми, имеющими тесные связи с видными нацистами. В

результате напряженной и кропотливой работы она получала ценную информацию, столь необходимую для борьбы с фашистским режимом, который установился на ее родине.

Теперь у Ильзе был свой кабинет (пусть и крохотный, словно каморка сапожника, но какой есть), а также сейф для хранения документов особой важности. В ее обязанности входило составление обзоров, досье, различных докладов, протоколов и много чего еще.

Особого внимания требовали встречи с самим Шелия. Изредка тот вызывал ее к себе, давая какие-то поручения, передавая документы, которые имели первостепенное значение для советской разведки. Дипломат стал осмотрительней и осторожней, он лишь указывал своей помощнице на документ, не произнося об этом вслух. Видно, инструктажи Рудольфа не прошли даром — в кабинетах МИДа могли быть встроены микрофоны, и касалось это любого дипломатического работника. Шпионаж к тому времени в Германии принял поистине колоссальные и всеобъемлющие масштабы, ищейки Гиммлера и Канариса рыскали повсюду.

— Наш «ефрейтор», похоже, совсем умом тронулся, — понизив голос, проговорил он Ильзе,

когда они встретились с ней как-то в коридоре. — Я о войне, которую он всеми силами развязывает. Я нисколько не сомневаюсь, что она начнется в самое ближайшее время…

Ильзе часто с теплотой вспоминала Рудольфа. Их последняя встреча была какой-то скомканной и даже сухой, меньше всего напоминая расставание людей, чьи сердца давно сблизились. Но несмотря на это она все равно очень скучала по нему.

В тот памятный вечер Рудольф сообщил, что из Центра ему поступили указания ликвидировать дела, касающиеся агентурной работы. Все члены подпольной группы получили явки для встречи в Берлине. В непредвиденных случаях был предусмотрен вариант с квартирой на Франкфуртер-аллее, где жила мать Ильзе. Для связи была установлена многоуровневая система паролей. Если было необходимо встретиться, следовало прислать открытку с условным знаком, потом через оговоренный срок назначалась явка.

…В тот день Ильзе остановилась у бакалейной лавки рядом с Бранденбургскими воротами. Внимание женщины было обращено на книжный киоск, продавцом которого являлся кряжистый мужчина пятидесяти лет. Из-под старой кепки

выбивались седеющие волосы, лицо было грубое и обветренное, как у бывалого матроса.

Выдержав небольшую паузу, Ильзе приблизилась к прилавку, разглядывая книги. Взор молодой женщины задержался на романе Карла Мая под названием «Невольничий караван». Штебе с рассеянным видом полистала книгу и словно между делом оставила между страницами несколько мелко исписанных листков бумаги.

— Отличный выбор, — похвалил продавец и цокнул языком.

Ильзе улыбнулась.

— Я беру эту книгу для подарка. Пожалуйста, заверните ее.

Согласно кивнув, мужчина нырнул под прилавок, и спустя секунду перед Ильзе лежал роман немецкого писателя, упакованный в цветную бумагу.

Расплатившись, Ильзе попрощалась с продавцом и пошла дальше.

Никто не обратил внимания, как через полчаса к киоску подошел невзрачный мужчина лет тридцати пяти. Поразмыслив, он тоже решил купить книгу. И… тоже «Невольничий караван» Карла Мая.

Продавец сунул ему книгу с вложенными

внутрь листками, и мужчина, насвистывая, неторопливо двинулся дальше. Стоящий напротив бакалейной лавки полицейский скользнул по нему равнодушным взглядом.

В книге, которую унес безымянный покупатель, лежало важное донесение для советской военной разведки.

Ильзе шла, вновь погрузившись в воспоминания. В памяти, будто старые фотографии, мелькали образы последних встреч с Рудольфом. Только теперь к ней пришло отчетливое и неотвратимое понимание — они больше никогда не увидятся.

Любила ли она Рудольфа? Безусловно, любила. Но специфика их отношений в последние годы была такова, что взаимные чувства молодых людей можно было приравнять к дружеским или к любви между братом и сестрой. Жгучая страсть, захлестнувшая их обоих лет семь назад, куда-то испарилась и больше не появлялась. Как слабый полупрозрачный туман, который с легкостью развеял ветер.

Ильзе шла по мостовой четким ровным шагом.

До событий, положивших начало одной из самых кровопролитных и страшных войн в истории человечества, оставалось меньше недели.

26 августа 1939 года. Берлин Бине

На улице стоял теплый августовский вечер, и здание торгового представительства СССР в Германии постепенно опустело. Правда, в одном из кабинетов на втором этаже продолжал гореть свет — реальная работа у Николая Максимовича Зайцева, старшего лейтенанта Разведуправления Советского Союза, только начиналась.

Николай уже имел опыт работы в Германии. Еще в 1937 году он был направлен в Берлин в качестве коменданта советского торгового представительства. В действительности же Зайцеву было поручено выполнять особые задания военной разведки.

Имея высокие способности к изучению иностранных языков, в свое время он быстро освоил немецкий, закрепив полученные знания в военном училище. Среди других выпускников Зайцев был одним из первых кандидатов для работы в разведке, о чем свидетельствовала его блестящая характеристика.

Безусловно, зачастую работники советского торгпредства в Германии находились под наблю-

дением осведомителей гестапо. Отличительной особенностью сложившейся на тот момент обстановки являлось то, что агенты тайной полиции внедрялись практически в любые советские ведомства — будь то посольство или консульство…

Политическая обстановка в мире осложнялась буквально с каждым днем. Реваншистские идеи Гитлера и его жажда территориальных завоеваний неуклонно вели к полномасштабной войне, угрожающие признаки которой ощущались буквально во всем. Ситуация напоминала комнату, заполненную бензином, а в ее центре стояла догорающая свечка. Еще немного, и помещение охватит всепоглощающий пожар, который мгновенно уничтожит все, что находится внутри. В этих условиях сведения, поступающие из дипломатических кругов Германии, имели основополагающее и важнейшее значение.

В середине августа 1939 года Николай Зайцев был срочно вызван в Разведуправление, где у него состоялся разговор с майором Ляхтеровым. Тот известил Николая, что проверенные источники сообщают о подготовке вооруженного нападения Германии на Польшу.

«Твоя главная задача — отслеживать обстановку из первоисточников. А также наладить связь с

агентами, список я представлю позже…»

Помимо налаживания связей перед Бине (такой оперативный псевдоним получил Николай) ставилась задача создать из этих агентов разведывательную группу и руководить ее работой.

Николай получил агентурное дело Арбина, который до настоящего времени снабжал русскую разведку ценной информацией.

«Тебе следует знать об этом человеке все, так как в Берлине ты будешь работать с его соратниками», — сообщил Ляхтеров.

Таким образом, все последние дни Зайцев провел за изучением докладов Рудольфа Гернштадта, который к тому времени уже переехал в Москву.

Бине обратил внимание на очередное сообщение Арбина в Центр, которое было датировано 16 августа 1939 года. В нем Центр ставился в известность, что Германия нападет на Польшу 1 сентября 1939 года.

Следующее донесение было отправлено 22 августа, и оно гласило:

«Согласно новому распоряжению, все работники посольства должны в ближайшие два-три дня покинуть Польшу. В случае начала военных действий ХВЦ на какое-то время останется в Варшаве. Альта, АВС и ЛЦЛ выехали в Берлин 21

августа. Ариец уже в Берлине, ждет назначения в бюро Риббентропа.

Арбин.

Зайцев уже знал, что скрывающийся под позывным Ариец был высокопоставленный немецкий дипломат Рудольф фон Шелия, и он представлял особую ценность для Разведуправления Красной армии. Изучив его дело, Бине оставалось только удивляться, как такого человека, истинного немецкого аристократа и ненавистника большевиков, удалось склонить к работе на советскую разведку.

Теперь перед Николаем лежали копии дневника генерала Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта. Интерес представляли записи выступления Гитлера на военной конференции в Оберзальцеберге 14 августа, на котором фюрер заявил своим военачальникам:

«Великая драма приближается к своей кульминации. Для достижения политических и военных успехов необходимо пойти на риск. Англия и Франция воевать не будут… Нам предстоит сражаться только с Польшей, и ее нужно разгромить в течение одной-двух недель…»

В своем выступлении затронул Гитлер и СССР.

«Россия ни в коей мере не расположена таскать для кого-то горячие каштаны из огня… Не связанная никакими обязательствами с Западом, Россия осознала необходимость уничтожения Польши… Она заинтересована в разграничении сфер влияний, а я готов пойти на компромисс…»

Далее шла информация о том, что 15 августа специальным распоряжением был отменен ежегодный партийный съезд в Нюрнберге, который сам Гитлер называл «съездом мира». Почти четверть миллиона немцев были спешно призваны в армии, которым предписывалось дислоцироваться на западных границах.

Зайцев вышел из-за стола и, заложив руки за спину, уставился в окно, за которым уже отчетливо сгущались сумерки.

Итак, Гитлер готов к войне с Польшей. Вместе с тем разведчик понимал, что, если бы Англия и Франция создали антигерманский союз, на котором настаивал СССР, Гитлер вряд ли решился бы на военные действия против Польши. На такой союз очень рассчитывало высшее руководство Советского Союза, но усилия Сталина не увенчались успехом.

Зайцеву было известно, что вскоре произошли серьезные изменения в переговорах. Сталину

доложили, что 1 сентября Германия начнет военные действия против Польши. В этом случае у Польши, располагавшей примерно тремястами тысячами солдат, против Гитлера с его миллионной и хорошо обученной армией не было никаких шансов. Советский Союз должен был принять какие-то меры, препятствующие вероятной угрозе со стороны обезумевшей Германии.

16 сентября в МИД СССР был приглашен посол Германии в Москве, который получил от Молотова сообщение о том, что Советский Союз готов незамедлительно рассмотреть предложение Германии о заключении пакта о ненападении. Об этом решении доложили лично Гитлеру, и экспертной группой был подготовлен соответствующий проект договора. Риббентроп подписал срочную радиограмму, согласно которой Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом и этот документ не будет подлежать денонсации в течение двадцати пяти лет.

Как опытный разведчик, Николай Зайцев прекрасно понимал, что предложение Германии было многообещающим и взаимовыгодным. Но в нем скрывался дипломатический капкан, в который мог угодить СССР. С другой стороны,

это было единственным вариантом на данный момент обеспечить безопасность его родины.

В дальнейшем советским руководством было предложено поэтапное улучшение советско-германских отношений, которые застопорились с 1933 года.

По имеющимся у Зайцева сведениям, впоследствии Гитлер обратился к Сталину, заявив, что пакт о ненападении с Советским Союзом означает для Германии формирование немецкой политики на достаточно долгое время. При этом фюрер напомнил, что Германия обязана оградить интересы рейха всеми средствами, которыми она располагает.

В двадцатых числах августа 1939 года в своем послании Сталину Гитлер подтвердил, что война Германии с Польшей неизбежна. Благодаря сведениям от военной разведки Сталин уже знал это, ему даже были известны сроки нападения на Польшу.

Зайцев принялся ходить взад-вперед, напряженно размышляя.

Пакт о ненападении в конце концов был подписан. И когда Риббентроп уже собирался уходить, Сталин заявил, что правительство СССР относится к этому документу очень серьезно. Дословно

«…оно гарантирует словом чести, что Советский Союз не предаст партнера…»

Верил ли Сталин, что Гитлер его не предаст?

Возможно. В чужую голову ведь не залезешь, чтобы прочитать мысли.

Да, важный документ, обязывающий две страны придерживаться нейтралитета в отношениях, был подписан обеими сторонами.

Но все данные, которые лежали сейчас у Бине на рабочем столе, свидетельствовали об обратном.

Гитлер уже захватил Австрию, Судетскую область и оставшуюся часть Чехословакии, а также аннексировал Мемельский край Литвы…

Теперь вот мишенью стала Польша.

Что потом? Будет ли Германия придерживаться положений пакта о ненападении?

«Учитывая агрессивную политику Германии, вопрос риторический», — подумал Зайцев и вернулся за стол.

Как бы то ни было, следует сосредоточиться на насущных вопросах.

И одним из важнейших был следующий — как можно скорее установить контакт с Альтой.

Николай уже успел изучить агентурные дела польской группы Арбина — самой Альты, ХВЦ, су-

пругов АВС и ЛЦЛ и, конечно же, Арийца. Теперь в его задачу входило создать группу, источники которой продолжили бы добывать информацию из немецких правительственных ведомств.

2 октября 1942 года. Берлин В тюрьме

На следующий день Ильзе отвели в помывочную. Не переставая скалиться, Якоб вытолкал ее в коридор и, закрыв камеру, бросил в спину женщине:

— Ничего, хоть ополоснешься. Тебе уже давно пора, от тебя несет, как от свиньи. Хотя…

Он задумчиво поковырялся в ухе мизинцем и, вынув его, некоторое время придирчиво изучал налипшую серу.

— …хотя, должен признаться, от предателей всегда несет, — закончил он свою мысль. — Давай, шевелись.

Помывочная представляла собой небольшое полутемное помещение, насквозь пропитанное затхлостью. Холодные каменные плиты были липкими и осклизлыми, и Штебе приходилось балансировать, чтобы не поскользнуться. Кроме нее в помывочной было еще четыре женщины, бледные исхудавшие тени с потухшими взглядами, в которых уже не было никакой надежды.

«Похоже, они здесь уже давно», — подумала

Ильзе, снимая с себя заскорузлое от грязи и запекшейся крови платье. В чем-то этот мерзкий вахтман Якоб был прав — платье действительно давно следовало сменить. Но, к сожалению, она находилась в тюрьме, а не у себя дома, чтобы подойти к шкафу и сменить одежду…

Маслянистые глаза Якоба жадно ощупывали стройное тело Ильзе, и ее лицо залила краска. Уж лучше бы ее избили в очередной раз, нежели подвергали такому унижению.

— Встаньте к стене, — скомандовал худощавый надзиратель с тонкой полоской усов, держа в руках шланг. Бросив взгляд на Якоба, он сказал: — Ты свободен. Придешь через пятнадцать минут.

Помедлив, Якоб с явной неохотой подчинился, скрывшись из глаз.

После этого усатый вахтман включил воду, направив шланг на замерших у стены женщин. Ильзе сразу зажмурилась, когда в нее, словно таран, ударила мощная струя ледяной воды.

— Не прятаться! — рявкнул охранник, водя шлангом из стороны в сторону. — Не отворачиваться!

«Как можно отмыть грязь без мыла, причем холодной водой?» — пронеслась у Ильзе мысль, и она инстинктивно зажмурилась, когда вода

попала ей в глаза.

Когда с «душем» было покончено, каждая из арестованных облачилась в свое белье, и их развели по камерам. Всех, кроме Ильзе — ее Якоб отвел на допрос.

— Рад вас видеть в посвежевшем виде, фройляйн Штебе, — краем рта улыбнулся Хабеккер. Кроме него в допросной находился Штрюбинг. Скрестив на груди свои мускулистые руки, он окинул Ильзе равнодушным взором, задержавшись на влажных волосах женщины.

— Не могу сказать о вас то же самое, — ответила она.

— Мне нравится ваша честность, — заметил Хабеккер. — Это делает вам честь. Но не решает нашей проблемы — вы так и не дали нам нужных показаний.

Ильзе медленно покачала головой.

— Я уже неоднократно говорила, что вы ошиблись. Мне нечего вам сказать, — произнесла она непринужденным голосом.

Услышав это, Штрюбинг издал хрюкающий звук, но Ильзе даже не удостоила гестаповца взглядом.

— Все очень просто, фройляйн Штебе, — промолвил Хабеккер. Только сейчас Ильзе обратила

внимание, что на столе, за которым обычно сидел криминальный комиссар, ничего, кроме пары кожаных перчаток, не было. Ни протоколов, ни других бумаг, ни даже ручки или карандаша. — У вас есть сведения, которые нужны нам. Если вы желаете, чтобы этот кошмар прекратился, вам просто нужно рассказать нам все, что вы знаете. А мы знаем, что вы обладаете этой информацией. Иначе вас тут не было бы.

Ильзе сжала пальцы в кулаки и тут же разжала.

— Поверьте, я не имею представления, о каких сведениях идет речь, — сказала она. — Я работаю в химическом концерне и…

Хабеккер скривился, словно надкусил лимон, и махнул рукой, останавливая ее:

— Все это мы слышали, Штебе. И про концерн, и про вашу журналистскую практику. Говорите по делу. Мои вопросы вам известны, они уже должны вам сниться по ночам. Имейте в виду, мое терпение начинает подходить к концу. Каждый допрос вы устраиваете цирк, но ваши однообразные трюки нас уже порядком утомили.

— Послушайте, — Ильзе убрала с лица все еще влажную прядь волос. Краем глаза она заметила, как Штрюбинг начал расстегивать рубашку, и

почему-то от этого по ее коже пробежал неприятный холодок. — Послушайте, ваши допросы больше напоминают пытки инквизиторов! В те времена, когда едва ли не в каждой женщине видели ведьму!

Хабеккер кивнул Штрюбингу, и тот повесил рубашку на спинку стула, оставшись в белой майке. Его бледное крепкое тело было покрыто редкими волосками.

— А ты и есть ведьма, — сказал он, подходя к столу. Взяв перчатки, Штрюбинг неторопливо надел их на руки, расправляя складки. — Я, как тебя увидел, сразу понял, что в тебе есть что-то ненормальное! И… ты, случаем, не еврейка?!

Закончив с перчатками, гестаповец повернулся к Хабеккеру:

— Ее проверили по родословной? У меня зреет подозрение, что эту сучку нужно было вздернуть еще лет десять назад!

Хабеккер деликатно откашлялся в кулак и ответил:

— Мне стыдно признаться, но Ильзе Штебе является чистокровной немкой. И правда, очень обидно, когда твоя соотечественница оказывается предателем. Для которой нет такого понятия, как честь. Родина. Любимая страна. И великий

германский народ!

Он отошел в сторону, словно предоставляя слово своему коллеге, чем Штрюбинг не преминул воспользоваться. Приблизившись к Ильзе, он подмигнул замершей женщине:

— Ну что, начнем? Сегодня у меня настроение побоксировать, детка. И ты будешь исполнять роль «груши».

Ильзе даже не успела опомниться, как гестаповец нанес ей короткий, но резкий удар в живот. Ей показалось, что в нее влетело толстое бревно. Дыхание перехватило, в глазах Ильзе помутнело, и она согнулась вдвое, закашлявшись. Штрюбинг схватил ее за волосы и, приподняв, хрястнул кулаком в висок. Мелкие точки перед глазами Ильзе превратились в багровые пятна, внутри раскаленным цветком распускалась боль.

— Осторожней, Иоганес, — откуда-то раздался бесстрастный голос Хабеккера. — Допрос только начался, а она уже глаза закатывает… Это тебе не мужчина, наконец.

— Простите, герр Хабеккер, переволновался, — хищно оскалился Штрюбинг.

— Мне повторить вопрос? — участливо спросил Хабеккер.

Ильзе шагнула вперед, колени у нее подгиба-

лись. Чтобы не упасть, ей пришлось опереться руками об стол, но Штрюбинг оттолкнул ее в сторону.

— Отвечай на вопрос! — заорал он, выходя из себя.

— Я… ничего не знаю.

Следующий удар пришелся в лицо, расплющив губы Ильзе. Брызнула кровь, но она удержалась на ногах.

— Отвечай на вопрос!

Так продолжалось более часа. Когда Ильзе покидали силы и она теряла сознание, Штрюбинг приносил ковш холодной воды и приводил ее в чувство.

— Кто ваш связной? Кто такие АВС? ЛЦЛ?

Отвратительный голос следователя напоминал скрежет несмазанных шестеренок, из-за которых перегревшийся двигатель работал с перебоями.

Наконец Штрюбинг сам устал и прислонился к стене, вытирая пот, градом катившийся со лба.

— Упрямая чертовка, — пропыхтел он, старясь унять дыхание.

Штебе лежала на полу, тщетно пытаясь прикрыть оголившееся плечо — во время экзекуции гестаповец порвал ей платье. Пол был заляпан кровью, алые капли блестели даже на хорошо

начищенных сапогах Штрюбинга.

Приподнявшись, Ильзе смогла сесть на корточки. Затем, превозмогая боль и головокружение, она выпрямилась. В темных глазах Хабеккера скользнула тень уважения, но ее быстро сменил гнев.

— По вашим глазам видно, — разлепив окровавленные губы, заговорила Ильзе, — что сейчас вы испытываете удовольствие… Мне кажется, что даже… если бы я призналась вам в чем-то, вы придумали бы другой повод… Чтобы продолжать избиения…

Она слабо улыбнулась.

— Может быть, вас в детстве не любила мать? А? Или обижали сверстники? Это видно по вашим глазам…

Штрюбинг дернулся, словно получил пощечину. Ильзе собиралась сказать что-то еще, но следователь опередил ее. Проворно подскочив к заключенной, он точным ударом отправил Штебе в нокаут.

— Мразь! — процедил он, тряся рукой в воздухе. Уродливый шрам, пересекавший его лицо, побагровел и стал похож на толстого червя, приклеенного к коже. — У меня все костяшки горят, как будто перчатки углями набиты!

Хабеккер с холодным любопытством разглядывал напарника.

— Устал? — ехидно заметил он.

— Может, сменишь меня? — пробурчал Штрюбинг. — Я действительно вымотался. К тому же здесь слишком душно…

— Я бы мог тебя сменить, но не стану.

— Почему?!

— У девчонки не выдержит сердце, — пояснил Хабеккер. — Она и так еле живая, взгляни на нее. Ей придется пару дней отлеживаться, чтобы быть готовой к следующему допросу.

Штрюбинг выругался и принялся снимать с себя перчатки. Они тускло поблескивали подсыхающей кровью.

— А знаешь что, Иоганес, — вдруг произнес Хабеккер. — У тебя минуту было такое лицо, будто эта непокорная дрянь сказала правду.

Штрюбинг нахмурился, отведя взгляд в сторону:

— О чем ты, черт побери?

— Насчет обид в детстве.

Он потер распухшие костяшки пальцев и после непродолжительной паузы сказал:

— Вообще-то, да. Нас было четверо в семье, три брата и сестра. Мы жили на ферме, и мать с отцом

нами не занимались. Каждый сам по себе. Я был самым младшим, хилым и слабым, как цыпленок. Братья постоянно дразнили меня, и меня бесило это. Родители не вмешивались в наши дела, так что я решал свои проблемы сам. Я начал бегать, тренироваться, отжиматься… И когда мой средний брат в очередной раз меня поколотил, я взял палку и ночью ударил его по лицу. Я сломал ему нос, и он на всю жизнь остался искривленным. Но больше меня никто не трогал.

Хабеккер пожал плечами. Похоже, рассказ коллеги не тронул его:

— Ты просто отомстил ему. Ты не одолел его в честном бою, Иоганес.

— Правильно. Потому что для честного боя я еще не был готов. Но зато больше никто не прикоснулся ко мне, понимаешь? А это для меня было главным. И я предупредил всех, что в следующий раз вместо палки я возьму нож. Или топор, — уже тише добавил Штрюбинг.

Некоторое время они молчали, думая каждый о своем, потом Штрюбинг снова заговорил:

— Я тебе кое в чем признаюсь, Вальтер… Знаешь, в последнее время у меня с женой получается намного лучше, когда в этот день я веду допрос наподобие сегодняшнего. А если я никого не

допрашиваю, то предпочитаю сразу лечь спать, чтобы не позориться. Понимаешь меня?

— Вполне, — сухо отозвался Хабеккер. — В этом наше и отличие, Иоганес. У нас с тобой разные цели в этом кабинете. Ты делаешь это потому, что получаешь удовольствие. А я — потому что хочу, чтобы Германия стала великой страной и ее все боялись.

Штрюбинг уже хотел что-то возразить, как тот внезапно резко выбросил правую руку вперед, хрипло пролаяв:

— Хайль Гитлер!

Помедлив, Штрюбинг вторил ему.

Когда тело Ильзе отволокли в камеру, Хабеккер раздраженно уставился в бумагу, где были перечислены позывные агентов, данные которых он так тщетно выпытывал у Штебе. Абракадабра какая-то! АВС, ХВС, ЛЦЛ… Кто эти люди и как связаны со Штебе?!

1939 год Соратники

Летом 1939 года работники немецкого посольства Варшавы (в том числе семейная пара Велькиши — Курт и Маргарита) по указанию посла Мольтке выехали из Польши. Перед отъездом Арбин предупредил своих сподвижников, что отныне руководителем группы будет Альта. Возражений от Курта и Риты не последовало.

При этом Рудольф сообщил Маргарите, что в определенное время у нее должна состояться встреча с человеком из Москвы, который передаст ей письмо, а она, в свою очередь, познакомит его с Ильзе. Речь шла о Николае Зайцеве, с которым впоследствии Альта установит связь.

Супруг Маргариты, Курт Велькиш, был журналистом, хотя и имел юридическое образование. Будучи ярым противником фашистской диктатуры, он много лет помогал советской военной разведке. На идеологические устои Курта повлияло многое. В то время в Германии все сильнее раскручивался маховик нацизма. Провозглашаемые Гитлером лозунги воодушевляли простых немцев, и, к сожалению, многие верили сладким

обещаниям, но только не Курт. Еще в 1931 году в Бреславском университете его усилиями был создан «Союз красных студентов». В этом же университете на факультете журналистики в те годы учился Герхард Кегель — один из ценных источников советской военной разведки, с которым потом Курта свела судьба…

В 1935 году с помощью Кегеля Курт устроился в газету «Бреслауер нойесте нахрихтен» и вскоре в качестве корреспондента этой газеты был отправлен в Варшаву. Уже находясь в Польше, Курт свел знакомство с Рудольфом Гернштадтом, журналистом «Берлинер Тагеблатт». А в агусте 1937 года женился на Маргарите Рениш…

Маргарита была чистокровной немкой. После окончания лицея она училась на торговых курсах, где освоила профессию стенографистки. Курт Велькиш сразу обратил внимание на миловидную темноволосую девушку, и вскоре они полюбили друг друга. Молодожены сошлись и в политических взглядах — составляли листовки, организовывали собрания рабочих, принимали участие в работе местной ячейки компартии и так далее.

После знакомства с семьей Велькиш Рудольф принял решение привлечь молодую пару к ра-

боте на советскую разведку. Курт и Маргарита согласились не раздумывая. Ему был присвоен псевдоним АВС, а Маргарите — ЛЦЛ.

Деятельность семейной пары в Варшаве была довольно успешной. Добытые ими сведения, которые потом передавались в Москву, высоко оценивались в Центре.

Когда до вторжения Германии в Польшу оставались считаные недели, Велькиши отправились в Берлин.

Спустя некоторое время произошла встреча Ильзе и Маргариты. Штебе напомнила своей соратнице, что та должна помочь организовать встречу с Бине.

«Он передаст тебе привет от Руди, — сказала Ильзе. — Ты должна ответить: «Как Руди отпраздновал свое тридцатилетие?»

Таким образом, к встрече Ильзе и советского разведчика Николая Зайцева все было готово…

Немаловажную роль в группе Арбина играл и вышеупомянутый Герхард Кегель, получивший псевдоним ХВЦ. В Бреслау он изучал государственно-правовые науки, хорошо выучил русский, затем вступил в коммунистический молодежный союз. Рудольф Гернштадт сразу заприметил инициативного и энергичного журналиста и через

некоторое время привлек его к разведывательной работе. В 1934 году Кегель получил работу в германском посольстве в Варшаве, заняв должность референта по экономическим вопросам. За все время работы на СССР ХВЦ сумел добыть и передать более 360 донесений политического и военного характера, представлявших огромную значимость.

Так в Варшаве была образована одна из сильнейших агентурных групп Разведуправления Советского Союза.

Итак, о предстоящем нападении Германии на Польшу уже знали все. Серьезности имеющихся проблем до самого последнего дня в Варшаве не придавали значения. Некоторые горячие головы вообще считали, что при возникновении военных действий польские подразделения без труда дойдут до самого Берлина. Те, кто мыслил здраво, тешили себя надеждой, что Польша способна продержаться до вмешательства в дело Великобритании и Франции.

Однако в глобальную войну из-за Польши ввязываться не желали ни в Париже, ни в Лондоне. Об этом хорошо знали как Гитлер, так и Сталин, который безуспешно пытался заключить антигитлеровский союз с Францией и Велико-

британией.

К тому времени в Германии уже был давно утвержден план «Вайс». Но кроме военного плана имелся и другой — пропагандистский. Общественное мнение германского народа начало обрабатываться средствами массовой информации еще задолго до начала войны. Несведущим людям сообщалось, что в Польше расцветает дискриминация и этнические немцы подвергаются гонениям. Более того, Польша была, по сути, восстановлена из небытия по результатам постыдного Версальского мира, согласно которому она заполучила часть земель, ранее принадлежавших Германии!

В этой связи была разработана целая кампания, суть которой сводилась к инсценировке нападения польских солдат на территорию Германии. Называлась она «Операция Гиммлер», и ее подготовку возглавил начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих.

Согласно заранее составленному плану, бойцы СС, переодевшись в форму польских военнослужащих, должны были совершить нападение на радиостанцию в Гляйвице, а также передать в эфир воззвание на польском языке, носившее яркий антигерманский характер.

Когда все это будет сделано, на месте должны были остаться трупы бойцов в польской форме. Эту незавидную роль позже выполнили узники концлагерей. После того как их убили с помощью смертельной инъекции, их привезли на место «гибели», где вдобавок выпустили пули в окоченевшие тела, чтобы создать атмосферу сражения.

Организация перевозки так называемых «консервов» (так нацисты между собой называли мертвые тела) возлагалась также на Мюллера. Примерно около 20:00 группа вооруженных солдат в польской форме совершила нападение на радиостанцию в Гляйвице. Прозвучали выстрелы, затем работники радиостанции были связаны и отправлены в подвал. В эфире прозвучали истеричные лозунги, после чего диверсанты исчезли. Вход в здание радиостанции уже был завален трупами в польской форме.

Уже на следующее утро Адольф Гитлер выступил с обращением к немецкому народу, в котором предъявил Польше обвинение в агрессии. А в 4:45 утра 1 сентября войска вермахта вторглись в Польшу.

Шансов у поляков не было. Военно-воздушные силы Польши были ликвидированы практиче-

ски сразу же. Перехватив господство в воздухе, гитлеровцы уничтожили все линии управления польских подразделений, сорвав процесс мобилизации в Польше. Уже 8 сентября немцы приблизились к Варшаве. Поляки пытались оказывать сопротивление, однако силы были неравны, и очень скоро польская столица капитулировала.

Пожар самой страшной войны вспыхнул, разгораясь все ярче и ярче…

7 октября 1942 года. Берлин В тюрьме. Карл Хельфрих

Тюремные будни Карла Хельфриха протекали совсем в ином ключе, нежели у его несостоявшейся супруги Ильзе. За все время нахождения в камере на допрос его вызывали лишь один раз и с тех пор словно позабыли о нем. На все его расспросы вахтман лишь делал каменное лицо и отрицательно качал головой. Казалось, проще было бы достучаться до кирпичных стен, которые окружали арестованного мужчину…

Больше всего Карл переживал за то, что Ильзе могли пытать. О том, какими методами пользуются в гестапо для получения нужных показаний, уже давно ходила дурная молва, и у Карла были веские основания верить этим слухам.

Он прекрасно знал, чем занималась его невеста, поскольку сам изредка оказывал ей посильную помощь. И теперь его сердце разрывалось от пребывания в неопределенности, тем более в последнее время у Ильзе были серьезные проблемы со здоровьем, которое она совсем запустила из-за работы. Долгое нахождение в тюрьме было

чревато для ее почек опасными последствиями.

Соседями Карла по камере были еще двое заключенных. Одним из них был пожилой смуглый старик с совершенно седой бородой, который за все время не проронил ни слова. Сидя на своей койке, он невидящим взглядом таращился в стену перед собой, не реагируя на вопросы сокамерников, и Карл решил, что он помутился рассудком. Второй заключенный был прямой противоположностью старика — молодой мужчина лет тридцати, из которого жизненная энергия била ключом. Он беспрестанно ходил по камере, рассказывая Карлу о превратностях жизни, и эти истории повторялись бесконечно, как пластинка на испорченном граммофоне. Одно время арестант требовал адвоката, колотя в дверь руками и ногами. По понятным причинам никакого адвоката ему не предоставили. Вместо этого, когда он уже окончательно разозлил тюремную охрану, в камеру ворвались двое надзирателей, которые измолотили его деревянными дубинками.

Впрочем, это мало помогло, и, отлежавшись пару суток, неугомонный сосед Карла принялся за старое.

И когда в железной двери щелкнул замок, он решил, что это вновь явились по душу нарушите-

ля тишины. Однако он ошибался.

— Карл Хельфрих, на выход, — скомандовал вахтман.

— Зачем? — только и успел спросил он.

— К следователю.

Вальтер Хабеккер был в неважном расположении духа. Ильзе Штебе только что унесли в камеру, и теперь один из арестантов оттирал пол допросной, заляпанный кровью женщины.

«Проклятая девка. Упертая, словно бетонная стена, — злобно думал криминальный комиссар, вышагивая по свежевымытому полу. — Должна же она рано или поздно заговорить?!»

Он остановился, когда надзиратель, кивнув, впихнул внутрь Карла.

Хабеккер тут же вонзил в него свой сверлящий взгляд.

«Не чета Штебе», — подумал он, глядя на растерянное лицо мужчины. Судя по осунувшемуся виду и темным кругам под глазами, у жениха Ильзе были проблемы со сном. Что, собственно, неудивительно.

«Гестаповская тюрьма не пансионат, в общем-то. Так-то, дружок», — подумал Хабеккер.

— На прошлом допросе, герр Хельфрих, мы разговаривали о вас, — начал он, усаживаясь

за стол. — Теперь давайте поговорим об Ильзе Штебе, вашей невесте.

Жестом руки следователь указал на табурет, и Карл выполнил указание.

— В чем нас обвиняют? — спросил он, когда Хабеккер умолк.

— В антигосударственной деятельности. — последовал ответ. — В измене Родине, если быть точным.

Карл уставился на собственные пальцы рук, словно выискивая ранее не замеченные изъяны.

— У вас есть какие-то доказательства?

Он успел заметить, как в темных глазах гестаповца скользнула неясная тень, и это немного воодушевило Карла.

— У вас их нет! — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. — И быть не может! Потому что мы невиновны, господин следователь!

Хабеккер хлопнул ладонью по столу, и Карл моргнул.

— Если бы их не было, вы сейчас бы сидели у себя дома, — сквозь зубы прошипел криминальный комиссар.

Несмотря на охвативший его страх, Карл не сдавался:

— Позвольте заметить, что я нахожусь под

арестом уже вторую неделю. За все время вы допросили меня всего один раз, и я до сих пор не понимаю, в чем заключается наша вина. Как моя, так и моей невесты Ильзе Штебе.

— Расскажите о вашей работе, — внезапно попросил Хабеккер. — Насколько нам известно, вы трудитесь в МИДе, в референтуре Рудольфа фон Шелия?

— Совершенно верно, — подтвердил Карл. — Советником по делам печати.

— Давайте подробней. В чем заключаются ваши обязанности? Какие у вас отношения с Шелия? Как он относится к вашей невесте? Ведь Ильзе Штебе тоже работала у него?

Слушая Карла, Хабеккер делал какие-то пометки карандашом на бумаге и, когда тот закончил, поднял голову:

— Вы кажетесь мне умным и рациональным человеком, Карл. Вы были женаты на Генриэтте Зиннер. У вас есть дочь от этого брака.

Сбитый с толку неожиданной сменой темы, Карл озадаченно потер переносицу.

— Да, мы были женаты, но потом развелись.

— Почему?

Карл растерянно кашлянул.

— Генриэтта — красивая женщина, — настой-

чиво продолжал Хабеккер. — Чем вам приглянулась Ильзе Штебе?

— Это и есть то самое преступление? — спросил Карл. — Я не понимаю, какое отношение…

— Отвечайте! — заорал Хабеккер, сверкнув глазами, и лицо Карла побледнело.

— Я… я просто увидел в ней человека… — тихо проговорил он. — Человека, который понимает меня. А для меня это очень важно.

— Допустим. Вам известно, кто такая Старуха? Чей это позывной?

Карл замотал головой:

— Первый раз слышу, господин следователь. Среди моего окружения нет никаких старух, смею вас уверить.

— Еще бы, — усмехнулся Хабеккер. — ХВЦ?

— Нет, не имею никакого понятия. Это какой-то бессмысленный набор букв.

— Что вам рассказывала ваша невеста о своей работе? — Следователь впечатывал каждое слово, будто забивал железные сваи. — Вы ведь супруги и не должны ничего скрывать друг от друга! Говорите правду!

— Она работала журналисткой, — начал Карл, слегка запинаясь. — Потом в МИДе, секретарем у Шелия… сейчас в известном химическом кон-

церне «Лингер-Верке»… Ильзе была начальником отдела рекламы…

— Это ее основная работа, — прервал его Хабеккер. — Я говорю о подпольной, на иностранные разведки.

Карл округлил глаза:

— О чем вы говорите?! Ильзе на это неспособна! Тем более моя невеста прекрасно знает, чем это грозит!

Хабеккер глубоко вздохнул и отодвинулся от стола.

— Карл, вы или полный идиот, или наивный, как малолетний ребенок, — сказал он с плохо скрытым презрением.

«У него ничего на нас нет, — осенило Карла, который внимательно следил за гестаповцем. — Во всяком случае, на меня! Они вышли на след Ильзе, но вот где именно она могла проколоться?!»

— Я вас сейчас немного удивлю, — продолжал Хабеккер. — Ильзе Штебе дала против вас показания. Видимо, ее изнеженная натура дала о себе знать. Знаете ли, жесткая койка и скудный паек оказали свое воздействие.

К счастью, Карлу пока было невдомек, что кроме вышеперечисленных неудобств его невесту все это время подвергали изощренным пыткам.

— И что же такое она сказала против меня? — спросил Карл охрипшим от волнения голосом. Про себя он сразу понял, что гестаповец лжет, — Ильзе никогда бы не предала его.

— Она сказала, что вы сотрудничаете с некими АВС и человеком с позывным Ариец. Кто это такие? Агенты советской военной разведки?!

— Я готов поклясться, что никогда не слышал о людях, которые себя так называют, — промолвил Карл.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Глядя в глаза следователя, Карл не мог избавиться от пугающе-брезгливого ощущения, будто по его телу ползают змеи.

— Никто вас отсюда не выпустит, — после паузы сказал Хабеккер. — И чем больше Ильзе Штебе будет упорствовать, тем будет хуже для нее. И для вас в том числе. Вы сможете повлиять на нее? Тогда я могу дать хоть какие-то гарантии в отношении вашего будущего. В противном случае…

Карл распрямил плечи, бледность на его щеках уступила легкому румянцу.

— Как я могу свидетельствовать против своей невесты, если мне ничего не известно? И… как бы я чувствовал себя, предав любимого человека?!

Несколько секунд Хабеккер пристально смот-

рел на заключенного, потом поморщился:

— Пошел прочь отсюда. Вахтман, уведите!

1940 год Хир

Карл Хельфрих был единственным ребенком в семье, и его родители в прямом смысле души в нем не чаяли. Его отец, Георг Хельфрих, работал в сфере железнодорожного транспорта и надеялся, что сын пойдет по его стопам, но судьба распорядилась иначе. В 1935 году в Хеппенхайме Карл сдал экзамены на аттестат зрелости, затем в Гейдельбергском университете изучал математику, физику, философию, параллельно занимаясь журналистикой. Впоследствии Карл блестяще защитил диссертацию по научно-теоретическим проблемам. Позже его утвердили на должность редактора «Генераль-Анцайгер», где выходили его публикации по внутренней политике. Карл также писал для газеты «Берлинер Тагерблатт», в которой когда-то работала Ильзе.

Брак с Генриэттой Зиннер не принес Карлу семейного счастья, о котором он искренне мечтал, и вскоре чувства в отношениях между супругами окончательно угасли.

Новый огонек в его душе вспыхнул, когда он, находясь по рабочим делам во Франкфурте-на-

Майне, случайно познакомился с Ильзе Штебе. Обаятельная брюнетка с тонким миловидным лицом и серыми глазами поразила его до глубины души, отчего он влюбился в нее, как подросток. Прекрасные манеры, острый ум и чувство юмора окончательно покорили сердце Карла, превратив крошечный огонек в бушующее пламя любви.

Ильзе понимала, что чувствует Карл, но не спешила открывать сердце своему новому знакомому. Хотя прекрасно осознавала, что отношения с Рудольфом закончены, и, похоже, навсегда.

Шло время, и Штебе постепенно тоже прониклась к Карлу. Помимо взаимных симпатий, их политические взгляды тоже совпали, что было весьма немаловажным для Ильзе. При этом она с удовольствием принимала галантные ухаживания Карла. Только теперь до нее стало доходить, что в этом мужчине есть то, что она, в общем-то, давно искала, — преданность и искренняя любовь.

В отличие от Карла, Рудольф на первое место всегда ставил работу. Все остальное — чувства, слова любви и поцелуи, в которых так нуждается любая женщина, — потом. Обладая неисчерпаемым запасом энергии, Рудольф Гернштадт являлся лидером. Причем не только на работе, но

и в личной жизни. Ильзе это ощущала во время их редких встреч и была вынуждена признаться себе, что с таким человеком, как Рудольф, она может только работать. В крайнем случае она могла рассчитывать на дружбу. В Карле же она увидела любящего мужчину, готового ради нее на любой подвиг, и ей всегда было уютно рядом с ним. Более того, она рассчитывала создать с Карлом семью, тем более что тот уже затеял бракоразводный процесс со своей женой Генриэттой. К счастью, та не возражала против развода, и вскоре Карл был свободен от брачных уз…

Видя, что ее новый возлюбленный тоже не приемлет фашистский режим, Ильзе решила привлечь его к своей подпольной работе. Подобные вопросы требовали обязательного согласования в Центре, и оттуда вскоре был дан зеленый свет. Хельфрих действительно оказался весьма полезен — он был известным журналистом, имея широкий круг знакомых, от которых черпал ценную информацию. Вскоре Карлу был присвоен позывной Хир, который на самом деле являлся производным от его журналистского псевдонима Гер.

Таким образом, резидентура Альты пополнилась еще одним преданным единомышленни-

ком.

Между тем военный маховик, запущенный Гитлером, продолжал крутиться, с каждым днем набирая все более ужасающие обороты. В результате операции «Везерюбунг», проведенной в апреле-июне 1940 года, были захвачены Дания с Норвегией. Эта операция позволила расширить контроль Третьего рейха над северной частью Европы.

За ними последовали Бельгия и Нидерланды.

В мае того же года гитлеровские войска начали наступление на Францию, которая еще 3 сентября 1939 года объявила Германии войну. Используя тактику молниеносной войны (блицкриг), вермахт смог нанести сокрушительное поражение Франции, которая капитулировала 22 июня.

К происходящим событиям на театре военных действий было приковано внимание всего мира, и Советский Союз придавал этому особое значение, отслеживая каждое телодвижение гитлеровской армии. Одновременно в мае 1940 года Советом народных комиссаров было принято знаковое постановление, согласно которому руководство Наркоматом обороны СССР было передано от Ворошилова маршалу Тимошенко.

По времени это практически совпало с назна-

чением нового начальника военной разведки, пост которого занял генерал Филипп Голиков. В ходе этих перестановок были заслушаны доклады начальников центральных управлений, по результатам чего подписан соответствующий акт передачи дел Тимошенко от Ворошилова.

Особый интерес в этом документе вызывал раздел, касающийся разведывательной работы. Все данные свидетельствовали, что организация разведки на сегодняшний момент являлась одним из недоработанных направлений деятельности. Так, *«отсутствует регулярное поступление данных об иностранных войсках… Не изучены театры военных действий… Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа, который бы обеспечивал Советскую армию сведениями о состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий…»*

Остальные пункты сего документы также вызывали тревогу.

В результате войны Советского Союза и Финляндии в 1939 году вскрылись неудобные вопросы, указывающие на недостатки Красной армии. Их было немало: проблемы в слаженности боевых действий, в использовании авиации и танков на направлении основных ударов и так далее. Ко

всему прочему не в пользу СССР играли нехватка опытных командиров и устаревшая техника, которой были укомплектованы части.

Гитлер тоже знал об этом, и как-то он сказал Риббентропу, что в настоящий момент русские войска — *«это колосс на глиняных ногах, но невозможно предсказать его будущее развитие…»*

В дальнейшем фюрер заметил, что раз уж Россия должна быть повержена, лучше сделать это в самое ближайшее время…

12 октября 1942 года. Берлин В тюрьме. Новые соседи

Находясь в забытие после жестоких побоев, Ильзе увидела странный сон, больше смахивающий на едва уловимое видение, прекрасное и чудовищное одновременно.

Она сидит на своей койке и слышит, как открывается дверь. Однако вместо ненавистного Якоба перед ней стоит Карл, и у Ильзе замирает сердце от счастья.

«Как ты здесь очутился?» — вырывается у нее.

На губах Карла играет улыбка. Улыбка спокойного, уверенного в себе человека.

«Разве ты не знаешь? — спрашивает он. — Война окончена, русские победили!»

Ильзе вскакивает с койки и бросается в объятия жениха, Карл крепко прижимает ее к себе.

«Все позади, дорогая, — шепчет он успокаивающим голосом. — Теперь мы наконец-то будем счастливы!»

Они выходят из камеры и шагают вперед. Откуда-то сверху слышатся грохот и взрывы, и Штебе понимает, что, вероятно, до завершения войны

еще далеко. Она хочет сказать об этом Карлу, но, обернувшись, с удивлением отмечает, что ее жених куда-то исчез. Подошвы ног ощутили странное тепло, и, взглянув вниз, Ильзе видит, что вместо бетонного пола под ней старые доски.

Она на длинном старом мосту, который уже начал гореть. Струйки дыма сочились сквозь щели в досках, и жжение в ступнях становилось невыносимым. Ильзе ускорила шаг. Еще немного… Она должна успеть дойти, пока мост полностью не охватит пламя…

Она открыла глаза, непонимающе глядя на молодую рыжеволосую женщину, склонившуюся над ней.

«Продолжение сна?» — подумала Ильзе, моргая глазами.

— Вы живы, слава богу, — выдохнула незнакомка. — Я так испугалась, когда увидела, что вы лежите в полной неподвижности! У вас кровь…

Ильзе медленно села на койке. Ее тело ныло и стонало, напоминая о последнем допросе Хабеккера. Это животное Штрюбинг постарался на славу, отработав на ней все свои боксерские приемы. При малейшем движении в грудной клетке все ходило ходуном, вызывая колющую боль, и Штебе подумала, что у нее наверняка сломано

ребро. А может, и не одно.

— Что с вами произошло? — с тревогой спросила рыжеволосая женщина. — Вас избили?

Ильзе осторожно коснулась распухшей скулы.

— Так в гестапо проводят допросы, — сказала она.

— О боже, — прошептала женщина и торопливо добавила: — Меня зовут Лора. Лора Хофманн.

— Рада познакомиться, Лора. Я Ильзе Штебе.

— Ильзе? — переспросила Лора и наморщила лоб. — В камере, где я находилась до этого, кто-то упоминал это имя.

— Неужели? — усмехнулась Ильзе. Она облизнула пересохшие губы, покрытые запекшейся коркой крови. — Я становлюсь популярной…

— Да. Девушки судачили, что гестапо никак не может раскусить разведчицу Ильзе, и, скорее всего, речь шла о вас.

— Разведчица… — вздохнула Ильзе. — Какая чушь.

Она оглядела свое платье, которое больше напоминало тряпье, снятое с пугала, — рваное и заскорузлое от грязи и засохшей крови.

— Я бы хотела вам как-то помочь, но не знаю как, — призналась Лора. Она села на свою койку и уставилась на Ильзе. — Здесь даже воду нужно

просить. А этот негодяй надзиратель… Сегодня он попытался ущипнуть меня за грудь!

— Наверное, ты имеешь в виду Якоба?

Лора пожала плечами:

— Наверное. У него отвратительная физиономия и сальные глаза, которые постоянно ощупывают тебя, брр…

— Как ты здесь очутилась, Лора? — поинтересовалась Ильзе.

Ее сокамерница вздохнула и махнула рукой.

— Мне даже жутко об этом вспоминать, — произнесла она, и голос женщины дрогнул. — По наследству мне досталась крошечная квартирка на Хауфштрассе. Я сдавала ее одному молодому мужчине интеллигентного вида. А недавно его задержали, и, как выяснилось, он работал на военную разведку Советского Союза…

Ильзе замерла, вслушиваясь в каждое слово.

— Его зовут Леон, — продолжала Лора. — Фамилию не помню. А производил такое приятное впечатление!

— Но какое отношение к этому имеешь ты? — удивилась Штебе. — Даже если этот парень собирал сведения для иностранных разведок, почему гестапо арестовало тебя?

Лора пожала плечами.

— Следователь решил, что мы с ним заодно, — ответила она, и глаза ее повлажнели. — Он считает, что я помогала ему!

Ильзе промолчала.

— Если меня обвинят в разведывательной деятельности, то мне грозит смертная казнь? — прошептала Лора, вытирая глаза.

— Я не знаю, — отозвалась Штебе. — Извини, но не хочу давать тебе ложных надежд. Если все было, как ты рассказала, то тебя должны отпустить, потому что ты всего лишь свидетель. Откуда ты могла знать, что этот человек был разведчиком?

Лора немного приободрилась, и в ее взгляде затеплилась надежда.

— На твоей работе знают, за что тебя задержали? — спросила Ильзе. — Или ты безработная?

— Ну почему же. Я работаю в рыбной лавке на Альтенбург-аллее. Меня задержали, как раз когда я выбирала копченую сельдь для покупателя…

— Копченую сельдь, — машинально повторила Ильзе.

— Мой Оскар сходит с ума, — снова заговорила Лора и принялась ходить из угла в угол. — Это мой жених, мы как раз собирались на днях пожениться…

— Надеюсь, у тебя все образуется, и вы сыграете

отличную свадьбу, — сказала Ильзе и попыталась улыбнуться. От этого движения лопнула корочка на распухшей губе, показалась свежая кровь, которую Штебе вытерла рукавом.

— Ну, может, ты о себе расскажешь? — спросила Лора. — Неужели ты и правда разведчица? Я еще никогда не видела настоящих шпионов!

— Надеюсь, и не увидишь, — пробормотала Ильзе. Взглянув на простодушное лицо Лоры, она добавила: — Никакая я не разведчица, Лора. Я понятия не имею, за что меня задержали. Допускаю, что кто-то донес на меня. У меня есть недоброжелатели, так как раньше я работала журналисткой. Остается только догадываться, кому я могла перейти дорогу.

Лора уже открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, как дверь в камеру отворилась и внутрь зашел Якоб. В одной руке охранника был железный стул, в другой — длинная деревянная палка.

— Привет, курочки, — сказал он, подмигивая неизвестно кому. Узницы тут же умолкли, настороженно глядя на вахтмана.

Привычно ухмыльнувшись, Якоб поставил стул напротив койки Ильзе и, усевшись, положил ногу на колено другой ноги.

— От начальства поступило новое распоряже-

ние, детка, — сказал он, обнажая испорченные зубы. — Отныне тебе запрещено сидеть и лежать.

Видя, как расширились глаза Ильзе, он с изуверским наслаждением добавил:

— И спать тоже. Если только ты попробуешь присесть или, не приведи господь, лечь, даже на пол, я поколочу тебя этой штуковиной.

С этими словами он помахал палкой перед бледным лицом Ильзе.

— Вы самое настоящее животное, — тихо проговорила она.

Якоб рассмеялся.

— Я просто выполняю задачи, поставленные мне моим руководством, вот и все. Не хочу, чтобы меня уволили за неисполнение приказа. Так что встань немедленно!

Ильзе медленно поднялась с койки.

— Отойди на пару шагов, — продолжал командовать Якоб. — Можешь стоять, можешь ходить. Это все, что тебе разрешено… Предательница.

— Вы… не имеете права, — неожиданно вмешалась Лора. Ее миловидное лицо порозовело от возмущения. — Это нарушение всех моральных и человеческих прав!

Якоб посмотрел на нее с таким видом, словно у

одного из кирпичей в стене неожиданно прорезался рот и тот заговорил.

— Заткнись, или то же самое будет и с тобой, — процедил он, и Лора мгновенно притихла.

— Все в порядке. — Ильзе выдавила из себя улыбку. — Пусть упивается своей ничтожной властью. Это единственное, на что он может рассчитывать в этих стенах.

1940 год. Берлин Рутинная работа

Обстановка в Берлине после того, как был подписан пакт о ненападении между Германией и СССР, слегка разрядилась. Это в первую очередь коснулось и отношения к советским представительствам, которое также изменилось в положительную сторону. Простые немцы не желали войны и были рады любым попыткам налаживания отношений между двумя странами.

Не остался в стороне и средний бизнес. Их представители надеялись на выгодные торговые соглашения, которые они планировали заключить с советскими предприятиями.

Безусловно, новые задачи по разведывательной деятельности, возложенные на Николая Зайцева, стали для него весьма объемной и ответственной нагрузкой.

Понимая это, в помощь Бине из Москвы прислали военного атташе, Максима Алексеевича Пуркаева. Свою новую должность дипломат получил практически одновременно с началом Второй мировой войны. Одной из задач Пуркаева, впоследствии получившего псевдоним Мрамор,

было налаживание и поддерживание связи с Альтой. Так Мрамор стал резидентом военной разведки в Берлине.

Вскоре Маргарита Велькиш познакомила Зайцева с Альтой. Встреча состоялась в ресторане рядом с кинотеатром «Капитоль». Спустя несколько минут к их столику подошла Ильзе Штебе, и Маргарита, сославшись на дела, оставила их одних. Беседуя с Ильзе, Николай был приятно удивлен, насколько четко и слаженно, соблюдая правила конспирации, сработали женщины. Контакт с Альтой был установлен.

На очередной встрече Ильзе передала Зайцеву отчет о секретном совещании Гитлера в Бергхофе, где присутствовали партийные и военные руководители Третьего рейха. Своим подчиненным фюрер сообщил о планируемой политике по отношению к СССР. В частности, Гитлером было заявлено, что «*Россия — это тот фактор, на который более всего ставит Англия… Но, если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия…*»

Фюрер также донес до присутствующих, что для того, чтобы победить Великобританию, следует одержать победу на Востоке. Впервые на сове-

щании прозвучало, что с Россией должно быть покончено весной 1941 года. Причем разбить СССР необходимо одним молниеносным ударом, поскольку вести длительную военную кампанию будет слишком рискованно и затратно.

Были определены и примерные сроки начала войны против России — май 1941 года. По замыслу фюрера, военная операция на Востоке продлится не более пяти-шести месяцев.

Не прошло и недели, как Ариец сообщил Ильзе, что обстановка стремительно ухудшается. Донесение Альты Зайцев тут же направил в Центр, дополнив, что вероятной датой нападения Германии на Советский Союз является май 1941 года.

Увы, но эта радиограмма в Москве затерялась среди сотен других, поступающих из разных уголков света, где трудились агенты советской военной разведки. Причиной тому отчасти являлся визит министра иностранных дел Молотова в Германию, целью которого было укрепление отношений между двумя государствами. А донесение о том, что Гитлер весной 1941 года планирует напасть на СССР, перечеркивало официальную позицию, которой придерживалось германское правительство. Сообщение Альты вызвало тревогу лишь у связиста, Родиона

Быкова, под позывным Профессор, капитана Разведуправления. Но его попытки донести эту информацию до высшего руководства страны были безуспешными.

Такая же участь постигла следующее донесение, которое подтверждало конкретные действия Третьего рейха по увеличению своей группировки на Востоке: *«…Германией переброшено с запада на восток 12 пехотных дивизий… Непосредственно у восточной границы сосредоточено до 60 пехотных дивизий…».*

Анализ поступающих материалов говорил о том, что Гитлер вплоть до ноября 1940 года не подписал ни единого документа о подготовке нападения на СССР. Николай Зайцев прекрасно понимал, что какие бы усилия ни предпринимала советская разведка, она была не в состоянии добыть того, чего, по существу, не имелось в природе. Немаловажную роль сыграла тщательно спланированная дезинформация советского руководства, над которой день и ночь корпели военные умы вермахта. Вычленить среди сотен действий именно то, что представляет жизненно важный интерес, было не так-то просто.

18 декабря 1940 года Гитлер наконец поставил свою подпись под знаменитой Директивой № 21,

получившей название план «Барбаросса».

Исходя из сведений, которые Шелия передал Ильзе, фюрер заявлял:

«…Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии… Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 года…»

Через Пуркаева Бине отправил срочное донесение в Москву, но в ответ лишь было дано указание перепроверить данные. Тогда Николай вдруг подумал, что военное и политическое руководство СССР наверняка впервые поняло, что помимо общеизвестной политики советско-германских отношений есть и некий тайный курс, целью которого была война. Испепеляющая и кровавая война, которая унесет за четыре года миллионы жизней.

В начале января 1941 года Зайцев отправил новый доклад в Центр, касающийся подтверждения сведений о наступлении Германии. В нем Альта сообщала, что *«…немецкое командование считает состояние Красной армии крайне слабым, в связи с чем она потерпит крах перед гитлеров-*

скими войсками. При этом рост и укрепление германской армии идет постоянно…».

Как-то незаметно и постепенно сходили на нет торговые отношения Германии и Советского Союза. Зайцев не мог не заметить, что его торгпредство все реже и реже посещали представители немецкой промышленности. Вместе с тем у сотрудников разведки, наоборот, прибавилось работы.

Гитлеровцы уже не маскируясь перешли к интенсивной переброске своих подразделений к границам СССР. Поток составов с войсками и техникой не иссякал. Военные грузовые автомобили один за другим шли по автострадам, ведущим с запада на восток. В Польше сосредоточилось порядка 120 дивизий, а также бомбардировочная авиация. Германскими властями был вынесен запрет на частные телефонные разговоры с городами в восточных районах Германии. Кроме того, перевозка личных грузов граждан на железнодорожном транспорте в указанном направлении также не разрешалась. Зайцев понимал, что происходит — восточные районы Германии и территории, приграничные с СССР, быстро превращались в закрытые зоны.

Оживилось и гестапо, напоминая разворошен-

ный муравейник. Агенты тайной полиции, не особо стесняясь, сопровождали работников советских представительств во время передвижения по городу. Безусловно, в высшем руководстве Гитлера знали, что в Германии находятся и работают резиденты иностранных разведок. Рейнхарду Гейдриху, возглавлявшему министерство имперской безопасности, было дано отдельное распоряжение от Гитлера выявить и уничтожить их. В результате тщательно разработанной операции была проведена попытка вербовки военного атташе Пуркаева, о чем тот мгновенно доложил в Центр. Руководством Разведуправления было принято решение об отзыве Максима Алексеевича с должности.

В те дни положение в Берлине было тревожным. Германская столица испытывала нехватку угля для отопления. На улицах по несколько дней не убирались, поезда постоянно задерживались, а в магазинах внезапно возник дефицит хлеба. Власти ввели карточки на овощи и фрукты. Так, детям был положен один апельсин на две недели… То и дело закрывались заводы и фабрики, не имевшие отношения к военно-промышленному комплексу. И, конечно, уже привычными стали регулярные завывания сирен воздушной

тревоги.

В таких условиях проводились встречи с Ильзе, к проведению которых Бине подходил с максимальной осторожностью. Обычно Зайцев оставлял автомобиль в каком-нибудь тихом переулке, а сам садился в автобус и, делая пересадки, в итоге добирался до назначенного места.

Особо тяжелыми были встречи в начале 1941 года. Берлин накрыли суровые морозы, и советскому разведчику приходилось проводить на улице несколько часов, чтобы избежать слежки. Причем сам контакт с Ильзе в такой холодине продолжался буквально несколько минут.

В конце марта 1941 года Бине получил от нее новое донесение, согласно которому Германия планирует нападение на Югославию. Ее разгром Гитлер намеревался осуществить за две недели… Эта информация была незамедлительно передана в Центр. А на рассвете 6 апреля бомбардировщики вермахта принялись испепелять югославские города сокрушительными ударами. В результате кровавой бойни было убито более семнадцати тысяч белградцев, а Гитлер ликовал — в его копилке была очередная победа.

Николай Зайцев лишний раз убедился в ценности Арийца, в свое время завербованного

Рудольфом Гернштадтом. Дата нападения на Югославию полностью совпала с его сведениями…

Вместе с тем обстановка, в которой ежедневно работал Бине, была максимально приближена к боевой. Немецкие службы безопасности буквально круглосуточно дежурили у советских представительств. Малейшая оплошность в действиях Николая могла привести к роковым последствиям, о которых он прекрасно понимал. Одновременно появились и другие осложнения. Советские власти требовали пресекать действия, способные оказать негативное воздействие на отношения между Германией и Советским Союзом, таким образом спровоцировав Гитлера на войну против СССР.

Следовало упомянуть и специальные меры предосторожности, которые предпринимало германское руководство по введению советских властей в заблуждение относительно готовящейся войны. В операциях по дезинформации СССР значительно преуспели Геринг с Геббельсом, не отставал от них и Риббентроп. Но и слепому было понятно, что постоянная переброска войсковых подразделений на восток была давно замечена советской разведкой.

Невзирая на предпринятые усилия фашистских

властей, Альта продолжала кропотливо добывать информацию, отражающую достоверные сведения.

В начале апреля она назначила очередную встречу Бине, тот предложил подъехать в сквер Люстгартен. Добираясь до Музейного острова, когда располагалось это место отдыха, Ильзе неожиданно вспомнила памятную встречу с Рудольфом, где десять лет назад он предложил ей стать участником Сопротивления против властного режима… Чувство ностальгии заставило вздрогнуть ее сердце, но она быстро взяла себя в руки.

На встречу Штебе пришла минута в минуту.

— Здравствуйте, Ильзе, — поздоровался Николай. Порывистый апрельский ветер заставил его втянуть голову в шарф, окутывающий шею. — Вы, как всегда, пунктуальны.

— Добрый вечер, Николай, — улыбнулась она. — Я привыкла ценить свое и чужое время.

Разведчик окинул внимательным взглядом ее стройную фигуру, задержавшись на поношенном пальто.

— Извините, что акцентирую на этом внимание, но вам следует теплее одеваться, — заметил Зайцев. — И вообще, вам нужно новое пальто.

Ильзе сделала беспечный жест рукой:

— Полно, Николай. Благодарю вас за заботу, но я справлюсь. Тем более весна уже давно на пороге. Скоро будет совсем тепло, и в пальто не будет никакой необходимости.

Она протянула ему книгу, внутри которой были спрятаны микропленки и листки с донесениями.

— Я позабочусь о том, чтобы вам выделили средства, — сказал Бине, забирая у Ильзе книгу. — Это Ариец может себе позволить менять пальто и куртки каждый день, ведь его действия щедро оплачиваются.

— Каждый делает свою работу, получая за это соответствующее вознаграждение, — философски сказала Ильзе. — Так всегда было и будет.

— И тем не менее. Накануне нашей встречи Ариец получил пятнадцать тысяч марок.

— Я в курсе, — сказала Ильзе. — Он намеревается их потратить на покупку в Берлине особняка, который ранее принадлежал еврейской семье. Забавляет другое. До настоящего времени Арийцу даже в голову не приходило, зачем британской разведке платить такие деньги за сведения о планах Германии напасть на Советский Союз.

— Ладно, не хочу вас держать на сквозняке, — проговорил Николай. — Еще какие-то новости?

Что-то, что вы можете передать устно?

Помедлив, Ильзе заговорила:

— Усилились переброски войск в пограничную полосу с вашей родиной. Группировка увеличивается с каждым днем. Схема ее расположения в книге, которую я вам передала. Как и раньше, на восток каждый день идут эшелоны с техникой. Сроки «Барбароссы» сдвинуты, теперь идет разговор о числах между 20 и 22 июня. По словам Арийца, власти всеми силами пытаются скрыть свои цели в отношении вашей страны. Военные атташе проинформированы, что войска на востоке концентрируются для того, чтобы пресечь возможную агрессию со стороны России.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся Зайцев. — Но хорошо бы увидеть подлинники или хотя бы копии руководящих документов.

Штебе покачала головой.

— Ариец меня сразу предупредил, чтобы я на это не рассчитывала. Увы, но он даже не всегда видит оригиналы секретных документов, представляющих для нас интерес. Свои сведения он добывает в основном в беседах с чиновниками, у которых есть к ним доступ.

— Вам, должно быть, сейчас очень непросто, — вдруг произнес Бине. — Тем более что все ваши

соратники разъехались. На днях я получил донесение от супругов Велькиш, которые сейчас в Бухаресте. Они шлют вам теплый привет, Ильзе.

— Мне очень приятно, что обо мне не забывают. Но я не одна, со мной рядом Карл. Это самый дорогой для меня человек.

Лицо Николая посветлело.

— Я очень рад, что вы счастливы. Прошу вас, будьте осторожны. А теперь нам пора.

Ильзе улыбнулась краешком рта и сказала:

— Держите глаза открытыми и не обманывайте себя.

Кивнув на прощание, она быстро зашагала прочь.

«Мог бы и не предупреждать ее об осторожности, — подумал Бине. — Эта удивительная и стойкая женщина кого хочешь научит конспирации…»

Между тем дни и недели пролетали, неумолимо приближая Россию к июню 1941 года. Нападение Германии на Советский Союз разрабатывалось в условиях серьезной конспирации, которую усиливал мощный поток дезинформации. Установить, когда и где будет осуществлено вторжение, было невероятно сложно. Этим проблемам сопутствовало нежелание Сталина поверить в то,

что пакт о ненападении оказался для Германии никчемной бумажкой и война состоится в любом случае.

Июнь 1941 года. Москва Главное разведывательное управление

Донесения в советскую военную разведку из Берлина шли одно за другим.

Капитан Родион Быков, имеющий позывной Профессор, выполнял роль связиста, принимая эти радиограммы, которые тут же ложились на стол начальника Разведуправления генерала Филиппа Ивановича Голикова.

Исходя из смысла полученных докладов, подготовка к войне Германии против СССР шла полным ходом. В одном из последних сообщений говорилось об усилении группировки немецких войск на границе с Советским Союзом. Этот документ был направлен Сталину, Молотову, Берии, Тимошенко и другим высшим руководящим чинам.

Изучая донесения, Родион прекрасно понимал, что не заметить приготовлений Германии к войне было невозможно, угроза возрастала со дня на день, как разгорающийся пожар. Тогда почему никто из высших чинов никак не реагирует на эти тревожные новости?!

Как-то раз, будучи на докладе у Голикова, он

увидел, что тот дважды перечитал сообщение Бине из Берлина.

— Есть информация, кто такая Альта? — поинтересовался Филипп Иванович, взглянув на Быкова.

— Не располагаю сведениями, товарищ генерал-лейтенант, — отозвался капитан. — Но я могу запросить агентурное дело в нашем архиве.

— Хм…

При взгляде на его недовольное лицо Быкову казалось, что он мог читать мысли руководителя Разведуправления. Конечно, кто такие для него Альта, Ариец? Какие-то далекие люди, собирающие информацию. Которая, на секундочку, докладывалось самому товарищу Сталину, и вопрос в этих донесениях был наисерьезнейшим — подготовка к войне!

Но эти сведения противоречили смыслу советско-германских отношений и уверений Гитлера в сохранении хрупкого мира. А кроме того, существовала непоколебимая вера в действия пресловутого пакта о ненападении.

— Есть один нюанс, Быков. Один, но важный. Все эти данные, что регулярно поступают мне на доклад от Альты, не имеют документального подтверждения, — заявил Голиков, глядя на

капитана поверх очков. — Документы не имеют подписей — будь то от Гитлера, Риббентропа или хотя бы Геринга…

Родиону было нечего возразить. С другой стороны, прогнозируемое Арийцем нападение гитлеровских войск на Югославию совпало день в день. Но напоминать об этом генералу он не стал.

Взяв ручку, Голиков написал прямо на бланке телеграммы из Берлина:

«Кто эти высокоинформированные военные круги, надо уточнить. Кому конкретно отдан приказ? Потребовать более внятного освещения вопроса, затем проверить».

Как только Быков ушел, Филипп Иванович затребовал агентурное дело Ильзе Штебе. При изучении его материалов в голове генерала вертелся один-единственный вопрос — насколько достоверны поступающие из Берлина сведения?

Ведь все данные Альты, которая она черпала от некоего Арийца, ставили под удар генеральный курс СССР, который был взят на упрочение советско-германских отношений. Этому способствовал визит Молотова (которому очень доверял Сталин) в Берлин, его личные переговоры с Гитлером… А здесь — концентрация войск… переброска тех-

ники… секретное совещание о назначении даты нападения…

Тем не менее донесение Альты было все-таки доложено Сталину.

Никакой реакции на это не последовало.

Вскоре сведения, полученные Центром от Альты, подтвердились и другими докладами — от ХВЦ — Герхарда Кегеля, советника в германском посольстве в Москве, из Токио от Рамзая, а также от Курта Велькиша из Румынии. Советские военные разведчики, работавшие в Будапеште, Софии, Праге, информировали об этом же самом — грядет страшная война.

Когда до нападения Германии оставалась всего пара недель, Ильзе удалось добыть сведения о секретном совещании Гитлера, на котором он издал распоряжение о сроках вторжения в СССР. Согласно этому документу, днем начала операции «Барбаросса» предлагалось считать 22 июня… Один из пунктов распоряжения гласил: *«22 июня, 3.30: начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу… Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно…».*

В своем донесении Альта известила о направ-

лении главных ударов Германии. Все, что она могла, она сделала…

Наконец Сталин обратил внимание на неиссякающий поток тревожных сообщений и обратился к Гитлеру, направив фюреру официальное письмо с просьбой разъяснить, имеют ли место факты подготовки Германии к войне. Ответ Гитлера был незамедлительным, и он заключался в следующем: *«…сосредоточение войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как Адольф Гитлер намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства…».*

Для Сталина этого оказалось достаточным — это письмо перевесило сотню донесений от советских агентов о надвигающейся беде…

17 октября 1942 года. Берлин В тюрьме

— Встать!

Хриплый голос Якоба напоминал звук истлевших костей, которые перекатывались в гробу. Ильзе с трудом разлепила веки, сфокусировав взгляд на ненавистном вахтмане. Проведя бессонную ночь, она, не выдержав, опустилась на корточки, но ей не удалось задремать даже на пару минут.

— Встать, или я отхожу тебя палкой! — рявкнул Якоб. Видя, что заключенная не реагирует, он вскочил со стула и, бормоча ругательства, ткнул палкой в плечо прикорнувшей женщины.

Ильзе выпрямилась. Перед глазами проносились серые тени, в висках кололо, все тело ныло и пульсировало, будто его прокрутили в мясорубке. Измученный пытками организм требовал отдыха и покоя, которого его лишал этот человек с палкой в руках и злорадной ухмылкой.

«А человек ли он вообще?» — пронеслась у Ильзе мысль. Прислонившись к стене, она смотрела на Якоба. Глядя на его ссутулившуюся позу, на из-

мятую серую форму, Штебе внезапно подумала о голодной гиене, которая только и ждет момента, чтобы броситься на ослабевшую жертву.

— Знаешь, что этот способ придумали еще очень давно? — как в тумане услышала она голос надзирателя. Похоже, вахтман решил блеснуть своими познаниями в области истории инквизиции. — Говорят, это получило распространение в Шотландии, еще в XVI веке. И эта мера давала быстрые результаты! Два-три дня, и человек, которого лишали сна, был готов подтвердить что угодно!

Ильзе убрала с лица спутанные волосы.

— Значит, для вас не важна правда? — спросила она. — Вам главное выбить нужные показания?

— Об этом пускай думает начальство, — самодовольно заявил Якоб и зевнул. — Захотят принять твои показания — значит, так и будет. Если их что-то не устроит, мы продолжим.

— Вы самые настоящие звери, — подала голос Лора. Проснувшись, она забралась на койку с ногами и с отвращением смотрела на Якоба. — Как можно столько издеваться над человеком? Тем более женщиной?!

— Заткнись, — поморщился Якоб. — Не хочу тратить время на такое ничтожество, как ты.

— Что бы сказала ваша мать, увидев вас?

Якоб рассмеялся и поднялся со стула.

— О, я думаю, она похлопала бы меня по плечу и воскликнула: «Якоб, сынок! Всыпь этой грязной суке еще! Предателей не нужно жалеть, запомни!»

— Да, Якоб, — сказала Ильзе. — Ты просто герой. Наверное, ты даже заслуживаешь орден за безупречное выполнение своих обязанностей. Но что-то подсказывает мне, что тебя никогда не повысят. Ты так и останешься простым вахтманом, озлобленным на весь мир. Все, что тебе остается, это бить палкой заключенных и сопровождать их в туалетную комнату, чтобы они вовремя выносили за собой ведро…

— Закрой свой грязный рот! — взъярился Якоб. Его глаза налились кровью; слова этой изможденной, но не сломленной женщины больно хлестнули по его самолюбию, словно крапивой по открытой ране. — Заткнись, или я изобью тебя ногами до смерти!

С невероятным трудом Ильзе заставила себя улыбнуться.

— Ты этого не сделаешь. Потому что я нужна живой Хабеккеру. Если ты убьешь меня, у тебя будут очень серьезные неприятности.

Якоб вскочил со стула, его отталкивающее лицо полыхало от ярости.

— Ты… — прошипел он, замахиваясь палкой, но в эту секунду отворилась дверь, впуская в камеру нового вахтмана.

Замолкнув на полуслове, Якоб опустил палку.

— Вот и новая смена пожаловала, — проговорил он с явным неудовольствием. Было видно, что избивать Ильзе в присутствии коллеги ему не хотелось. Он прислонил палку к стулу и направился к выходу. У самой двери Якоб остановился, окинув Ильзе ненавидящим взглядом: — Я иду спать, подстилка. А ты продолжай стоять. Увидимся сегодня вечером.

— Всего хорошего, — спокойно отозвалась Штебе.

Якоб ушел, а новый вахтман, пытливо взглянув на Ильзе, сел на стул. На палку он даже не посмотрел.

Некоторое время в камере царила напряженная тишина. Ильзе прилагала все усилия, чтобы не сползти вниз, но уставшие ноги онемели и почти не слушались ее. Штебе не отпускало чувство, что еще немного, и она попросту потеряет сознание, рухнув на бетонный пол.

Новый вахтман молча смотрел на арестован-

ную, которая, покачиваясь, стояла у стены. У охранника были продолговатое лицо и узко поставленные глаза, но при этом в них не было той испепеляющей злобы, присущей Якобу. Взгляд мужчины был усталым и немного отстраненным, словно ему приходилось ежедневно проделывать нудную работу, которая не приносила ничего, кроме апатии и раздражения.

— Вы можете сесть на свою койку, — неожиданно сказал вахтман, и Штебе изумленно уставилась на него. Ей показалось, что она ослышалась. Неужели этот худощавый охранник не оговорился?..

Словно в доказательство своих слов, вахтман указал жестом на кровать, и Ильзе отлипла от стены, волоча распухшие ноги. Несколько шагов до койки показались ей многокилометровым марафоном, но она осилила их.

— Вы молодец, — сказала Лора, но вахтман не удостоил взглядом новую арестантку.

«Спать, — как в тумане крутилось у Ильзе в голове. — Спать, спать… Разрешит ли он мне вздремнуть хоть несколько минут?!»

Узнать это ей не пришлось — как только Штебе легла на кровать, ее веки сомкнулись, и она мгновенно забылась крепким сном.

Вахтман наконец посмотрел на Лору.

Лицо женщины приняло безучастное выражение, а глаза источали холод. Усмехнувшись, она отвернулась.

Вечером странный вахтман разбудил Ильзе.

Она мгновенно села, протирая глаза.

— Вам надо поесть, — сказал он и указал на миску, стоявшую возле кровати. — Ужин, правда, остыл, но я не стал вас будить.

— Я не верю своим глазам, — промолвила Штебе, наклоняясь за миской. — Такое впечатление, что я для вас приятельница, а не арестантка, за которой следует строго надзирать. Более того, мне нельзя присесть или прилечь. Но вы разрешили мне не просто лечь на койку, но даже уснуть. Можно узнать, чем я заслужила такую привилегию?

Охранник пожал плечами. Казалось, вопрос даже удивил его.

— Мне просто стало вас жаль, — ответил он.

Ильзе улыбнулась, но ответной улыбки не последовало. В глазах надзирателя сохранялась отчужденность, будто он чувствовал себя не на своем месте.

— Вас не накажут за то, что вы сделали мне поблажку? — спросила Ильзе.

— Нас здесь никто не проверяет. Разве что Якоб, который сменит меня, — он задрал рукав, посмотрев на часы, — через пять минут. Поэтому я советую вам встать. Он не должен видеть вас сидящей на кровати.

Ильзе послушно слезла с койки. К счастью, за эти драгоценные часы, подаренные ей для спасительного сна добросердечным охранником, она отчасти восстановила свои силы. Ильзе надеялась, что их хватит, чтобы продержаться то время, пока будет смена этого садиста Якоба.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Дильс, — коротко ответил он.

Повисла неловкая пауза, которую поспешила нарушить Ильзе:

— Завтра вы также придете сменить Якоба?

Дильс кивнул.

— Мне жаль, что вам попался такой вахтман, — сказал он. — Не держите зла на него. Его никто не любит в нашем отряде.

— Даже невооруженным взглядом видно, что его пожирает изнутри собственная злоба, — произнесла Ильзе, отходя к стене. — Я не удивлюсь, если предположу, что он ненавидит всех, кого только можно. Начиная от меня и заканчивая Господом.

Дильс ничего не ответил, а лишь печально смотрел на женщину. Только сейчас Штебе обратила внимание, что койка Лоры пуста.

— Где моя соседка?

— Ее увели на допрос.

— В такой час? — удивилась Ильзе.

Дильс снова пожал плечами. Похоже, этот жест у него давно вошел в привычку.

— Вы добрый человек, — снова заговорила Ильзе. — Простите за неуместный вопрос — как вы очутились здесь? Зачем выбрали такую работу?

Впервые за все время губы надзирателя тронула улыбка.

— Мой отец работает в гестапо. Правда, в архиве, документы перебирает… — пояснил Дильс. — Однажды он решил, что здесь мне самое место. Я не стал спорить. К тому же мне не пришлось идти на фронт.

Помедлив, он добавил:

— Я не хочу участвовать в войне.

— Дильс, но… вы меня извините, но вы не похожи на человека, который уверен в том, что он занимает именно то место, которое ему предназначено судьбой.

Дильс снова пожал плечами.

— Для меня это просто работа, вот и все. Работа,

которую я должен выполнять.

— Палач тоже выполняет свою работу, — тихо сказала Ильзе.

Вахтман промолчал. Уже у самых дверей он обернулся:

— Будьте осторожны с этой женщиной. Я имею в виду вашу соседку.

Штебе вздохнула и прислонилась к стене.

— Я уже обо всем догадалась, Дильс. Полагаю, она ваша коллега, так?

Глаза надзирателя расширились.

— Откуда вы знаете?

— До этого момента я только предполагала, а теперь вы подтвердили мои подозрения. Ну, во-первых, она совсем не выглядит как продавец рыбы, Лора слишком ухоженна для этого. Если бы она занималась рыбой, ее руки выглядели бы совершенно по-другому. Во-вторых, ее выдал чрезмерный интерес к моей персоне. Человек, который попал в застенки гестапо, перво-наперво будет думать о себе, а не совать свой любопытный нос в чужие дела. В-третьих, она уж слишком вольно вела себя с Якобом. Я поняла это по тому, как эта парочка обменивалась взглядами. И еще… Гестапо не церемонится с задержанными, а у этой Лоры даже воротник не порвался. Ни единого

синяка, ни царапины…

Она умолкла, услышав, как заскрежетал ключ в замке.

— А вот и я, — хрипло усмехнулся Якоб, поправляя ремень. Прищурившись, он посмотрел на Ильзе:

— Что-то слишком свежо ты выглядишь.

— Все в порядке, я не давал ей даже присесть, — заявил Дильс и вышел в коридор.

Не прошло и десяти минут, когда в камеру привели Лору. Всхлипывая, она нетвердым шагом подошла к кровати и села у изголовья. Щеки и нос женщины были перепачканы кровью, которую она то и дело размазывала по лицу.

— Подонки, — жалобно произнесла она и посмотрела на Ильзе, которая даже и бровью не повела при виде соседки.

Закончив с ужином, Штебе аккуратно поставила миску у двери и приблизилась к Лоре.

— Эти подонки избили меня, — сквозь слезы проговорила она. — Они… они обещали меня засунуть в камеру к каким-то бандитам и оставить там на всю ночь.

— Дай я взгляну на твои раны, — сказала Ильзе, и Лора замолчала.

Пока Штебе вытирала краешком рукава кровь,

она вздыхала, потом вновь заговорила:

— Особенно зверствовал офицер со шрамом. Он тоже тебя допрашивал?

Ильзе кивнула.

— Полагаю, речь идет о старине Штрюбинге? — оживился Якоб. — Да, этому парню палец в рот не клади!

Ильзе выпрямилась, разглядывая кровь на своих пальцах.

— Все так плохо? — жалобно спросила Лора.

— Нет, более-менее. До свадьбы заживет, — сухо откликнулась она и вернулась к стене. Лора проводила ее мрачным взглядом.

«Да, девочка, — подумала Ильзе, вытирая пальцы об платье. — Если это действительно кровь, то принадлежит она не тебе. Потому что ни одной ранки или припухлости с синяком на твоем прелестном личике я не нашла…»

В этот вечер ни она, ни Лора не обмолвились и словом.

22 июня 1941 года Война

Итак, самые худшие опасения сбылись.

Около 3 утра в районе Кронштадта немецкие бомбардировщики начали наносить первые удары, сбрасывая мины. Руководством Черноморского флота начальнику Генштаба было доложено о приближении с моря значительной группы немецких самолетов. Сверху приказа не поступило, и командующий флотом принял решение отбить атаку самостоятельно.

В половине четвертого утра в Москву прилетело срочное донесение, что гитлеровцы начали бомбить Гродно, Брест и Кобрин, одновременно с этим посыпались удары по прибалтийским городам.

Еще не было и четырех утра, а Жуков уже доложил Сталину о том, что нападение Германии все-таки состоялось, после чего было назначено экстренное совещание.

Тем временем в 4:15 утра Брестская крепость подверглась массированному артиллерийскому огню, следом выступила пехотная дивизия вермахта. Немецкие солдаты пока не подозре-

вали, что их ожидает яростное сопротивление советских воинов, которое будет продолжаться на протяжении целого месяца.

Около пяти утра МИД СССР получил ноту от посла Шуленберга, в которой говорилось, что *«…Правительство Германии не может безучастно относиться к угрозе на восточной границе… поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми средствами отвести эту угрозу…».*

Еще спустя непродолжительное время последовало обращение Геббельса к немецкому народу, где упоминалось о спасении Европы от русских…

За пару дней до этого Ильзе приехала из Дрездена в Берлин, в очередной раз встретившись с Шелия. Для передачи информации Альта попыталась выйти на контакт с новым связным под псевднимом Таль (Николай Зайцев, к которому она успела привыкнуть, по решению Центра должен был вернуться в Москву). Одной из основных задач Таля было обучение Ильзе шифру, а также подготовка ее к работе на радиостанции.

Не дождавшись ответа от Таля, Штебе решилась на риск и двинулась в сторону советского посольства. Однако, едва она приблизилась к зданию дипломатического ведомства, то сразу

выяснила, что оно оцеплено и находится под наблюдением агентов тайной полиции. Боковым зрением Ильзе заметила, как один из мужчин навел на нее фотоаппарат, но она успела повернуть голову, избежав попадания в объектив камеры. Находиться здесь было небезопасно, и Альта поспешила уйти.

Между тем отъезд Бине тоже был сопряжен с немалыми трудностями. Рано утром 22 июня здание торгпредства оцепил взвод вооруженных гестаповцев. Началась проверка каждого помещения, не миновало это и Зайцева. Советскому разведчику велели одеться, взять с собой продукты на пару дней и следовать на выход.

Пока он собирался, немцы принялись обыскивать его номер. Улучив момент, Николай успел выйти в туалет, где избавился от некоторых листков записной книжки с важными пометками.

Таким образом, резидентура оказалась отсеченной от своих необходимых источников. Уже к вечеру всех сотрудников советского торгпредства вывезли в концлагерь, расположенный в пригороде Берлина.

К счастью, после недолгого ожидания Зайцеву объявили, что он будет отправлен к себе на родину, как и его немногочисленные коллеги.

Это мероприятие проводилось одновременно с выездом дипломатических работников Германии, которые по каким-то причинам не успели вовремя покинуть СССР.

Проезжая Югославию, поезд с персоналом советского торгпредства сделал остановку на какой-то глухой станции, где в это же время выстроились немецкие подразделения. Один из гитлеровцев, проходя мимо, поинтересовался у Зайцева, заметно похудевшего и заросшего щетиной:

— Кого везут в этих вагонах?

— Нас, — отозвался Николай. — Советских граждан. Мы едем в Москву.

Немецкий солдат расхохотался и хлопнул разведчика по плечу:

— Нет, парень. Это мы едем в Москву!

С этими словами он ткнул пальцем в сторону эшелона танков, нескончаемый хвост которого, казалось, уходил к самому горизонту.

— Так что до встречи в Москве, парень!

Зайцев покачал головой и, глядя в самодовольную физиономию фашиста, спокойно ответил:

— Не советую.

Вскоре он снова сел в поезд, который степенно покатил дальше. Но этот разговор на далекой

югославской станции остался в его памяти на всю жизнь…

Стоял теплый июньский вечер, когда Ильзе, освободившись от дел, договорилась о встрече с Карлом. Поужинав в ресторане, они вышли на тенистую аллею, решив немного прогуляться.

— У меня для тебя хорошая новость, — сказал Карл и, перехватив удивленный взгляд Штебе, пояснил: — Я наконец-то решил все вопросы со своей супругой, скоро нас разведут.

— Это действительно хорошая новость, — улыбнулась Ильзе. — Надеюсь, у нее не осталось обиды на тебя?

Карл покачал головой.

— Она далеко не глупая и понимает, что между нами уже давно было все закончено. Зачем возле себя держать человека, когда вас больше ничего не связывает?

Он взял руку Ильзе и нежно сжал ее пальцы.

— Только прошу тебя, никакой помпезности, — попросила она, слегка покраснев. — Я имею в виду нашу свадьбу. Не то сейчас время, чтобы устраивать пышные гулянья. Да и денег на это, если честно, нет.

— Как скажешь, дорогая. Время действительно тревожное.

При этих словах уголки губ Ильзе опустились, взгляд стал жестче.

— Время не просто тревожное, Карл. Идет война, и только Господь знает, когда она закончится, — произнесла она. — У войны, как правило, свои законы, и их нужно соблюдать. План «Барбаросса» рассчитан на несколько месяцев, но я даже не хочу думать, что станет, если он будет реализован. Я верю в силы Красной армии, она способна дать отпор гитлеровцам. К сожалению, Советский Союз оказался не готов к вторжению… Несмотря на то, что мы неоднократно информировали Москву о надвигающейся беде.

В ее голосе было столько боли, что Карл с беспокойством сказал:

— Дорогая, ты сделала все, что от тебя зависело! Ну ведь правда выше головы не прыгнешь! Зачем сейчас себя корить в том, на что ты не была способна повлиять…

— Это верно. Но, милый, я сейчас думаю о другом, — проговорила Ильзе. — Не хочу тебе показаться пессимисткой, но у меня зреет нехорошее предчувствие, что мы можем попасть в сети гестапо.

— Мне хочется верить, что твоя интуиция на этот раз тебя подводит, — сказал Карл, но особой

уверенности в его голосе не было.

— Что бы ни случилось, я не позволю им взять над собой вверх, — продолжала Ильзе. — Не для того было положено столько сил и времени. Если меня арестуют, я буду отрицать все. Абсолютно все.

Карл хотел что-то сказать, но промолчал.

— Когда идет такая кровавая война, нужно быть готовым ко всему, — добавила Штебе. — И… к чему я, собственно, веду.

Она на мгновенье запнулась, потом снова заговорила:

— Если вдруг меня арестуют, ты тоже можешь попасть под подозрение. Это к вопросу о предстоящей женитьбе, Карл.

Он привлек Ильзе к себе.

— Я люблю тебя, — прошептал Карл, глядя в глубокие серые глаза возлюбленной. — Меня не напугает никакое гестапо, когда я принял твердое решение связать свою жизнь с тобой.

— И все же, — настойчиво сказала Ильзе. — Мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям. Если вдруг меня арестуют и будут задавать о тебе вопросы, я скажу, что мне был нужен от тебя газетный материал по служебным вопросам. Ты предоставлял мне информацию из иностранных

газет о текущей ситуации в мире. Эти сведения мне были необходимы для работы в рекламном отделе. Понимаешь меня? Потому что такие же вопросы станут задавать тебе — что, где и при каких обстоятельствах ты мне передавал. Главное, чтобы мы, что называется, дудели в одну дудочку…

— Конечно, Ильзе, — ответил Карл. — Не волнуйся. Вероятно, твои наставления никогда нам не пригодятся.

Увы, как показали дальнейшие события, он оказался не прав.

Поговорив еще немного, Ильзе сказала, что ей нужно навестить мать, и, поцеловав Карла на прощание, направилась к остановке.

Она не успела пройти и двух десятков метров, как почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Ничем не выдав своего волнения, Ильзе продолжала не спеша идти по направлению к трамвайной остановке. Уроки конспирации, которые женщина в свое время усвоила от Рудольфа Гернштадта и советского разведчика Якова Бронина, не прошли бесследно.

Уже через несколько минут Ильзе выявила «хвост» — им оказался плюгавенький мужчина ниже среднего роста в темно-серой куртке со

свернутой в руке газетой. Держась на небольшой дистанции, он целенаправленно двигался следом за Штебе.

«Кто это, сотрудник гестапо? — крутилось в голове Ильзе. — Или просто осведомитель?»

Проходя мимо витрины обувного магазина, она задержалась, делая вид, что внимательно рассматривает кожаные сапоги. В отражении было видно, как следовавший за Ильзе мужчина замедлил шаг, после чего перешел на другую сторону улицы, поглядывая в ее сторону. Наконец она оторвалась от витрины и зашагала дальше. Помахивая газетой, «хвост» вскоре вновь пересек дорогу, оказавшись у Ильзе за спиной.

Он не стал подходить к трамвайной остановке, а развернул газету и сделал вид, что углубился в чтение. Но как только подъехал трамвай и мужчина понял, что объект слежки сейчас войдет в салон, он торопливо свернул уже порядком измятую газету и вскочил на подножку.

В трамвае было немноголюдно, и мужчина уселся на заднее сиденье. Ильзе буквально кожей ощущала его прожигающий взгляд.

«Что им известно? Если было бы что-то серьезное, за мной вряд ли бы установили слежку», — решила она. Действительно, в таком случае она

уже давно сидела бы в кабинете следователя.

Через две остановки она поднялась с места. Первой мыслью Ильзе было выскочить из трамвая в самую последнюю секунду, чтобы «хвост» не успел сориентироваться и остался бы внутри. Однако, поразмыслив, она решила этого не делать. Пусть тот, кто ведет за ней наблюдение, считает, что она ничего не заметила.

Штебе вышла на остановке и, перейдя трамвайные пути, двинулась к подземному переходу.

Мужчина в серой куртке неотрывно следовал за ней.

«Были бы поумнее, действовали бы группой», — подумала Ильзе.

Об этом ей как-то рассказывал Рудольф — для конспирации часто использовался такой метод, когда объект наблюдения «вели» несколько человек, сменяя друг друга. Выявить «хвост» в таком случае практически не представлялось возможным, поскольку очень сложно понять, когда и кому будет передана очередная «эстафета» по слежке…

Вероятно, в этом случае ей повезло — тип с газетой неуклонно следовал за Ильзе почти полчаса. В какой-то момент Штебе подумала, а не проучить ли этого незадачливого следопыта,

вымотав его бессмысленными передвижениями по району?! Интересно, сколько он выдержит, если Ильзе будет кругами ходить по улочкам и переулкам до самой ночи?

«Нет, — сказала она сама себе. — Слишком много чести для такого ничтожества».

Ее взор устремился на старенький, но еще действующий кинотеатр. Можно взять билет на ближайший фильм и незаметно выскользнуть после начала сеанса.

Но и эту мысль Ильзе отвергла. Во-первых, ближайший сеанс может быть только через пару часов, а во-вторых, сейчас у нее на счету была каждая рейхсмарка.

Теперь внимание Штебе было приковано к мясной лавке, двери которой были призывно распахнуты. Не раздумывая, она направилась прямо туда.

Когда она оказалась внутри, ее ноздри моментально ощутили резкий запах заветревшегося мяса. За прилавком стояла пухлая женщина в выцветшем переднике, ее волосы были забраны в хвост.

— Добрый день! — приветливо сказала она. — Что желаете? Врать не буду, мясо у нас вчерашнее, но вполне пригодное для готовки!

— Я это поняла, когда увидела, что в вашем магазине нет очереди, — заметила Ильзе.

— Поверьте, я не стала бы вам предлагать откровенную гниль, — поклялась женщина. — Мясо вполне съедобно! Есть мякоть и на косточке, что предпочитаете?

— На косточке, — машинально ответила Ильзе, доставая кошелек. Повернувшись боком, она бросила короткий взгляд на улицу. «Хвост» околачивался рядом, уже не особенно стесняясь. Газеты в его руке уже не было.

Пока продавщица взвешивала кость и нахваливала товар, в магазин вошел пожилой мужчина в очках. И как только Ильзе расплатилась, хозяйка лавки тут же переключилась на нового покупателя.

Штебе огляделась и, заметив темный коридор в противоположном конце магазина, быстро направилась туда. Продавщица, увлеченная разговором со старичком, уже потеряла к ней интерес.

Выйдя в коридор, Ильзе быстро зашагала вперед. Вскоре показалась лестница, ведущая вниз, и она торопливо спустилась по ней, оказавшись перед полуоткрытой дверью. Толкнув ее, Штебе вышла на улицу с другой стороны дома. У входа

курил громадный мужчина в грязных штанах и кожаном фартуке в кровяных разводах. Перед ним высилась колода для рубки мяса, иссеченная ударами топора. Сам топор стоял рядом.

Стряхнув пепел, мужчина сдвинул брови и неодобрительно покачал головой:

— Вы что тут делаете?

Изобразив невинную улыбку, Ильзе ответила:

— Простите, но так намного быстрее пройти к моему дому!

Мясник пробурчал что-то невнятное и, бросив окурок, затушил его подошвой ботинка. Но Ильзе уже этого не видела — она стремительно шагала прочь, удаляясь от магазина.

Человек в серой куртке, который вел за Ильзе слежку, напрасно ожидал ее снаружи. Спустя полчаса он, не выдержав, вошел в лавку и лишь тогда с досадой понял, что его обвели вокруг пальца.

19 октября 1942 года. Берлин В тюрьме

С той минуты, как Дильса сменил Якоб, невыносимые пытки Ильзе бессонницей и запретом присесть возобновились. Но вместо того чтобы умолять надзирателя позволить ей хоть немного отдохнуть, Ильзе широко улыбалась. Вместо того чтобы стоять, прилипнув к стене, она мерила камеру шагами, считая их про себя. Вслух же Ильзе напевала детские песенки, которые помнила еще с раннего детства, и почему-то именно это приводило Якоба в бешенство.

Сначала он снисходительно ковырялся в носу, пытаясь подпевать женщине гнусавым голосом, затем ухмылка сползла с его толстых губ. Уже через пятнадцать минут его глаза налились кровью, и он принялся орать, чтобы Ильзе заткнулась. Когда это не возымело действия, он ударил ее палкой по руке. Потом еще раз.

Штебе остановилась, глядя на красную полосу, которая отпечаталась на запястье. Потом сочувственно посмотрела на рассвирепевшего вахтмана.

— Господи, как же тебе плохо, — промолвила она с жалостью в голосе. — Наверное, ты никогда не видел счастья в жизни. Никто никогда не прижимал тебя к груди и не гладил… А улыбался ты только тогда, когда причинял людям боль.

— Сука! — прорычал Якоб, вскакивая со стула. Он рванулся было к Ильзе, но, к его изумлению, заключенная неожиданно стала оседать вниз, будто подрубленное деревце.

За всем этим с ледяным спокойствием наблюдала Лора. Она сидела на своей койке и была занята тем, что расчесывала свои рыжие локоны. И когда Штебе без сознания рухнула на пол, она презрительно сплюнула:

— Ты перегнул палку, Якоб. Тебя предупреждали, что она может отключиться раньше времени. Она и так была на грани последние пару часов.

Озабоченность на красном лице надзирателя вытеснил липкий страх. Он склонился над бесчувственным телом Ильзе и затормошил ее, пытаясь привести в чувство.

— Кто знал, что эта курица окажется такой хлипкой? — раздраженно бросил он, махая перед лицом Штебе грязной тряпкой.

Лора усмехнулась.

— Ну, я думаю, если поставить на ее место мо-

лодого солдата, едва ли он продержится больше. Так что будешь теперь объясняться перед Хабеккером. Да убери ты эту вонючую тряпку! Ей нужна вода!

Якоб понял, что гестаповка права, и метнулся из камеры.

— Крепкая девочка, — пробормотала Лора, слезая с кровати. — Но ничего. И не с такими справлялись.

Откуда-то издалека доносился голос. Это был мужской голос, низкий и приятный, но складывалось ощущение, что говоривший находился за стеклом или звал Ильзе сквозь густую пелену тумана.

Кто это? Карл? Или Рудольф?

С большим усилием ей удалось разлепить веки.

Она тихо выдохнула, увидев перед собой склонившееся лицо Дильса. Охранник выглядел испуганным, но увидев, что Ильзе пришла в себя, он расслабился.

— Слава богу, — вырвалось у вахтмана. — На какой-то миг я решил, что для вас уже все кончено…

Штебе покачала головой и медленно села, оглядевшись. Она была на своей койке, ее туфли

были сняты. Как она оказалась здесь?! Ведь Якоб следил за каждым ее движением, то и дело пуская в ход палку, попытайся она присесть даже на корточки!

Судя по всему, Дильс догадался о мыслях Ильзе и сказал:

— Вы упали в обморок. И этим сильно напугали Якоба, он решил, что вы умираете. Потому что ему бы здорово влетело за это.

Поймав недоуменный взгляд Ильзе, вахтман пояснил:

— Следователям вы нужна живой. Между прочим, за делом «Красной капеллы» следит не только Геринг, но даже сам фюрер. Требует ежедневные доклады по результатам допросов. Кстати, если уж на то пошло, Якоб превысил свои полномочия. Мне стало известно, что свыше была дана команда прекратить пытку бессонницей. К сожалению, это выпало не на мою смену, и Якоб по собственной инициативе не давал вам отдыхать. Не знаю, чем вы ему не угодили, но у него дым из ноздрей идет, когда заходит речь о вас.

— Он сказал, что ненавидит предателей, — сказала Ильзе. — Видимо, считает, что я одна из них… Кстати, а где моя не в меру любопытная соседка? Ее увели на очередной «допрос», где будут

поливать чужой кровью?

— Не знаю, но она ушла еще до меня. И, полагаю, вряд ли вернется. Похоже, она поняла, что вы догадались, кто она есть на самом деле.

Помолчав, Дильс прибавил с виноватым видом:

— Ильзе, я бы хотел дать вам отдохнуть, но мне велено отвести вас на допрос.

— Все в порядке, — ответила Штебе, поднимаясь с койки. Суставы и мышцы все еще ныли от напряжения, но она заставила себя улыбнуться. — Я готова.

В этот раз криминальный комиссар Хабеккер был один. Сидя за столом, он с озабоченным видом просматривал стопку документов. Когда Ильзе ввели в кабинет, он поднял глаза и, оглядев цепким взглядом арестованную, фыркнул:

— Вы неважно выглядите, фройляйн Штебе.

— Извините, если тем самым разочаровала вас, — парировала Ильзе. — Увы, господин следователь. Недели, проведенные в гестапо, не способствуют процветанию.

Хабеккер отложил документы в сторону.

— Вы правы. Но это все может закончиться, причем в одно мгновение.

— Если вы имеете в виду мои показания, то

напрасно вызвали меня. Мне нечего добавить к тому, что я уже неоднократно вам заявляла. Но если вы или ваш коллега Штрюбинг хотите поиздеваться надо мной, это другое дело. Тогда от меня уже и вовсе ничего не зависит.

Щеки Хабеккера побагровели, и он процедил:

— Вы считаете, кабинет следователя гестапо — отличный повод поупражняться в остроумии?

— Нет. Ничего такого я не имела в виду, — обронила Ильзе.

Следователь вылез из-за стола и встал напротив женщины.

— Давайте попробуем зайти с другой стороны, Ильзе, — проговорил он неожиданно мягким голосом, отчего Штебе непроизвольно сжалась как пружина. Почему-то этот вкрадчивый, приторно-сладкий голос, напоминающий тягучий сироп, пугал ее больше, чем яростные вопли и окрики.

— Что вы имеете в виду?

— Мне бы не хотелось, чтобы вы видели в нас эдаких озверевших варваров, которые мучают вас только для удовлетворения свой извращенной похоти, — начал Хабеккер. — Поверьте, это не так. Мы — я и мой коллега герр Штрюбинг — слуги нашей страны, нашей великой Германии. И кровно заинтересованы в том, чтобы в

этот серьезный и ответственный момент, когда решается судьба нашей Родины, мы сохранились как нация. Сильная и чистая немецкая нация. И мы будем прикладывать все усилия, чтобы внутренний враг не расшатал систему, которую с таким трудом выстроил наш фюрер. Продажных ублюдков, которые исподтишка пытаются отгрызть кусочки от собственной страны, мы будем беспощадно уничтожать. И мне очень хочется верить, что вы не относитесь к тем самым мерзким тварям. Возможно, вам просто запудрили мозги, ввели в заблуждение. Может, вам предложили хорошие деньги за работу шпиона, не знаю. Хотя, глядя на вас, мне сложно поверить, что вы меркантильный человек. У вас в глазах горит огонь, Ильзе. Из вас получилась бы отличная патриотка, тем более что вы чистокровная немка! Я бы даже взял вас к себе на работу! Не верите?!

Ильзе с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться, хотя ситуация выглядела абсурдно. Ей готовы предложить работу в гестапо? Серьезно?!

— Давайте ближе к делу, герр Хабеккер, — перебила она следователя.

Лоб гестаповца прорезали морщины, словно его прервали на самом важном моменте и теперь он сбился с мысли.

— Наше ведомство готово рассмотреть вопрос о вознаграждении за ваши сведения, — сказал он. — Если они окажутся полезными, вы получите хорошую сумму и сегодня же вечером будете свободны. Вы сможете начать новую жизнь, забыв обо всем, что тут происходило.

— То есть вы хотите меня купить? — уточнила Ильзе, и Хабеккер скривился, словно наступил на раздавленную лягушку.

— Называйте это как хотите. Я предлагаю вам честную сделку: вы предоставляете нам сведения, а мы их оплачиваем. И, конечно же, ваш жених Карл Хельфрих тоже получит свободу.

Дверь в кабинет открылась, и внутрь вошел Штрюбинг. Кивнув в знак приветствия Хабеккеру, он уставился на Ильзе. Та, в свою очередь, не сводила взора с перчаток гестаповца, которые снова блестели от крови. В одной руке Штрюбинг держал свернутый в кольца хлыст.

— Мне нечего вам сказать, — тихо ответила Ильзе. — Вы напрасно держите меня здесь, тратя свое время, господа.

Хабеккер кашлянул в кулак. Он выглядел невозмутимым, но Ильзе прекрасно видела, что следователя буквально колотило от злобы. Хабеккер собрался уже что-то сказать, но его опередил

Штрюбинг:

— Вы неправильно расставили приоритеты, коллега. Похоже, этой подстилке не жаль собственную жизнь. Но ей наверняка дорога жизнь ее драгоценного жениха. Бьюсь об заклад, этот тихоня увалень из соседней камеры много значит для нее.

Он подступил к Ильзе вплотную, расправляя хлыст:

— Как ты отреагируешь, если завтра утром Карла найдут с пробитой головой? Ну? А что насчет твоей мамаши? Я ее, кстати, видел, эту старушку мы уже успели допросить. У меня еще тогда чесались руки окунуть ее в бак с водой! Отвечай! Может, тогда ты станешь более сговорчивой?!

Штебе молчала, с ужасом осознавая реальность только что высказанных угроз. И в самом деле, что мешает этим маньякам разделаться с Карлом? Или с ее матерью?!

— Вы просто причините страдания ни в чем не повинным людям, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно уверенней. — Тем, что вы сделаете им больно или даже убьете, вы ничего не добьетесь.

Штрюбинг взмахнул хлыстом, раздался звонкий щелчок.

— Не здесь, приятель, — скривился Хабеккер и махнул рукой. — Веди ее в свою каморку. Здесь пол должен быть чистым.

Штрюбинг оскалился, и в какое-то мгновенье Ильзе почудилось, что на нее таращится голодный волк.

— Идем, детка, — промурлыкал гестповец, помахивая хлыстом. — Ты узнаешь, как я умею владеть этой штуковиной…

На негнущихся ногах Штебе вышла из кабинета, подталкиваемая Штрюбингом.

Как только дверь за ними закрылась, лицо Хабеккера исказилось от ненависти.

— Упрямая стерва, — хрипло выдавил он и, не сдержавшись, смахнул документы со стола.

22 октября 1942 года. Берлин Связной Франц

Между тем Центр находился в полном неведении, что Ильзе Штебе была арестована гестапо, в связи с чем начал предпринимать меры по восстановлению с ней контактов. Решением Разведуправления на территорию Германии были отправлены несколько советских радистов, в задачу которых входило найти Альту и установить с ней связь. Некоторые из разведчиков исчезли без вести, и о их судьбе ничего не известно.

Одна из них, под псевдонимом Ирма, попыталась добраться до Германии на торговом судне, при этом выдавая себя за работника советского торгпредства. Однако во время маршрута корабль попал на радары немецкой подводной лодки, которая выпустила по судну торпеду. К счастью, Ирме удалось спастись, взобравшись на шлюпку, но при этом были утеряны все ее документы, а также оборудование для работы — книга для шифрования, рация, фотоаппарат… Шлюпка была подобрана английским судном, и Ирма вскоре была доставлена в Шотландию.

Эта неудача не остановила Центр, советская военная разведка нуждалась в сведениях от Ильзе, и попытки выйти на связь с ней были продолжены.

Одна из последних и роковых попыток была предпринята в конце октября 1942 года, когда Ильзе уже больше месяца пытали в застенках гестапо.

…В тот пасмурный день в районе Шарлоттенбурга на улице Виландштрассе появился неприметный молодой человек. Некоторое время он, казалось, бесцельно бродил по тихим улочкам, рассеянно поглядывая на затемненные окна домов, после чего свернул в переулок. Начал накрапывать дождик, и незнакомец поднял воротник серого плаща. Наконец он остановился возле дверей дома с табличкой «27» и, выждав несколько секунд, постучал.

Время шло, но внутри было тихо, и мужчине уже начало казаться, что его визит был напрасным, как вдруг в глубине дома послышались торопливые шаги. Щелкнул замок, и дверь распахнулась. Перед посетителем стояла невысокая женщина лет тридцати — тридцати пяти. Ее приятное миловидное лицо обрамляли густые рыжие волосы, отливающие медью.

— Доброе утро, — приветливо сказала она, при этом глаза женщины оставались настороженными. — Чем могу быть полезна?

— Здравствуйте, — негромко поздоровался мужчина и, помедлив, спросил: — Вы Альта?

От него не ускользнуло, что на лице хозяйки промелькнуло что-то вроде заминки, словно она растерялась. Через мгновенье она одарила гостя ослепительной улыбкой:

— Проходите.

Мужчина молча вошел внутрь и, сняв мокрую шляпу, сказал:

— Я ненадолго. Меня зовут Франц, и мне поручено восстановить вашу связь с Москвой.

Альта поправила прядь волос, упавшую ей на лицо.

— Мы обязательно поговорим об этом. А пока я могу приготовить вам кофе, Франц, — предложила она, не глядя на гостя, и тот почувствовал едва заметный укол в области виска. Тревожный колокольчик, спрятанный где-то глубоко внутри, дзинькнул. Пока очень тихо и робко, но Франц это ощутил.

— Боюсь, для кофе у меня нет времени. Я хотел узнать, как в настоящий момент у вас обстоят дела с Арийцем.

— С Арийцем? — переспросила женщина, и на ее лице появилось озабоченное выражение. — О, Франц… Это отдельная тема для разговора… Давайте пройдем на кухню. Вскоре должен подойти мой приятель, и мы спокойно все обсудим.

Франц не двинулся с места.

«Неужели это не Альта?» — колыхнулось в его голове.

— Прошу вас, не отказывайтесь от кофе, — продолжала щебетать хозяйка квартиры. Словно невзначай она взяла за локоть Франца, утягивая его в сторону кухни.

«И Альта, и Ариец вызвали у нее замешательство», — сделал вывод Франц, и по его телу заструились ледяные ручейки. Неужели он прокололся и эта рыжеволосая красотка — подставное лицо?

— Пожалуй, мне пора. — Он с трудом выдавил улыбку. — Я загляну, когда буду посвободней.

— О нет! — воскликнула Альта, и в какой-то миг лицо ее преобразилось, приняв отталкивающее, почти хищное выражение. Глядя на нее, Франц неосознанно подумал о злой ведьме, заманивающей случайных путников к себе на ночлег, которых она потом убивала.

Развернувшись, он уже направился было к выходу, как женщина вцепилась ему в плечо:

— Что с вами, Франц? Вы попали туда, куда нужно, уверяю вас! — сказала она, но, вырвавшись, тот уже шагнул к двери. Франц лишь успел открыть ее и увидеть, как к крыльцу торопливо бегут трое рослых полицейских.

Сопротивляться было бесполезно, и через несколько секунд он лежал на полу, а его руки были закованы в наручники.

— Вы ошибаетесь, господа, — спокойно произнес Франц. — Я не совершил ничего такого, за что меня следовало бы арестовать!

— Ну разумеется, — с усмешкой отозвался офицер, пнув лежащего носком сапога. Он ждал результатов обыска, которым занимались другие гестаповцы. И они не заставили себя долго ждать.

— Что скажете на это, любезнейший? — осведомился старший группы. Он помахал перед лицом Франца замусоленным листком бумаги. — Если у вас отшибло память, я зачитаю вам текст на этом документе: *«Расписка. Я, Рудольф фон Шелия… 16 мая 1940 года получил от Ильзе Штебе… денежную сумму в размере шесть тысяч рейхсмарок… Подпись».*

Офицер передал злосчастный листок подчиненному и наклонился к разведчику.

— Через несколько часов ты будешь проклинать тот день, когда появился на свет, — прошипел он.

Франц ничего не ответил. Перед тем как его увели в автомобиль, он перехватил взгляд Альты. Рыжеволосая женщина выглядела умиротворенной, напоминая кошку, которая все-таки добралась до сметаны.

— Прощай, красавчик, — улыбнулась она. — Зря ты отказался от кофе.

24 октября 1942 года. Берлин В тюрьме

Шагая по узкому коридору, освещаемому тусклым светом мерцающих ламп, Вальтер Хабеккер брезгливо покрутил носом:

— Ну и вонь тут!

Якоб заискивающе улыбнулся, заглядывая следователю в глаза:

— Вам необязательно было спускаться сюда, герр Хабеккер. Эту потаскушку я бы незамедлительно доставил в ваш кабинет, стоит вам только дать команду!

— Я сам решу, когда, где и как вести допрос, — сухо ответил Хабеккер. Достав из нагрудного кармана кителя белый платок, он прижал его к носу. Вскоре они оказались у нужной камеры, и вахтман загремел ключами.

— Мне войти вместе с вами? — услужливо спросил Якоб, но гестаповец покачал головой.

— Я позову, если нужно, — сказал он и вдруг, осененный идеей, повернулся к надзирателю. — Принеси кофе. И горячий тост с беконом, — велел он. — Скажи, что я распорядился.

В маслянистых глазах Якоба скользнуло недоумение, но он тут же вытянулся в струнку:

— Будет исполнено.

Слушая, как грохочут его ботинки по бетонному полу, Хабеккер вошел в камеру. Мельком оглядел убогое помещение, насквозь пропитанное сыростью и затхлым воздухом. Взор криминального комиссара остановился на койке, на которой было распластано тело Ильзе.

Следователь придвинулся ближе, его равнодушные глаза остановились на спине женщины. После экзекуции плетью на бессознательную Ильзе кое-как натянули платье, и теперь оно почернело от пропитавшей его крови, превратившись в засохшую корку.

— Альта, — мягко позвал Хабеккер, глядя на заключенную. — Просыпайся, девочка.

Он погладил волосы женщины, свалявшиеся и засаленные от долгого пребывания в тюрьме.

Почувствовав прикосновение, Штебе открыла глаза и, увидев перед собой Хабеккера, мгновенно села. Похоже, это движение причинило ей боль, поскольку на измученном лице Ильзе промелькнула судорожная гримаса.

— Господин следователь? — глухим голосом произнесла она. — Чем обязана вашему визиту?

Наверное, не каждый арестант удостаивается такой высокой чести?

— Вы совершенно правы, Ильзе, — улыбнулся Хабеккер, начав неторопливо прохаживаться взад-вперед. — Я решил проверить, как устроен ваш быт. И как вы себя чувствуете после нашего последнего допроса.

— Прекрасно, — отозвалась Ильзе. — У меня есть крыша над головой и еда, а это все, что мне нужно. На мелочи вроде битья хлыстом или окунания в бак с водой можно не обращать внимания.

Хабеккер снова улыбнулся, но на этот раз улыбка вышла вымученной.

— Я рад, что вы находите в себе силы шутить. Раз вы пришли в себя, то я хотел бы поведать вам небольшую, но весьма увлекательную историю.

Ильзе молча смотрела на гестаповца, стараясь понять причину такой внезапной перемены настроения.

— Как вы знаете, Советский Союз давно занимался внедрением своих агентов в нашу страну. На большевиков работают десятки и даже сотни осведомителей, о которых, к сожалению, мы не всегда вовремя узнаем, хотя и прилагаем для этого титанические усилия. Так вот, один из та-

ких ценных агентов однажды бесследно исчез. Разумеется, это вызвало переполох на том конце провода — как так? Куда подевался наш информатор? Видимо, это был очень важный и значимый осведомитель, поскольку для восстановления с ним связи из СССР в Германию стали засылаться шпионы. И вот в один прекрасный день на пороге квартиры, где ранее проживал исчезнувший агент, возник высокий молодой человек. Он увидел красивую рыжеволосую девушку и решил, что это и есть тот самый человек, которого ему поручили разыскать.

«Рыжеволосая девушка», — машинально отметила Ильзе, и перед ее глазами тут же вспыхнул образ ее «сокамерницы», которая представилась ей Лорой.

— Не знаю почему, но этот парень, сам того не ведая, совершил грубейшую ошибку, — спокойным голосом продолжал свое повествование Хабеккер. — Он назвал агента не по имени, как того требовали неписаные правила конспирации, а по ее псевдониму.

Прекратив хождения, следователь остановился и вперил свои черные глаза-буравчики в закаменевшее лицо Ильзе.

— Так что ваша карта бита, Альта, — тихо ска-

зал он.

Услышав свой позывной, Ильзе вздрогнула. Если бы Хабеккер ударил ее по лицу, едва ли это ошарашило бы больше, чем вылетевшее из его уст Альта. Как только Хабеккер начал свой рассказ, у нее уже тогда возникло тревожное предчувствие, что гестапо все-таки ухватилось за кончик ниточки, которая ведет к ней. И теперь худшие опасения Ильзе подтвердились.

— Отпираться больше нет смысла, — заявил Хабеккер. — Ваш связной был тут же схвачен и допрошен. Стало ясно, что советская разведка отчаянно пыталась восстановить с вами утерянный контакт — ведь ваш арест держался в тайне. Этот парень был не таким крепким, как вы, и раскололся буквально на второй день. Спасибо Штрюбингу — после допроса, продолжавшегося почти целые сутки, ему дали выходной день. У моего коллеги до сих пор болят костяшки пальцев.

Хабеккер приблизился к Ильзе, не сводя с нее своего змеиного взгляда.

— Ты понимаешь, детка, что произошло? Этот дуралей пришел к тебе домой, где дежурила наша сотрудница!

— Я так и поняла. Это, нужно полагать, была та самая продавщица рыбы? — спросила Ильзе, но

Хабеккер пропустил ее шпильку мимо ушей.

— В кармане у вашего агента найдена расписка от некоего Рудольфа фон Шелия, сотрудника Министерства иностранных дел. Согласно этому документу, он получил от вас шесть тысяч рейхсмарок. Похоже, дипломат давно и плотно работает с вами, Альта.

Хабеккер умолк — в камере появился Якоб, держа на руках жестяной поднос с дымящейся чашкой кофе и блюдцем, на котором лежал тост с беконом.

— Поставь на пол и выйди, — приказал следователь.

Якоб нехотя выполнил указания и, бросив на Ильзе испепеляющий взгляд, ретировался.

— Не желаете кофе? — спросил Хабеккер, когда они вновь остались одни.

— Да, я часто мечтаю о чашке горячего кофе, — кивнула Ильзе. На ее лице после откровений гестаповца не дрогнул ни один мускул. — Но сейчас для этого не слишком благоприятная обстановка. Да и вряд ли вы решите меня угостить кофе просто так.

— Бросьте, Ильзе. Я прекрасно знаю, чем вас тут кормят. Выпейте кофе и съешьте тост. Это бесплатно. Пока я вам это позволяю, — добавил он, и

от голоса Хабеккера повеяло ледяным холодом.

Штебе даже не шелохнулась.

— Ну что ж, это ваше право, — он пожал плечами. — В любом случае вы проиграли. Кстати, должен признать, вы очень ловко и долго водили нас за нос. Никто не мог и предположить, что за позывным Старуха скрывается молодая и привлекательная женщина вроде вас.

— То, что вы сейчас рассказали, ровным счетом ничего не доказывает, — наконец заговорила Ильзе. — Ничего противозаконного я не совершала. Да, мы общались с Шелия, но исключительно по служебным вопросам. Когда я стала работать в рекламном отделе, мне была нужна информация о происходящем в мире и, в частности, в Германии, причем из первоисточника. Именно поэтому я была вынуждена обратиться к советнику МИДа Шелия. Вот и все. Эти сведения не уходили на сторону, герр Хабеккер.

Следователь глубоко вздохнул, переваривая только что услышанную информацию. По его нахмуренному лицу было видно, что он рассчитывал на другой ответ.

— Эти отговорки не выдерживают никакой критики, — сказал он. — И вы сами это отлично понимаете. Давайте мы перестанем играть в

прятки и вы начнете говорить правду. С самого начала. Кто вас завербовал? Каким образом вы отправляли донесения в советскую разведку? Кто был вашим связным из русских дипломатов? Какой вы использовали шифр, кто работал радистом? Ведь рано или поздно мы все выясним. Я обещаю, что как только вы все расскажете, я вызову врача и вам окажут квалифицированную помощь! У вас будут нормальная еда и постель!

Ильзе откинулась на стену, устало прикрыв веки.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Шифры, радисты, донесения… Все это для меня словно темный лес.

— Идиотка! — завизжал Хабеккер, теряя остатки самообладания. Ударом ноги он опрокинул кофе и подскочил к Ильзе, наматывая на кулак ее волосы. От боли на глазах женщины выступили слезы, но с губ не сорвалось ни звука. — Я ведь могу сделать так, что все, что с тобой было до этого, покажется цветочками, — прошипел гестаповец. Он ударил Ильзе по щеке. — Я могу снова позвать Штрюбинга, и на этот раз он будет хлестать тебя плетью по лицу. Я могу разжечь огонь и превратить твои конечности в обугленные головешки. Я запущу к тебе в камеру крыс, и у тебя не будет

ни одной минуты покоя!

— У меня и так нет ни одной минуты покоя, — едва слышно промолвила Ильзе.

Пальцы Хабеккера разжались, выпуская ее волосы.

— А насчет крыс… Этим вы меня не напугаете. — Штебе улыбнулась краем рта. — Хуже крыс, чем те, что сидят в кабинете гестапо, я уже вряд ли увижу.

Лицо Хабеккера потемнело от ярости. Он уже поднял руку для очередного удара, но что-то остановило его.

— Ты только что подписала себе приговор, глупая девчонка, — процедил он. Развернувшись, следователь бросил пылающий взгляд на поднос с разлитым кофе. Он шагнул вперед, наступив сапогом на еще теплый тост с беконом. Размазав его каблуком по полу, гестаповец грязно выругался и лишь после этого покинул камеру.

29 октября 1942 года. Берлин Ариец

Война, развязанная гитлеровским режимом, продолжала набирать обороты. Не прекращались ожесточенные бои на Сталинградском фронте, где армия генерала Паулюса, одного из авторов плана «Барбаросса», потерпела крупное поражение. Красная армия путем титанических усилий препятствовала продвижению гитлеровцев к Волге, выдавливая их метр за метром. В уличных боях, которые зачастую превращались в рукопашные схватки, немцы потеряли свое значимое превосходство — взаимодействие артиллерии, авиации и танковых подразделений. Фактически сражение под Сталинградом перешло в отдельные яростные схватки за полуразрушенные здания…

Не менее яростные бои продолжались на Закавказском и Донском фронтах. На Закавказском дела у немцев шли лучше, и в конце октября им удалось прорвать оборону советских войск, заняв Нальчик.

Впрочем, события на кипящих фронтах, кото-

рые напоминали котлы с раскаленным варевом, не особенно влияли на настроение Рудольфа фон Шелия. У него, как у высокопоставленного сотрудника МИДа, шла своя война, которая проходила в тихих кабинетах…

Но сейчас настроение у дипломата, который сегодня возвращался из Швейцарии, было приподнятым.

Собственно, и причин горевать у него не было. В Женеве Шелия провел несколько важных встреч, о чем подготовил соответствующий отчет Риббентропу. Он также посетил некоторые производственные объединения с целью последующего заключения договоров о сотрудничестве.

Домой Шелия возвращался с подарком, врученным ему директором железнодорожного концерна, — саблей, выкованной из рессорной стали по специальному заказу.

В Берлине дипломата ждал прекрасно обставленный особняк, в котором он пару месяцев назад справил новоселье, на работе — уютный кабинет в секретном бюро министра иностранных дел.

Беспокоило Шелия лишь одно — внезапное исчезновение Ильзе Штебе. Эта обаятельная и умная женщина была его дополнительным и, по сути, важнейшим источником дохода. Она

работала на британскую разведку и оплачивала сведения, касающиеся внешней политики и военных планов Германии, которые добывал для нее Шелия. И хотя эта работа была сопряжена с большим риском, дипломат успел убедиться, что при соблюдении нехитрых правил конспирации овчинка стоила выделки.

Но теперь Ильзе куда-то пропала, и вот уже больше месяца от нее нет никаких известий. Шелия пробовал звонить ей на домашний телефон, где Ильзе снимала квартиру, но трубку никто не брал. Общих знакомых у него со Штебе не было, разве что его тезка Рудольф Гернштадт, но тот давно покинул Германию, и никаких контактов с ним у Шелия не было.

Он озабоченно потер подбородок.

Дипломату даже в голову не могло прийти, что, пока он находился в Женеве, Ильзе уже давно находилась в тюрьме гестапо, подвергаясь нечеловеческим пыткам. Как не знал он и о том, что кольцо вокруг него тоже стремительно сжималось, лишая его какого-либо шанса на спасение.

Поезд в Базель прибыл по расписанию, и Шелия, закурив сигару, вышел на перрон. Выпуская изо рта колечки дыма, он не замечал, как в его сторону быстро шагал человек в неприметной

одежде. С другой стороны к дипломату приближались двое полицейских.

Его окружили, когда он бросил недокуренную сигару в урну, и лишь тогда на его холеном лице появилось недоумение.

— Рудольф фон Шелия? — негромким голосом осведомился мужчина в штатском.

— Да, — протянул дипломат и покосился на полицейских. — Первый секретарь в Министерстве иностранных дел. С кем имею честь?

— Моя фамилия Панцингер, начальник следственного отдела гестапо.

При упоминании гестапо лицо Шелия вытянулось, на щеках проступила бледность.

— Вы, вероятно, не расслышали, когда я представился? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал как обычно — уверенно и даже высокомерно. — Вы не ошиблись адресом, герр Панцингер?

— Вовсе нет. — Гестаповец одарил дипломата холодной улыбкой, от которой Шелия захотелось сжаться в комок и исчезнуть. — Пожалуйста, передайте полицейскому вашу саблю и следуйте за мной.

Видя, что Шелия не тронулся с места, Панцингер придвинулся ближе и, сверля его обжигающим

взглядом, прошипел:

— Не заставляйте меня укладывать вас лицом на асфальт и заковывать руки. Вы же не хотите испачкать свой роскошный костюм из шелка?

Шелия растерянно замотал головой.

Нет, конечно, он не хотел испачкать этот прекрасный синий костюм, он всегда ему нравился… Но еще больше Рудольф не хотел идти с этим человеком из гестапо, у которого такой жуткий взгляд. При разговоре с Панцингером Шелия казалось, что на него смотрит огромный паук, висящий на паутине. Одно движение, и жертва превратится в сплошной кокон.

Один из полицейских потянулся к сабле, которая была аккуратно обернута вощеной бумагой, и Шелия, помедлив, разжал пальцы.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул Панцингер. — Я доложу рейхсфюреру Гиммлеру, что вы согласились сотрудничать с нами и не стали оказывать сопротивления.

Шелия похолодел. Возможно, этот гестаповец просто пытается запугать его. Как мог он, помощник Риббентропа, советник МИДа, попасть в поле зрения начальника Главного управления имперской безопасности?!

Ноги дипломата внезапно стали ватными, он

покачнулся, и, если бы не второй полицейский, который подхватил его за плечо, вероятно, Шелия растянулся бы прямо здесь, на перроне, у всех на глазах…

Через сорок минут черный автомобиль свернул на Принц-Альбрехт-штрассе, где располагалось здание тайной полиции. Шелия быстро обыскали и, проведя по коридору, втолкнули в кабинет, растерянного и взъерошенного от страха.

— Ну надо же, какие люди! — усмехнулся Хабеккер, снимая очки. — К нам пожаловал сам барон фон Шелия!

Он указал на железный табурет, на котором еще пару суток назад сидела Ильзе.

— Ну, что скажете? — полюбопытствовал криминальный советник, уставившись на дипломата. — Расскажете все сами? Вы ведь понимаете, что просто так в этом кабинете люди не оказываются. Раз вы здесь, значит, на то есть весомые причины.

— Я… — Шелия облизал вмиг пересохшие губы и присел на краешек табурета. Жесткий угол больно впился в ягодицы. — Я требую… чтобы мне объяснили… на каком основании…

Хабеккер сделал нетерпеливый жест в воздухе, каким обычно отмахиваются от надоевшей

мухи.

— Основания есть, поверьте. И, надеюсь, после того, как вы с ними ознакомитесь, мы незамедлительно перейдем к делу, — сказал он, выкладывая перед Шелия расписку. Ту самую, которую он своей рукой написал для Ильзе Штебе, когда она передала ему деньги за очередной материал для англичан.

У Шелия все поплыло перед глазами.

«Это конец… Боже, неужели это конец всему?! — ошарашенно подумал он, глядя на измятый листок бумаги. — Значит, Ильзе схвачена!»

— Это… — промямлил он и кашлянул, будто желая потянуть время. — Я могу объяснить, с чем это связано…

— Откашляйтесь, любезный, — сказал Хабеккер. — Я вижу, вы волнуетесь.

Открылась дверь, и в кабинет шагнул Штрюбинг. На гестаповце были заправленные в сапоги форменные брюки и белая майка, сплошь усеянная алыми кляксами. Шелия стоило бросить лишь один взгляд на эту окровавленную майку, и ему стало дурно.

Увидев, как переменилось лицо дипломата, Штрюбинг осклабился.

— Мой кабинет освободился, герр Хабеккер, —

сказал он, глядя на следователя. — Если вы хотите, я могу вам оказать помощь в продолжении допроса…

Закончив, Штрюбинг словно невзначай стукнул кулаком о ладонь другой руки, и этот недвусмысленный жест добил Шелия. Его мочевой пузырь, требующий опорожнения с момента прибытия поезда, не выдержал, и на брюках стало расплываться темное пятно.

Заметив этот конфуз, Штрюбинг ухмыльнулся.

— Ну что вы, право… Ведь еще ничего, по сути, не начиналось.

Он выжидающе посмотрел на Хабеккера:

— Вы разрешаете его отвести на специальный допрос в мой кабинет?

Криминальный советник даже не успел отреагировать, как Шелия, преодолев внутренний ступор, закричал:

— Нет! Прошу вас, господин следователь! Пожалуйста, никаких специальных допросов! Я расскажу все, что знаю!

Прикрыв руками увеличивающееся пятно, он всхлипнул и добавил уже тише:

— Все это какое-то недоразумение… Я понимаю, что это ваша работа… Но поверьте, меня обманули! Втерлись в доверие и…

— Стоп! — оборвал его Хабеккер и, сделав знак Штрюбингу, положил перед Шелия ручку и несколько чистых листов бумаги. — Пусть все будет задокументировано, как и предусмотрено законом.

Дипломат принялся что-то сосредоточенно писать, а Штрюбинг незаметно вышел из кабинета.

2 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме

Утром Ильзе растолкал Якоб.

— Хватить дрыхнуть. Бери свое ведро, — скомандовал он. И без того одутловатое лицо надзирателя было землистого цвета, под глазами набрякли темные мешки.

— Что, неспокойная ночь? — не удержалась Штебе, засовывая ноги в туфли. — Я знаю, что выгляжу не ахти, — все-таки уже полтора месяца в тюрьме, где вместо допросов меня используют как боксерскую грушу. Но ты сейчас выглядишь хуже, чем я.

— Захлопнись! — огрызнулся Якоб. — Не твое собачье дело!

Подняв ведро с отходами, Ильзе направилась к выходу.

— Это из-за таких, как вы, на нас вешают дополнительные смены! — раздалось ей в спину.

— Ты всегда можешь уволиться, — сдержанно ответила Ильзе. — Не думаю, что твое начальство станет плакать, если ты решишь сменить работу.

— Я обойдусь без твоих идиотских советов, — буркнул Якоб и с силой толкнул ее в плечо, — шевелись!

Войдя в туалетную комнату, он снова пихнул Ильзе и, когда та повернулась к нему, прошипел:

— Тот день, когда тебя казнят, будет самым счастливым в моей жизни. Я специально потрачу деньги и куплю хороший коньяк. Буду пить и смеяться, что одной мразью стало меньше… Я знаю, что на воле осталась твоя ублюдочная мамаша. С моей точки зрения, это большое упущение, что старухи нет рядом с тобой. Тот, кто родил предателя…

Договорить он не успел. В следующее мгновение Ильзе, не меняя выражения лица, выплеснула содержимое ведра прямо в лицо охраннику. Якоб замер, затем попятился, ошалело таращась на Ильзе.

— Ты… — задыхаясь, начал он. — Ты, чертова шлюха… Знаешь, что с тобой сделают за это?!

Размазывая по лицу мутную жижу, он уперся спиной в стену.

— Не знаю, — ровно ответила Штебе. — Но я знаю, что я сделаю, если ты еще раз тявкнешь в сторону моей матери. Я вцеплюсь в твою поросячью физиономию и выцарапаю тебе глаза,

подонок.

Бросив ведро на пол, она демонстративно сложила руки за спиной.

— Охрана! — отплевываясь, хрипло завопил Якоб. — Нападение на охрану!

Ильзе лишь презрительно усмехнулась.

Спустя минуту в туалетную комнату вбежали два надзирателя, одним из которых был Дильс.

— Она чуть не убила меня! — Якоб ткнул толстым пальцем в сторону Ильзе. Быстро оценив обстановку, Дильс схватил Штебе за локоть:

— Заключенную вызывают на допрос. Тебе следовало бы поторопиться!

— Я выполнял свои обязанности! — закричал Якоб, приняв вид оскорбленного человека. — Я помню про допрос!

Видя, что ничего ужасного не происходит, второй вахтман махнул рукой и вышел наружу.

— Тебе надо умыться, — сказал Дильс, обращаясь к Якобу. Он вывел Ильзе из туалетной комнаты, шепнув: — Ты зря это сделала. Он это заслужил, но не простит тебе такого позора.

Она ничего не ответила, молча шагая по коридору.

— Послушай, Ильзе… — снова подал голос Дильс. — У нас в тюрьме появился новый аре-

стант, какой-то важный чиновник, чуть ли не из самого Министерства иностранных дел. И, как мне кажется, Хабеккер связывает его арест с тобой.

Штебе почувствовала, как ее шею сдавил невидимый обруч. О каком чиновнике идет речь?! Неужели о Шелия?! Или Дильс просто ошибся?

Но когда она вошла в кабинет Хабеккера и увидела сидящего за столом Арийца, поняла, что никакой ошибки нет. Дипломат выглядел слегка помятым и невыспавшимся — ясное дело, ночь в камере для такого неженки, как Шелия, являлась самым настоящим стрессом. И хотя выражение его лица было спокойным и уверенным, Ильзе без труда разглядела за этой ширмой страх. Животный первобытный страх, который буквально сочился из каждой поры кожи Шелия.

В свою очередь, арестованный коротко посмотрел на Ильзе и тут же отвел взгляд. Вид исхудавшей, покрытой синяками и запекшейся кровью женщины, которая совсем недавно была его личным секретарем, привел его в неописуемый ужас.

Хабеккер придвинул стул, приглашая Ильзе сесть. Глаза криминального советника сверкали триумфом.

— Сегодня между вами в соответствии с уголовно-процессуальными нормами будет проведена очная ставка, — будничным тоном объявил он и кивнул в сторону человека-тени, сгорбившегося над пишущей машинкой в самом углу. — Каждое слово будет внесено в протокол.

Усевшись на свое место, следователь сказал, глядя на Шелия:

— Представьтесь и назовите фамилию и имя женщины, которая сидит перед вами. Расскажите, какие вас связывают отношения.

Продолжая смотреть куда-то в сторону, дипломат сбивчиво заговорил:

— Первый советник МИДа… Рудольф фон Шелия… Сидящую передо мной женщину зовут Ильзе Штебе, она раньше работала у меня секретарем в министерстве…

Замявшись на мгновенье, он продолжил:

— Она работает на британскую военную разведку, собирает сведения как внешнеполитического характера, так и военного. Ее псевдоним среди других подпольщиков — Альта.

Ильзе показалось, что в ее живот вонзилось лезвие, безжалостно рассекая плоть. Лишь огромным усилием воли она сохранила на лице прежнюю невозмутимость. Пока Шелия подроб-

но рассказывал об их сотрудничестве, Ильзе лихорадочно размышляла:

«Он имел дело только со мной. Ни Кегеля, ни Велькишей Ариец не знает, даже их позывные ему неизвестны. Из всех нас Шелия знает лишь Гернштадта, но тот давно уехал из Германии… Значит, нужно менять тактику».

— Что вы можете пояснить по поводу этой расписки? — голос Хабеккера прозвучал сухо и хлестко, как удар кнута. — Она была обнаружена у советского разведчика, которого арестовали в квартире Ильзе Штебе.

Брови Шелия взметнулись вверх.

— Советского? — переспросил он, сбитый с толку.

— Именно. Отвечайте!

Все с тем же заискивающим видом Шелия принялся рассказывать об очередной встрече с Ильзе, где она передала ему шесть тысяч рейхсмарок.

— Каким был ваш псевдоним?

— Ариец.

Хабеккер театрально закатил глаза:

— Как трогательно. Воистину, будь вы настоящим арийцем, вряд ли сейчас сидели бы в кабинете гестапо…

Шелия выдавил жалкую улыбку и уставился на

носки собственных кожаных туфель.

— Я сейчас вас очень удивлю, герр Шелия, — сказал Хабеккер, пристально глядя на арестованного. — Альта, то есть Ильзе Штебе, работала не на англичан, а на советскую военную разведку. Добывая секретные сведения, вы передавали их не британцам, а русским коммунистам. Которых, если я не ошибаюсь, вы терпеть не можете. Вас развели как мальчишку.

Шелия поднял голову, неверяще глядя на гестаповца. Затем устремил взгляд на Ильзе, и глаза дипломата потемнели от гнева.

— Лживая тварь! — вырвалось у него. — Все это время ты водила меня за нос?!

Штебе ничего не ответила.

— Что вы можете сказать по поводу показаний Рудольфа фон Шелия? — задал вопрос следователь, переключившись на нее. — Опровергаете ли вы их или подтверждаете? Действительно ли вы платили ему деньги за сведения, которые он предоставлял вам?

— Это так, — кивнула Ильзе. — Я действительно собирала информацию для Москвы, но никакого умысла у меня не было, мне просто были нужны деньги. Три года назад на меня вышел один мужчина, как я потом поняла, это был развед-

чик-нелегал. Он представился мне Доктором и предложил денег за материалы, касающиеся военных действий. Вот и все.

— Доктор, значит? — недоверчиво хмыкнул следователь. — Странно, но в перехваченных донесениях ни разу не был упомянут этот позывной.

Ильзе пожала плечами.

— Где твой радист? — отрывисто спросил Хабеккер.

— У меня не было радиста.

Он презрительно усмехнулся:

— То есть как не было?

— Всю информацию я передавала в Москву лично, — ответила Штебе.

— Вранье! — заорал гестаповец и стукнул кулаком по столу. — Продолжаем шутить? Где передатчик, шифры?!

— Не знаю, — с бесстрастным видом отозвалась Ильзе. — Вся аппаратура была на Виландштрассе, на моей съемной квартире. Наверное, ее изъяли во время обыска…

Хабеккер так крепко стиснул зубы, что ей показалось, будто она услышала их скрип.

— Откуда велись передачи?!

— Я же объяснила, с Виландштрассе.

Ильзе отвечала на вопросы следователя спокойно и терпеливо, как если бы перед ней был не криминальный советник гестапо, а капризный ребенок, не желающий есть свой завтрак.

— Там были передатчик, шифры и все остальное…

— Опять ложь! — вскричал Хабеккер. У него был такой устрашающий вид, что Шелия невольно отпрянул, трусливо вжав голову в плечи. — На Виландштрассе не было никаких передатчиков! А знаешь почему, Альта? В районе, где ты жила, пеленгаторы не фиксировали работу коротковолновой станции! Теперь дошло до твоих куриных мозгов?! Если не умеешь врать, не начинай! Признавайся!

— Мне больше не в чем признаваться, — обронила Ильзе.

Хабеккер повернулся к стенографисту:

— Все записал?

— Все, — пискнул тот, не поднимая головы от пишущей машинки.

Следователь встал, выйдя из-за стола.

— Я оставлю вас ненадолго, — сказал он, взяв со стола какие-то бумаги. — Думаю, вам есть о чем поговорить.

Как только он удалился, в кабинет шагнул вах-

тман, который молча встал у двери.

Некоторое время Ильзе и Шелия безмолвно смотрели друг на друга. Штебе хотелось кинуться на дипломата, сидящего по другую сторону стола. Вцепиться в него и трясти, как куклу, крича в бледное, до смерти напуганное лицо. А потом просто спросить: «Почему?!»

Наконец она разлепила губы:

— Если вы думаете, что ваши признания помогут избежать наказания, я должна разочаровать вас. Теперь они не выпустят вас.

В глазах Шелия мелькнул затаенный страх, потом он взял себя в руки.

— Прости, Ильзе, — сказал он без особого сочувствия. — Ты тоже хороша. Столько времени вешала мне лапшу на уши, притворяясь, что работала на англичан! А сама продалась русским коммунистам!

— Сейчас речь не об этом, — возразила она.

— Знаешь, я никогда не был героем. Для меня каждый день нахождения здесь — как…

Шелия замялся, не находя подходящего сравнения.

— И потом… Им и так все о тебе известно, — печально закончил он.

— Ненадолго же вас хватило, первый советник

МИДа, — тихо произнесла Ильзе, и тот пристыженно умолк.

Она хотела его спросить, о чем думал Шелия, получая за свои сведения немалые деньги. Она хотела уточнить, осознавал ли дипломат риск, связанный с его тайной работой, и какие последствия могут его ожидать в случае провала. На языке Ильзе вертелось еще несколько важных вопросов, на которые бы она хотела, пользуясь случаем, услышать ответы, но она промолчала. Тем более что в кабинете они были не одни.

Вскоре вернулся Хабеккер.

— Уведите арестованного, — велел он, даже не глянув на Шелия.

Дипломат что-то пробормотал и, понуро опустив плечи, поплелся за надзирателем.

Когда дверь за ними захлопнулась, Хабеккер переключил свое внимание на Ильзе.

— Ну, вот и все, Альта. Мне остается только посочувствовать вам, хотя предатели не заслуживают даже этого. Теперь вы понимаете, что все ваши усилия были напрасны? Они обнулились за десять минут. Вас просто сдали с потрохами.

Ильзе молчала.

— Мне доложили об утреннем инциденте с Якобом, — сказал Хабеккер. — Что ж, оказывается,

вы способны показать коготки. С точки зрения тюремного регламента, вы совершили серьезный проступок, за который полагается наказание. Но чисто по-человечески я вас понимаю. Этот Якоб — гнилой тип, но в таком месте, как это, его услуги востребованы. В общем, считайте, что конфликт исчерпан. Пусть для вас это будет небольшой поблажкой.

— Я должна вам поклониться в ноги за это?

— Вовсе нет, это необязательно, — ответил Хабеккер и взглянул на часы, — Кстати, вам привет от Гертруды Брайер.

Ильзе подняла на него глаза:

— Мне незнакомо это имя.

— Еще бы, — ухмыльнулся Хабеккер. — Но может быть, я освежу вашу память, если назову эту женщину Лорой?

— Если я не ошибаюсь, так представилась мне соседка по камере, — сказала Ильзе. — Которая очень быстро куда-то исчезла.

— Она у нас очень талантлива, эта Гертруда, — подмигнул Хабеккер. — Это ведь она дежурила в тот день, когда к вам на квартиру заявился Франц. Тот самый, у которого нашли расписку Шелия. Думаю, он взял ее с собой, чтобы вы поверили ему. Ведь о предстоящей встрече никто не знал,

тем более о каких-то паролях…

Выдержав паузу, гестаповец продолжил:

— Между прочим, этот неудачливый разведчик повесился. Не выдержал допросов Штрюбинга. Надеюсь, Ильзе, вы не дадите слабину, как этот Франц? Ведь суицид — удел слабых. Наша жизнь, в общем-то, сплошная война, а покончить с собой — все равно что дезертировать с поля боя.

— Я не вправе осуждать человека за это тяжелое решение, — сказала Ильзе. — Хотя и считаю, что самоубийство — это тяжкий грех…

Хабеккер рассмеялся, и она умолкла, с отвращением глядя на следователя.

— Это, наверное, и правда очень смешно, — мрачно заметила она.

— Дурочка, — фыркнул криминальный советник. — Вы отдаете себе отчет, что с момента сегодняшних признаний Шелия обратной дороги у вас нет? Теперь у вас только один путь — на плаху. Судья не станет с вами церемониться, предателей осуждают на смерть.

Ильзе медленно поднялась со стула. От огромного напряжения вновь открылись едва затянувшиеся раны на спине, начав кровоточить.

— Вы закончили с допросом, господин следователь? — устало спросила она. — Если да, отведите

меня в камеру. Если хотите, ведите к своему садисту Штрюбингу. Но сидеть здесь, изливать душу и каяться перед вами я не стану.

Улыбка сползла с лица Хабеккера, уголки его губ опустились, придавая ему угрюмое выражение. Подойдя к двери, он приоткрыл ее и крикнул:

— Вахтман! Увести заключенную.

3 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме. Предатель

— …и ничего никому не сказал… Забрали прямо из кинотеатра! Представляешь?

Шелия вяло кивнул, а его сосед, сорокалетний крепыш с каштановой шевелюрой на голове, перевел дух и продолжил историю, которую рассказывал дипломату уже в четвертый раз.

«Либо он сумасшедший, либо совершенно потерял память», — недовольно подумал Ариец.

Между тем Рэйнер — так представился ему сокамерник — возобновил свой рассказ:

— На улице припустил дождь, и мы с приятелем Стефаном решили сходить в кино… В этот день шел «Трансвааль в огне», и хотя я уже видел эту ленту, с удовольствием решил пересмотреть еще раз… Хотя как раз никакого удовольствия от просмотра я не получил… А все почему? Просто между мной и Стефаном еще перед кино завязался разговор про эту проклятую войну! И черт дернул меня за язык продолжить эту тему в кинотеатре! Но я ведь ничего особенного не сказал, друг мой!

Рэйнер пытливо посмотрел на Шелия, словно проверяя, верит ли он его словам.

— Я всего-навсего поделился мнением, что фюрер не рассчитал свои силы, связавшись с СССР. И это ведь правда! Ни для кого не секрет, что он планировал захватить Страну Советов за несколько месяцев! А прошло уже больше года, и конца этой войны нет! Русские так просто не сдадутся, поверь мне! Ну, и пока мы разговаривали, мой сосед, что сидел справа, куда-то улизнул… А когда фильм подошел к концу, закончилась и моя свобода…

— Надеюсь, на этом все? — сухо поинтересовался Шелия, когда Рэйнер наконец умолк.

Тот обиженно посмотрел на дипломата.

— Я просто хочу посидеть в тишине, — пояснил Шелия.

— Да, я все понимаю. Просто хотел, чтобы ты понял, какая несправедливость царит в самой верхушке этой власти! Как можно арестовывать человека за слова?! Это просто уму непостижимо!

Рэйнер вновь завел старую пластинку, и Шелия встал с койки, принявшись мерить шагами камеру.

«Почему меня не освобождают?!»

Эта мысль сверлила его мозг с тех пор, как дипломата привели сюда после очной ставки с Ильзе. На прошлом допросе Хабеккер намекнул, что в случае признательных показаний Шелия, скорее всего, отпустят домой. Именно поэтому он без зазрения совести рассказал все как есть. Да, Ильзе жаль, теперь ей не позавидуешь, но что поделать?! К тому же ему, в отличие от Альты, есть что терять — должность, семья, статус… Наконец, репутация! Кто захочет иметь дело с предателем?! Может, дело вообще удастся замять! А Ильзе… Ильзе уже отработанный материал. К тому же они с Гернштадтом столько времени обманывали его, притворяясь, что собирают данные для британской разведки! А на самом деле работали на Советский Союз!

При воспоминаниях о женщине перед глазами Шелия внезапно материализовалось лицо Альты — синюшное от жестоких побоев, с запекшейся коркой крови на губах, и ему стало страшно. Что, если Хабеккер нарушит свое слово? И этот Штрюбинг с безумными глазами примется за него?!

Об этом не хотелось даже и думать.

Не выдержав, Ариец подошел к двери и постучал:

— Эй, охрана! Есть там кто-нибудь?!

Он прислушался в надежде услышать шаги по коридору, но все было тихо. Замолк и Рэйнер, с любопытством уставившись на дипломата.

Выждав несколько минут, Шелия постучал снова. Постепенно его охватывала паника, он уже не просто стучал в дверь, а колотил ногами изо всех сил и орал:

— Немедленно вызовите следователя! Вы не имеете права меня держать в тюрьме, я сотрудник бюро Риббентропа!

Наконец в скважине повернулся ключ и дверь распахнулась. В камеру шагнул Якоб, держа в руке деревянную дубинку. На губах вахтмана играла ухмылка, не предвещавшая ничего хорошего.

— Послушайте, я требую, чтобы меня отвели к следователю Хабе…

Договорить Шелия не успел — взметнувшаяся дубинка оборвала его на полуслове, с силой обрушившись на его плечо. Удар едва не свалил Шелия, и ему с трудом удалось удержаться на ногах.

— Нет, не бейте… — залепетал он, но Якоба уже было не остановить. Болезненные удары посыпались на него один за другим, и дипломат тщетно пытался прикрыться от них руками. Один из них

угодил в голову, и перед глазами Шелия потемнело. Его ноги обмякли, и он рухнул на пол.

— Еще раз пикнешь, я приду с железной палкой, — пригрозил Якоб напоследок. Пнув заключенного ногой, он пулей вылетел из камеры, громко лязгнув дверью.

Лишь когда шаги надзирателя стихли, Рэйнер осмелился приблизиться к Шелия. На голове дипломата набухла крупная шишка, из носа струилась кровь, смешиваясь со слезами.

— Господи, за что?! — прохрипел он.

— Не надо было это делать, — заметил Рэйнер, помогая Шелия добраться до койки. — Их лучше не злить, поверь. Я же рассказывал, как это случилось со мной. Я ведь ничего особенно не делал… Шел проливной дождь, и мы с приятелем Стефаном решили заглянуть в кинотеатр…

Шелия устало прикрыл веки. Его зубы выбивали отчаянную дробь, тело стонало от жгучей боли, но больше всего его страшили не физические страдания, а неопределенность. Что с ним будет дальше? Неужели Хабеккер не сдержит слово?!

Проведя бессонную ночь, утром он вновь постучал в дверь. Не сразу, а после завтрака — так ему посоветовал Рэйнер.

«Наверняка у них пересменка, — предположил он. — И вместо этого психа с дубинкой будет кто-то другой, более спокойный».

Так оно и вышло.

Услышав просьбу Шелия, новый вахтман пообещал доложить Хабеккеру о его просьбе, и уже спустя полчаса дипломата вели по коридору в кабинет криминального советника.

— Герр Шелия? — На Рудольфа пытливо смотрели змеиные глаза гестаповца. — Что вам нужно?

— Послушайте, господин следователь… — Шелия запнулся, собираясь с мыслями. — Ваш сотрудник… не знаю его имени, он избил меня вчера вечером!

— Вы нарушили правила внутреннего распорядка. Вы подняли шум, кричали… Охраннику ничего не оставалось, как применить специальные средства, чтобы вас утихомирить. Так что вы хотели? У меня много работы.

— Герр Хабеккер, если я не ошибаюсь, вчера я дал показания, на которых вы настаивали… — заговорил Шелия. — Я рассказал все, что мне известно. Вы, в свою очередь, дали обещание… что отпустите меня.

Лицо Хабеккера приняло кислое выражение, и он захлопнул папку, лежащую перед ним.

— Вы требуете, чтобы я вас отпустил, герр Шелия? — спросил он вкрадчивым голосом, от которого у дипломата поползли мурашки по коже. — Отпустил преступника, который работал на нашего злейшего врага, на коммунистов?! Причем… — Хабеккер выдержал многозначительную паузу, — вы не простой обыватель, Рудольф. Вы — первый советник Министерства иностранных дел, высокопоставленный дипломат! Член партии НСДАП! О ваших проделках уже известно на самом верху! И никаких поблажек шпионам, затесавшимся в наши сплоченные ряды, не будет!

Шелия показалось, что перед ним разверзлась бездна.

— Но… — прошептал он, бледнея. — Вы же обещали… Я дал все необходимые показания…

— Они, несомненно, будут учтены судом при вынесении приговора, — сурово проговорил Хабеккер. — В качестве смягчающих обстоятельств. Но я не хочу, чтобы вы тешили себя напрасными надеждами, Рудольф. Время сейчас тревожное. Предателей и иностранных разведчиков никогда не жаловали. Поэтому могу вам дать только один совет.

— И… — Шелия с трудом проглотил комок в горле. — Какой же это совет?

— Молитесь, — бесстрастно сообщил Хабеккер и, потеряв к дипломату интерес, вновь сосредоточился на документах.

Едва соображая, что делает, Шелия опустился на колени.

— Нет, вы не можете, — выдавил он, подползая к следователю. — Должен быть какой-то выход… Пожалуйста… У меня есть особняк, деньги… я отдам вам все, только отпустите меня!

Хабеккер брезгливо отпихнул его ногой:

— Вахтман! В камеру!

5 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме

Радости Ильзе не было предела, когда утром вместо Якоба к ней пришел Дильс.

— Я молю Бога каждый раз, когда наступает время разноса еды, — призналась она, забирая у вахтмана миску с остывшей похлебкой. В мутной жиже плавали пара ломтиков замороженной картошки и что-то, отдаленно напоминающее рваные клочья обоев.

— Это куриная кожа, — чуть виновато пояснил Дильс, словно он самолично готовил это «блюдо» и ему было стыдно за это. — Да, выглядит неважно, но есть можно.

— Не оправдывайся, Дильс, — сказала Штебе, начиная поглощать жалкое подобие супа. — Не в моем положении капризничать… Все равно я вряд ли дождусь здесь ростбиф…

Дильс невольно улыбнулся.

Пока она ела, он вынул из кармана небольшой прямоугольный предмет, завернутый в бумагу, и положил его на койку женщины.

— Что это? — удивилась Ильзе, откладывая в

сторону пустую миску.

Дильс не ответил, и, развернув бумагу, она ахнула.

Шоколад!

Целая плитка черного шоколада!

— Жаль, я не смог добыть тебе кофе, — тихо произнес охранник, и Штебе почувствовала, как на ее глаза наворачиваются слезы. Казалось немыслимым, что в застенках этой жестокой тюрьмы остались люди с большим сердцем, которым были не чужды человеческие лишения и страдания. Она даже не помнила, когда ела шоколад, будучи на свободе! Вероятно, это было еще в 1941 году…

— Спасибо, — только и сказала она и, отломив небольшой кусочек, отправила его в рот. Прикрыв глаза от наслаждения, Ильзе медленнно прожевала его, чувствуя на зубах приятную сладкую вязкость. Потом она открыла глаза и спрятала оставшуюся плитку под изодранный матрас. — Я хочу растянуть удовольствие, Дильс. Буду наслаждаться каждым кусочком…

— Конечно, — кивнул вахтман. Он поднял пустую миску, положил туда ложку, но уходить не торопился.

— Какие еще новости у тебя, Дильс? — задала вопрос Ильзе. — Так тяжело сидеть тут и не знать,

что происходит снаружи!

— Война продолжается. Я слышал, что немецкие войска потерпели поражение на подступах к Владикавказу. Под Сталинградом все еще идут упорные бои, ни одна сторона не желает сдавать позиции, — ответил надзиратель. — Были разгромлены 13-я танковая дивизия, полк «Бранденбург» и саперный батальон… Русские перешли в активное наступление.

От Дильса не ускользнуло, как вспыхнули при этом глаза Ильзе.

— У нас ходят слухи, что Паулюс рвет и мечет, — продолжил он. — Его армия окружена, об этом пишут все газеты… Заканчиваются запасы горючего, положение с боеприпасами тоже близко к критическому. Он просит приказа оставить Сталинград.

И закончил, понизив голос:

— Но Гитлер не дает такого разрешения.

«Господи, помоги мне дождаться победы русских», — мысленно взмолилась Ильзе.

— Еще вовсю продолжаются аресты подпольщиков, — произнес Дильс. — Я имею в виду «Красную капеллу». Ты ведь… — он замялся, — тоже там состоишь?

Ильзе грустно улыбнулась:

— Я впервые услышала это название на допросе. Но оно мне нравится. Красный оркестр, звучит ведь!

— Наша тюрьма забита агентами, которые работали на иностранные разведки… И очень много тех, кто взаимодействовал с Россией.

— Этого следовало ожидать, — вздохнула Штебе.

— Надо идти, Ильзе. Хабеккер ждет.

Лицо узницы словно накрыла темная туча, уголки губ опустились. Не говоря ни слова, она встала, оправила на себе рваное, запачканное кровью платье.

Они уже направились к выходу, как Дильс неожиданно сказал:

— Якоба не будет в ближайшие дни. Он в госпитале.

— В госпитале? — переспросила Ильзе.

Дильс кивнул.

— К нам заселили одну заключенную, и он постоянно доставал ее. Вчера вечером он продолжил издевательства, и она вцепилась Якобу в горло. Бедняга… Похоже, она помешалась. Ее еле оттащили от Якоба, он потерял много крови.

Лицо Ильзе оставалось рассеянно-задумчивым, как будто ее мысли были где-то очень далеко.

— Я думал, эта новость обрадует тебя, — нерешительно сказал Дильс, отпирая дверь.

— Почему? Этот Якоб — глубоко несчастный человек, — медленно проговорила Ильзе. — Единственное, что ему приносило радость, — это страдания других. Разве можно быть довольным жизнью в таком положении?! Пусть Бог спасет его душу.

Они вышли в коридор, и Дильс, закрывая дверь на замок, вздохнул:

— Странная ты, Ильзе.

Она пожала плечами:

— Какая есть. Еще раз спасибо за шоколад. Надеюсь, удивимся.

— Конечно.

Но они больше никогда не увиделись. На следующий день руководству тюрьмы стало известно о лояльном отношении Дильса к арестованным, и его временно отстранили от работы. Впоследствии он был переведен на хозяйственные работы, которые выполнял уже в другой тюрьме. Но Ильзе Штебе запомнилась ему на всю жизнь.

— Присаживайтесь, — любезно предложил Хабеккер, когда Ильзе ввели в кабинет. Она молча села на железный табурет.

— Вы сегодня без вашего напарника? — осведо-

милась она. — Я имею в виду господина Штрюбинга, любителя истязаний.

— Следователь Иоганес Штрюбинг взял выходной, если вас так интересует причина его отсутствия, — ответил Хабеккер и посмотрел на Ильзе поверх очков. — Его сестра сломала ногу, и ему пришлось отвезти ее к врачу. Иоганес очень любит свою сестру.

— Интересно, каково это — быть родственницей такого чудовища?

Гестаповец скривил губы:

— Не утрируйте, Ильзе. Для нее Штрюбинг — любящий и обожаемый брат. Она считает, что его очень уважают на работе и он занимается полезным делом. Помогает очищать великую Германию от всякой грязи и нечисти.

Он положил перед собой какое-то дело, принявшись перелистывать страницы.

— От грязи вроде вас, глупая и упрямая женщина, — добавил он. — От грязи наподобие вашего коллеги Арийца. Кстати, он оказался слабаком, самой настоящей тряпкой, не чета вам. Сдулся, как только его доставили ко мне в кабинет.

— Что ж, у каждого свой болевой порог, — заметила Ильзе.

— Ладно, перейдем к делу. Возможно, мы по-

вторим очную ставку с вами и Шелия, если в этом возникнет необходимость. Но опыт и чутье подсказывают мне, что вы работали не одни, Ильзе. У вас должны были быть помощники, это к гадалке не ходи. Я навел справки, в свое время вы работали с Гернштадтом в газете «Берлинер Тагерблатт». Это тот самый тип, о котором говорил на допросе Шелия. Осмелюсь предположить, что именно Гернштадт вас завербовал?

— Боже, какие глупости, — вздохнула Ильзе.

— Мы знаем, что он уехал в Россию, — сообщил Хабеккер. — Очень жаль. Уж мы бы смогли развязать ему язык. Но поскольку его здесь нет, будем исходить из того, что мы имеем.

Подавшись вперед, следователь спросил:

— Кто такой ХВЦ? ЛЦЛ? Что это за аббревиатуры? Кто скрывается за этими позывными?

Помолчав, Ильзе проговорила:

— Послушайте, вы задаете мне эти вопросы уже второй месяц. И каждый раз я отвечаю, что мне неизвестны эти люди.

— Точно так же вы отпирались, пока мы не арестовали Шелия. И тогда вам пришлось сознаться в сотрудничестве с советской разведкой, — с плохо скрываемым раздражением сказал гестаповец. — Мне надоело вытаскивать клещами из

вас каждое слово!

— Тогда давайте закончим на этом и верните меня в камеру, — предложила Ильзе. — Неужели вам самим не надоело все это?

— Я делаю свою работу, — сварливо заявил криминальный советник. — И хочу предупредить, что у вас нет вариантов. Мы все равно заставим вас говорить.

Перегнувшись через стол, он произнес сквозь зубы:

— Мы еще толком ничего не начинали, Ильзе. Все эти баки с водой и плетка — лишь легкая прелюдия. Если вы думали, что с признанием Шелия для вас все закончилось, вы глубоко заблуждаетесь. Все только начинается.

От этого мертвого голоса по коже Штебе пробежала дрожь, но она заставила себя улыбнуться.

— Вы только потратите время, господин следователь. Все, что я знала, я рассказала.

Внезапно Хабеккер одарил ее ответной улыбкой. Сев на место, он словно невзначай бросил:

— У нас для вас небольшой сюрприз, Ильзе. Думаю, что после него вы станете немного сговорчивее. А теперь можете быть свободной.

Теряясь в догадках, Штебе вышла из кабинета.

О каком сюрпризе говорил гестаповец? Какие-

то новые пытки?! Или что-то еще похуже? Но что может быть хуже телесных истязаний? Только смерть?

«Или смерть близкого», — шепнул внутренний голос.

5 ноября 1942 года. Берлин Свидание

Альта провела бессонную ночь. Нестерпимо ныли воспаленные рубцы, оставленные плетью Штрюбинга, — из-за сырости и грязи началось заражение, и они постоянно сочились гноем. Но беспокоила Ильзе не жгучая остервенелая боль, к которой она уже начала привыкать, а слова Хабеккера. Она отдавала себе отчет, что шансов долго противостоять гестапо у нее нет, уж слишком неравны силы. И следователь должен что-то придумать, чтобы сдвинуть застопорившийся процесс с места. Каким образом это можно сделать? Продолжить пытки? Судя по всему, Хабеккер уже убедился, что толку от этого немного. Надавить на ее близких? Этот вариант еще не использовался и страшил Ильзе больше всего. Сможет ли она молчать, если перед ней посадят мать, обещая, к примеру, расплющить ей пальцы молотком? Или Карла? Ответа у нее не было…

Штебе разомкнула веки, услышав скрип ключа в замке, и резко села на койке.

В камеру, позвякивая связкой ключей, вошел

высокий вахтман, которого Ильзе никогда до этого не видела.

— На выход, — скомандовал он отрывистым низким голосом, и она молча повиновалась.

«Сюрприз от Хабеккера», — шевельнулось в голове, и узницу обдало жаром. Скорее всего, ее поведут на допрос. Она хотела поинтересоваться, куда подевался Дильс, но вовремя передумала. Ильзе не знала, что еще вчера добросердечный вахтман, проявивший к ней чуткость и сострадание, был отстранен от работы.

Новый надзиратель был немногословен, и Штебе это тоже вполне устраивало. Угрюмо сопя, он повел ее в кабинет следователя, гулко стуча ботинками по бетонному полу.

Войдя в кабинет, Ильзе опешила. В первую секунду ей почудилось, что все происходящее является сном, который вот-вот развеется, как предрассветный туман в лучах восходящего солнца. Она даже моргнула, затем сделала маленький шажок.

Стол, за которым обычно сидел Хабеккер, был пуст. Зато слева от него на стуле сидел… Карл. Осунувшийся, с ввалившимися глазами и усталым взглядом, но это был он, ее любимый жених, о котором Ильзе не переставала думать все эти

дни, находясь в тюрьме. Как только она оказалась в кабинете, он вскинул голову, неверяще глядя на Ильзе.

«Господи… Его будут пытать на моих глазах?!» — сверкнула у нее ужасающая мысль.

— Карл, любимый, — пробормотала она. Первым порывом женщины было кинуться Карлу на шею, но ее тут же остановил резкий окрик вахтмана:

— Прикасаться друг к другу нельзя! Что-либо передавать друг другу тоже запрещено! Одно нарушение — и свидание будет прекращено!

Ильзе молча села на железный табурет, вглядываясь в лицо Карла. Ее сердце колотилось так, что вот-вот было готово выскочить наружу.

«Неужели Хабеккер расщедрился и действительно разрешил свидание?!» — подумала она.

Карл, в свою очередь, потрясенно разглядывал невесту. От него не ускользнуло ничего — и огромные синяки, которыми было покрыто изможденное лицо Ильзе, и потрескавшиеся губы, и исцарапанные, в ссадинах руки, и грязное, в прорехах платье, донельзя запачканное кровью. Карл вспомнил, что в этом платье Ильзе была в день помолвки, они сидели за столом… Шутили, смеялись и улыбались друг другу, строя планы на

будущее. Но прошло всего полтора месяца, и все планы рухнули в пропасть…

На глазах Карла выступили слезы, и он торопливо вытер их.

— У вас пять минут, — добавил надзиратель, с презрением глядя на пару.

— Я очень рада тебя видеть, дорогой, — сказала Ильзе, выдавив улыбку. — Жаль, что условия не позволяют нам обнять друг друга. Хотя, наверное, сейчас я выгляжу так, что вызываю у тебя только оторопь…

— Брось, родная, — тихо произнес Карл. Глаза его были уже сухими, и он с болью смотрел на возлюбленную. — Господи, что они с тобой сделали?!

— Таковы методы ведения допросов. Не переживай, все намного лучше, чем тебе кажется. Как ты? Они тебя били?

Карл покачал головой.

— Я боялся за тебя. В тюрьме ходят слухи, что…

Он вовремя заметил, как Ильзе плотно сжала губы, едва заметно качнув головой, и, кашлянув, продолжил:

— …что сейчас очень много арестов. В моей камере уже пять человек. Все бы ничего, но эта духота… И этот невыносимый запах плесени.

— Придется потерпеть, милый. Послушай…

Штебе чуть подалась вперед:

— Мне очень стыдно, что я не говорила тебе всю правду. О том, что я работала с советником МИДа Шелия. Сейчас меня обвиняют в сотрудничестве с русской разведкой. Но я хочу, чтобы ты знал — ты тут совершенно ни при чем. И я больше чем уверена, что тебя вскоре отпустят. Ты не был в курсе моей работы, ты ничего не знал о моей деятельности. У гестапо нет никакого повода держать тебя здесь, потому что ты чист перед законом.

Карл закусил губу. Так, что выступила кровь.

Он все прекрасно понял. Он уже знал, что Шелия арестован — слухи по камерам распространяются быстро, как бы этому ни препятствовали надзиратели. А значит, это он все рассказал гестапо, полностью сдав Ильзе. И теперь его несчастная невеста пыталась ему дать понять, что взяла всю вину на себя. Шелия не знал ни Карла, ни Герхарда Кегеля, ни супружескую пару Велькишей… Он знал только Ильзе и лишь ей передавал секретные сведения.

— Я… все понимаю, — сказал он. — Но, может, следователь…

Ильзе покачала головой, пресекая возможные

предположения и вопросы жениха. В двух шагах от них стоял вахтман, прислушиваясь к разговору, и каждое слово должно быть тщательно взвешено. Иначе последствия могут стать катастрофическими уже для самого Карла.

— Просто наберись терпения и жди, — мягко сказала она. — Тебе нечего бояться.

Ее глаза светились такой всепоглощающей любовью, что у Карла защемило сердце. Сколько же сил и выносливости у этой хрупкой женщины, с которой свела его судьба!

— Осталась минута, — подал голос вахтман, и Карл вздрогнул, как от пощечины.

— Как быстро летит время, — грустно улыбнулась Ильзе. — Я с теплотой вспоминаю дни, которые мы провели вместе. Жаль, что их было так мало. Но зато они были такими насыщенными и счастливыми, что я буду помнить их всю жизнь!

«Она так говорит, словно через час ее поведут на расстрел», — с нарастающей паникой подумал Карл.

— Я люблю тебя, дорогая, — промолвил он, не сводя глаз с Ильзе.

— И я тебя очень люблю.

Охваченный внезапным порывом чувств, Карл

вскочил со стула и упал на колени перед Ильзе, целуя ее разбитые, покрытые ссадинами руки.

— Встать! — загремел вахтман. Сдвинув брови, он схватил Карла за воротник измятого пиджака и, словно котенка, швырнул в сторону. Тот покатился кубарем, ударившись головой об стену.

— Не смейте его бить! — воскликнула Ильзе, поднимаясь с табурета. Ее глаза сверкали гневом, пальцы сжались в кулаки. — Не смейте!

Не ожидая такого напора, надзиратель что-то недовольно буркнул, шагнув обратно к двери. В ту же секунду в кабинет вернулся Хабеккер.

— Арестованного увести в камеру, — велел он, и вахтман молча направился к Карлу. Цепко стиснув его за локоть, он потащил мужчину в коридор. Перед самым выходом Карл обернулся, поймав взгляд Ильзе.

— Я люблю тебя, — беззвучно проговорила она и отвернулась, пытаясь сдержать слезы.

— Ну, как прошло свидание? — бодрым голосом полюбопытствовал Хабеккер. — Осмелюсь предположить, что вы оба остались довольны?

— Это и есть тот самый сюрприз? — вместо ответа спросила Ильзе, и следователь кивнул.

— Хотел сделать для вас некоторое послабление, — сказал он с небрежным видом. — Все-таки

метод пряника тоже действует неплохо. Иногда.

— Наверное. Что ж, если вы сделали это от чистого сердца, то я благодарна вам.

— Ну, полно, Ильзе. Мы же с вами взрослые и умные люди. Сами понимаете, что одной благодарности здесь недостаточно. Я пошел вам навстречу, сделайте и вы ответный шаг. Расскажите мне все, что касается вашей работы на Москву.

— Мне нечего добавить, — безучастно ответила Ильзе. — Я отправляла донесения Доктору, потом он исчез. Вероятно, сломался передатчик. А может, в Москве что-то произошло, мне это неизвестно.

— Опять ложь, — тихо сказал Хабеккер. — Впрочем, что еще ожидать от неблагодарной твари?!

Ильзе молча проглотила оскорбление.

— Имей в виду, глупая, — так же тихо продолжал гестаповец. — В следующий раз ты можешь услышать, что в такой-то камере ночью от остановки сердца умер мужчина. И будешь гадать, кто это. Твой жених Карл? Или кто-то другой?

На лице Ильзе проступила бледность.

— Вы меня не запугаете.

— Думаю, что смогу это сделать. Видишь ли, Штрюбинг вновь вышел на работу. И знаешь что?

Он принес «испанский сапог», слышала о таком приспособлении? Его привезли из Франции, нашли в каком-то историческом музее старины. Говорят, сохранилось со времен средневековой инквизиции. Знаешь, как работает это приспособление?

— Я как-то не интересовалась древними орудиями пыток, — ответила Ильзе, старясь, чтобы ее голос звучал равнодушно.

— А зря, — заметил гестаповец. — Эта штуковина действительно отдаленно напоминает сапог, но самое главное в ней — две стальные пластины, между которых помещается нога допрашиваемого. Под действием специального механизма эти пластины сближаются, дробя и расплющивая кости. Очень часто после такого метода допроса обвиняемый умирал от заражения крови или навсегда оставался инвалидом. Если, конечно, его не приговаривали к смерти. Вот мы и проверим, подойдет ли твоей изящной ножке эта штука…

Взяв перьевую ручку, Хабеккер вплотную приблизился к Ильзе.

— Мое терпение на исходе, детка, — зашептал он, прислоняя железное перо к правому глазу женщины. — Ты ведь не хочешь лишиться глаза? А? Или ты предпочитаешь, чтобы глаза выкололи

твоему жениху?

Скрипнув зубами, он положил ручку на стол. В то же мгновенье Ильзе, подхватив ее, молниеносным движением вонзила острое перо в запястье гестаповца. Брызнула кровь, глаза Хабеккера вылезли из орбит. Издав истошный вопль, он попятился, тряся кистью с торчащей из нее ручкой.

— Охрана! — визжал он, с ужасом глядя на струящуюся кровь. — Срочно, охрана!

Вскоре в кабинет ворвались двое надзирателей. Сбив дубинкой Ильзе на пол, они принялись избивать ее ногами. А когда она потеряла сознание, ее отволокли в кабинет Штрюбинга.

12 ноября 1942 года. Берлин Тюрьма Плетцензее

Следующие несколько суток Ильзе провела как в тумане. Большую часть времени она была в бессознательном состоянии, изредка выныривая на поверхность действительности, как дельфин, глотая воздух, после чего снова погружалась в вязкую пелену забытья. В те короткие периоды, когда она приходила в себя, у Ильзе возникали мысли, что вокруг нее сменилась обстановка. Унылые серые стены поменяли свой цвет, почему-то приобретя более темные тона, став практически черными. Вокруг стало тесно, и вообще, Штебе в какой-то момент показалось, что она находится в дороге — об этом свидетельствовали характерная тряска и звук мотора.

Потом она вновь отключилась, и ей в очередной раз привиделся сон, неоднократно преследовавший в последние месяцы.

Мост.

Этот странный мост, по которому Ильзе осторожно шагала вперед, вглядываясь в самый конец. И с той стороны ветер доносил запах дыма,

а под ногами становилось горячо. Бросив взгляд вниз, она с недоумением заметила, что ее ноги босые. Куда подевалась ее обувь?!

Неожиданно Ильзе почувствовала на своей щеке чье-то прикосновение и открыла глаза.

Перед ней маячило лицо незнакомой женщины, глаза которой были преисполнены тревоги. Штебе медленно приподнялась, в голове что-то крутилось и шумело, словно в черепной коробке кто-то устроил небольшой аттракцион с каруселями.

— Слава богу, вы наконец-то очнулись, — с облегчением сказала незнакомка. Худенькая, невысокого роста и с короткой стрижкой она напоминала подростка, но глядя на ее натруженные, с выпуклыми венами руки и морщины, лучиками протянувшиеся от уголков глаз, Ильзе поняла, что ей уже далеко за тридцать, а то и больше.

— Где я? — спросила она, оглядываясь по сторонам. Она снова в камере, только теперь та выглядела немного иначе. Похожие, но немного иные мрачные стены, от которых веяло безысходностью, грязный цементный пол и две койки. В отличие от ее прежнего обиталища, окно в новой камере было не заколоченным, позволяя пропус-

кать немного тусклого света. Но Ильзе была рада и этому. Последний раз она видела солнечный свет 12 сентября, когда ее с Карлом забрало гестапо… — Я в новой камере? Или… — на миг Штебе осенила догадка, — в новой тюрьме? Где мы?

— Мы в Плетцензее, — ответила сокамерница. — Вы когда-нибудь слышали о ней?

Ильзе вздохнула.

Да, об этом тюремном заведении не слышал разве что глухой. О Плетцензее уже давно ходили леденящие слухи, которые никто не рисковал обсуждать открыто… Но Ильзе, в силу специфики ее второй жизни, незримой для подавляющего большинства обывателей, приходилось быть в курсе тех ужасов, что происходили внутри этой мрачной тюрьмы. Ей было известно, что начиная с 1933 года в специально отведенном подвале палачи проводили казни приговоренных — им отрубали головы и вешали…

— Меня зовут Клерхен Тухола, — представилась женщина, отрывая Штебе от невеселых мыслей.

Клерхен нервно теребила краешек засаленной блузки, который выбился из-под юбки. Ильзе обратила внимание, что сама юбка, судя по всему, была перешита из старого платья. Ничего удивительного. Как только началась война, мо-

да строилась на строгой экономии, и в связи с дефицитом материалов германским женщинам приходилось проявлять смекалку, чтобы не ходить в обносках.

— Я Ильзе, — ответила она. — Ильзе Штебе.

Клерхен улыбнулась, а Ильзе окинула свою новую соседку испытующим взглядом. Интересно, ее действительно зовут Клерхен и она простая несчастная женщина, по роковой случайности попавшая в застенки тюрьмы? Или… подсадная утка вроде Гертруды Брайер, той самой рыжеволосой пройдохи, которая так отчаянно пыталась втереться к ней в доверие?

Интуиция подсказывала Штебе, что Клерхен не притворялась. А если вдуматься, то зачем гестапо повторять трюк, который провалился с гестаповкой Лорой? Они, по сути, и так все о ней знают. Мало того что ее позывной раскрыл советский разведчик Франц, Рудольф фон Шелия добил ее окончательно, сообщив Хабеккеру все подробности их совместной деятельности…

Странно, но Ильзе не держала зла на Арийца. Каждый выживает как может. Очевидно, что гестапо удалось запугать высокопоставленного сотрудника МИДа, вот он и не выдержал. А может, за активное взаимодействие со следствием ему

пообещали свободу. Но об этом уже можно было только гадать.

Ильзе уже собралась спустить ноги на пол, как ее правую ступню пронзила кинжальная боль. Она была настолько нестерпимой, что с ее губ сорвался протяжный стон. Только сейчас узница осознала, что все это время правую ногу неприятно покалывало, но как только она ее задела, боль заполнила все нутро кипящей ртутью.

Судорожным движением Ильзе убрала одеяло, расширенными глазами глядя на ногу. Распухшая ступня была вывернута внутрь, словно был сломан голеностоп, искореженные пальцы торчали в разные стороны.

— Что случилось с вашей ногой? — испуганно спросила Клерхен.

Стиснув зубы, Ильзе опустила ноги на пол и попыталась встать. Левая стояла нормально, но едва она коснулась пола правой ногой, все ее тело будто прошило током, и она без сил опустилась обратно на койку. Все тело женщины покрылось ледяным потом, сердце колотилось с удвоенной силой.

— На последнем допросе мне угрожали «испанским сапогом», — устало проговорила она. — Наверное, следователь сдержал свое обещание.

— У вас сломаны все пальцы. Вам нужен врач, — сказала Клерхен. — Как только принесут еду, вы должны попросить о помощи!

«Наивная дурочка, — с жалостью подумала Ильзе, глядя на соседку. — Неужели она и правда считает, что здесь кто-то будет беспокоиться о здоровье арестованных?»

— Меня принесли без обуви? — вслух спросила она.

— Да, вы были без туфель.

О том, что Ильзе не принесли, а притащили, волоча за ноги, как труп, Клерхен решила не уточнять.

— Как вы здесь очутились, Клерхен? — спросила Штебе, мысленно приказывая унять боли, нестерпимо грызущей ногу.

Арестантка с безнадежным видом махнула рукой.

— Мне до сих пор кажется это безумным сном, — заговорила она, и голос женщины задрожал. — Все случилось из-за моего мужа, Волкера. Я никогда не могла подумать, что он состоял в антифашистском подполье. Нас арестовали вечером, когда мы гуляли в парке. Сначала я очень злилась на него, потому что он скрывал от меня свою деятельность. Но теперь я понимаю, что это

было вызвано его заботой обо мне. Ведь я действительно ничего не знаю о его второй жизни! Он мог куда-то уйти посреди ночи, а вернуться через сутки. Какие-то люди могли наведаться к нам домой, и Волкер часами сидел с ними на кухне, о чем-то разговаривая… Однажды он принес какой-то аппарат, где были наушники и провода. Как я потом поняла, это были части передатчика… Потом он все это кому-то отдал. На все мои вопросы Волкер меня успокаивал, поясняя, что не делает ничего противозаконного. А когда нас задержали, в гестапо заявили, что мы имеем отношение к какой-то «Красной капелле»! Но я никогда не слышала об этой организации!

«Это уже не имеет значения, девочка», — с горечью подумала Ильзе.

— И вот теперь мы уже почти месяц находимся здесь, — сказала Клерхен. — Меня постоянно вызывают на допрос, но мне нечего сказать! К счастью, меня пока не пытают, но я очень переживаю за Волкера! Ведь из нас главный обвиняемый — он! У меня сердце кровью обливается, как только я подумаю, что с ним могут сделать эти изверги с черепами на форме!

Ильзе не стала утешать ее. Зачем, если вдруг на следующее утро Клерхен вызовут на допрос,

где какой-нибудь изверг вроде Штрюбинга будет хлестать ее плетью или засовывать ногу в «испанский сапог»?!

Была еще одна вещь, которой Штебе не стала делиться со своей соседкой. Из всех слухов о тюрьме, в которую их закинула судьба, Ильзе особенно запомнился один.

Это то, что выхода из Плетцензее нет. В этой тюрьме обычно происходит суд над обвиняемым, после которого — мгновенное исполнение приговора.

Как правило, казнь.

Октябрь 1942 года. Берлин ХВЦ

Несмотря на все перипетии жизни, работа советских разведчиков продолжалась, хотя и со значительными сбоями. Ильзе Штебе была одним из самых сильных звеньев, и, когда оно выпало из общей цепи, деятельность разведгруппы, по сути, и вовсе застопорилась.

Исчезновение Альты не давало покоя и Герхарду Кегелю. С 1939 года он работал в Министерстве иностранных дел Германии, а в 1940 был вызван в Москву, где ХВЦ был назначен на должность заместителя начальника отдела экономики в немецком посольстве. После начала войны Кегелю вновь пришлось вернуться в Германию, в родные пенаты, устроившись в тот же самый МИД в отдел информации.

Следовало упомянуть, что в этот период произошел один неприятный казус, причиной которого стало отсутствие связи с Центром. 22 июня Кегель, как и другие немецкие дипломаты, выезжал из Москвы. На перроне одной из железнодорожных станций к ХВЦ внезапно подошел сотрудник советской разведки. Они общались менее минуты,

и за эти короткие мгновения Кегелю сообщили пароль и отзыв — они были нужны для связи Альты с радистом, который находился в Берлине. Центр планировал, что в перспективе этот радист должен был работать с Ильзе на постоянной основе, выполняя ее указания.

Этим человеком был Курт Шульце. Получив образование радиотелеграфиста и авиарадиста на крейсере «Штутгарт», он с самого начала не принял идеи гитлеровского режима. В 1929 году Шульце прошел дополнительные курсы обучения в СССР и с того момента начал работать на советскую военную разведку.

Кегель запомнил его имя и фамилию, а также адрес Шульце в Берлине. Но, к сожалению, из памяти разведчика выпало самое важное — пароль! Без него попытаться установить связь с Шульце было равносильно игре в русскую рулетку и чревато серьезными последствиями. Без кодового слова радист мог воспринять попытку выйти с ним на связь как инсценировку со стороны тайной полиции.

Деятельность разведки подчинена своим законам, которые написаны кровью. И знание пароля — основа всего, это незыблемое правило, которое никто не вправе нарушать.

Как ни старался Кегель, пароль он так и не вспомнил, что очень угнетало его. Подобный просчет за много лет работы случился с ним впервые. С другой стороны, и обстоятельства, при которых он получил эти сведения, были неординарными. Опять же, Центр был обязан сообщить эти данные намного раньше, а не в условиях отправляющегося с перрона поезда…

В Разведуправлении рассчитывали, что группа Альты будет располагать собственной радиосвязью. И если бы не промах Кегеля, линия этой радиосвязи должна была появиться в эфире уже в конце лета 1941 года.

Последний раз Кегель виделся с Ильзе в середине августа, и на этой встрече она обмолвилась, что собирается вместе с Хельфрихом посетить Карлсбад. С тех пор Кегель больше Альту не видел.

Словно предчувствуя беду, он позвонил ей вечером 12 сентября — в тот самый злополучный день, когда Ильзе и Карл были арестованы гестапо. Естественно, ХВЦ не мог знать об этом и продолжал бесплодные попытки дозвониться до своей соратницы. Охваченный тревогой, Кегель принял решение заехать в МИД, где обратился за помощью к своему давнему знакомому Шаффар-

чику, который работал в одном отделе с Карлом Хельфрихом. У Кегеля была надежда на то, что если Шаффарчик что-то знает о Карле, то, возможно, у него есть новости и о Штебе.

Приятель Кегеля сообщил, что Карл на работу не вышел, и набрал его телефонный номер. Трубку поднял незнакомый мужчина:

— Алло?

— Позовите, пожалуйста, Карла, — попросил Шаффарчик.

— Господин Карл Хельфрих сейчас не может говорить, — раздалось в ответ не слишком дружелюбно. — А кто его спрашивает?

— Его коллега по работе, моя фамилия Шаффарчик.

Незнакомец что-то невнятно пробубнил, и в трубке раздались гудки.

Тревога нарастала, но самые худшие опасения Кегеля подтвердились на следующий день. Ему позвонил Шаффарчик, сообщив, что Карл арестован гестапо. ХВЦ ни секунды не сомневался, что Ильзе задержана вместе с ним, но информации по ней пока не было. Возможно, в тайной полиции об аресте Альты было решено пока не распространяться…

— Они хоть объяснили причину ареста? —

спросил Кегель.

— Нет, — ответил Шаффарчик. — Все в полном неведении. Могу только сказать, что Хельфрих недавно вернулся из Карлсбада. Не могу утверждать, но, вероятно, что-то случилось, пока он со своей невестой был там?

Обуреваемый тягостными размышлениями, Кегель отправился домой. Его супруге Шарлотте не потребовалось много времени, чтобы понять — произошло что-то из ряда вон выходящее. Помедлив, Кегель рассказал ей обо всем. Смысла скрывать эту новость не было — Шарлотта была в курсе его подпольной деятельности и изредка оказывала Кегелю посильную помощь.

— Нам нужно быть предельно осторожными, — сказал он, куря сигарету за сигаретой. — Если гестапо всерьез возьмется за Ильзе… Даже не хочу предполагать, что они могут сделать с ней!

— Ты уверен, что у тайной полиции есть какие-то улики против нее? — спросила Шарлотта.

— Не имею ни малейшего понятия. Но раз они с Карлом оказались там, значит, основания для этого были, — печально произнес Кегель. — Я не умаляю достоинств Ильзе. Она умная женщина, с колоссальной выдержкой и огромной силой воли. Но в гестапо ломали и не таких сильных. Я

не хочу тебя пугать, дорогая, но Штебе может не выдержать допросов, которые ведут следователи тайной полиции. И тогда смертельная опасность уже будет угрожать нам.

— Не нужно паники, — сказала Шарлота. Она говорила спокойно, но при этом лицо женщины заметно побледнело. — Давай лучше обсудим, как себя вести, если гестапо все же заинтересуется нами.

Подумав, Кегель сказал:

— Прежде всего нужно пересмотреть все записи, которые есть в доме, — любые листки и блокноты, где упоминаются Ильзе и все, что связано с ней. Потом решим, что отвечать на вопросы, если они возникнут. Мы должны придерживаться одной линии, чтобы нас не смогли поймать на противоречиях. Врать нужно так, чтобы у гестапо и мысли не возникло, что мы говорим неправду.

— Может, тебе на время уехать? — предложила Шарлотта.

— Куда?

— Например, в Швейцарию.

Кегель отрицательно покачал головой.

— Этим я только привлеку ненужное внимание агентов тайной полиции. Пока не будем делать

резких телодвижений.

Он вдруг вспомнил о чем-то и вздохнул:

— Следовало бы предупредить Велькишей. Они должны знать, что отныне у каждого из нас под ногами горит земля…

— Ты рассказывал, что Ильзе Штебе сотрудничала с советником МИДа Рудольфом фон Шелия, — напомнила супруга, и Кегель едва не хлопнул себя по лбу. Конечно, как он мог забыть об этом?! Если Альта уже взята под арест, то и Арийцу грозит большая опасность! Нужно как-то предупредить дипломата, поскольку, если гестапо всерьез возьмется за него, участь Ильзе будет решена, и решена мгновенно.

«Но самое плохое в данной ситуации — это то, что из-за отсутствия связи я не могу сообщить о случившемся в Центр», — мрачно подумал Кегель.

В течение двух последующих дней также не поступало никаких известий. И если об аресте Карла Хельфриха еще была какая-то скудная информация, не выходящая за рамки Министерства иностранных дел, то Ильзе словно в воду канула.

Через своего знакомого Шаффарчика Кегель узнал, что Шелия в данный момент нет на месте, он убыл в служебную командировку в Женеву.

Возможности сообщить дипломату о происшедшем с Ильзе у Кегеля не было, оставалось только ждать его возвращения. ХВЦ еще не знал, что Шелия уже давно на карандаше у тайной полиции и ее сотрудники день и ночь дежурят на вокзале в ожидании Арийца…

Посовещавшись с Шарлоттой, Кегель решил пойти на риск и наведаться к матери Ильзе. Он знал, где живет Фрида Штебе, и прямо с утра направился на Франкфуртер-аллею. Уже подходя к дому, он подумал, что за квартирой Штебе могли установить наблюдение, как вдруг он увидел мать Ильзе. Пожилая женщина выходила из подъезда, держа в руках увесистую матерчатую сумку.

— Фрау Штебе? — негромко позвал он, и Фрида резко вскинулась, будто ожидая удара. Заметив Кегеля, она напряженно всматривалась в лицо разведчика, пытаясь вспомнить.

— Здравствуйте, — наконец сказала она, ставя сумку на асфальт. — Мы знакомы?

— Лично нет, но я знаю вашу дочь Ильзе. И она показывала ваше фото, — пояснил Кегель. Он обратил внимание, что тонкие лямки сумки оставили на пальцах Фриды красные полоски. — Меня зовут Герхард. Могу я чем-то вам помочь,

фрау Штебе? Эта сумка выглядит довольно тяжелой.

— Я собиралась отнести белье в прачечную, — сказала Фрида. Она уже нагнулась, чтобы поднять сумку, но Кегель опередил ее.

— Позвольте я вам помогу.

— Я буду очень вам благодарна, господин Герхард.

— Можно просто Герхард, — улыбнулся он.

Некоторое время они шли в полном молчании, потом Кегель осторожно поинтересовался:

— Я не могу дозвониться до Ильзе. Вам известно, где ваша дочь?

На глаза Фриды навернулись слезы.

— Я думала, вы все знаете… Их с Карлом арестовало гестапо, — с трудом проговорила она. — Прямо в день помолвки, перед свадьбой… Устроили обыск, перевернули весь дом. Мне даже не дали попрощаться с дочерью! А когда я пришла просить о свидании, следователь выгнал меня, словно попрошайку! Этот Вальтер Хабеккер совершенно бездушный человек!

— И вам ничего не сказали, за что их арестовали?

Фрида вздохнула, вытирая мокрые глаза.

— Хабеккер сообщил, что моя дочь работала на

советскую разведку. И чтобы я не рассчитывала на благоприятный исход дела. Что он имел в виду, Герхард?

На Кегеля с надеждой смотрели глаза Фриды, блестящие от слез, которые не переставая катились по ее впалым щекам.

«То, что Ильзе никогда не выйдет оттуда», — подумал Кегель. Вслух же он сказал:

— У меня слишком мало информации, чтобы я смог сделать какие-то выводы. Но одно я знаю точно, вам нельзя так сильно волноваться. Давайте будем надеяться на лучшее, что бы ни говорил этот Хабеккер.

Штебе вытерла слезы.

— Если меня кто-то будет спрашивать, интересовался ли кто-либо моей дочерью, я должна ответить отрицательно? Вас здесь никогда не было?

Ее голос звучал ровно и спокойно, отчего Кегель проникся невольным уважением к пожилой женщине.

— Вы правы. Лучше ничего никому не говорить, — сказал он.

— Я знаю, что, если гестапо вцепились в кого-то, они не отпустят жертву, — тихо произнесла Фрида. — И я уже морально подготовила себя к

самому худшему. Но как мать я всегда буду верить, что все образуется. Я просто не могу иначе.

Кегель ничего не ответил.

Вскоре они подошли к небольшому зданию с вывеской над входом: «СТИРКА, ГЛАЖКА».

— Спасибо, что помогли, — сказала Фрида, забирая у Кегеля сумку.

— Держитесь, фрау Штебе. Да хранит Бог вас и вашу дочь, — сказал он на прощание.

Кегель ушел не оборачиваясь.

Больше он Фриду Штебе не видел. Как и ее дочь Ильзе.

На следующий день Кегель отправился на почту. Выбрав неприметную открытку с каким-то пейзажем, он немного подумал и написал на обороте следующее:

«Здравствуйте, дорогие Курт и Маргарита! Поздравляю с новосельем! Как погода? Возможно, скоро приеду в гости. У нас все хорошо. Нашел работу, дети растут. Бабушка вышла замуж, но сейчас чувствует себя неважно. Ее отправили в дом престарелых в районе Шарлоттенбурга. Мы тоже переехали в Берлин. Ждем хороших новостей! Г.К.».

Сунув открытку в почтовый ящик, Кегель быстро вышел наружу.

17 ноября 1942 года. Берлин В тюрьме

Утром Клерхен увели на допрос, и Штебе осталась одна. Обычно, когда ее держали в тюрьме гестапо, она часто ходила по камере, считая про себя шаги. Эта незатейливая и простая зарядка хотя бы немного отвлекала от тревожных мыслей и не давала застояться крови. Но сейчас, когда ее правая нога распухла до невозможности и постоянно стреляла обжигающей болью, об этих «прогулках» не могло быть и речи. Скорее всего, Штрюбинг, примеряя на Ильзе «испанский сапог», сломал ей голеностоп. Так что ей оставалось только сидеть на койке и смотреть, как на зарешеченном окошке паучок неспешно плетет свою паутину.

«Как там мой Карл? — думала Ильзе. Она с грустью вспоминала последние мгновения с женихом накануне ареста. — Он тоже здесь? Или в Плетцензее привезли только меня?»

Мысленно Ильзе молила Бога, чтобы Карл остался в тюрьме гестапо, потому что оттуда был, хотя и призрачный, шанс выбраться. Отсюда же

вероятность выйти на свободу равнялась нулю.

Вскоре привели Клерхен. Едва сдерживая слезы, она упала на койку, и Штебе решила пока не спешить с расспросами. Лишь спустя какое-то время ее сокамерница успокоилась и рассказала, что на днях произошли новые аресты членов антигитлеровского Сопротивления и кто-то из задержанных дал показания против ее мужа.

— Следователь сказал, что Волкеру грозит смертная казнь, — обреченным голосом сказала Клерхен. — Гестповец радовался как ребенок! Если у меня и была какая-то надежда, то теперь все рухнуло!

— Надежда должна быть всегда, — сказала Ильзе. — Знаешь, что самое опасное для тех, кто после кораблекрушения оказался посреди океана?

Клерхен вопросительно посмотрела на нее.

— Это страх, — объяснила Штебе. — В девяти случаев из десяти человек умирал из-за того, что переставал себя контролировать и поддавался панике. А не потому, что у него не было воды или пищи. Конечно, сложно собраться и держать себя в руках, когда вокруг тебя океан, а все, что у тебя есть, — обломок доски или бочка, за которую можно держаться. И все же нужно сделать над собой усилие.

— Ильзе, у тебя идет кровь из носа, — обеспокоенно сообщила Клерхен.

Штебе провела пальцем по верхней губе, глядя на красное пятно.

— Как ты себя чувствуешь? — снова спросила Клерхен.

— Превосходно.

— Прости, я дура, — смутилась сокамерница. — Но это нехороший признак. У тебя наверняка сотрясение мозга или что еще похуже! Нужно сказать тюремной администрации, чтобы тебя осмотрел врач!

Клерхен поднялась с койки и подошла к Ильзе.

— Покажи свою ногу, — попросила она, и Штебе, помедлив, откинула ветхое одеяло. Клерхен едва не отпрянула, увидев раздувшуюся ступню женщины. Она была уже не красной, а темно-багровой, почти лиловой, ногти на пальцах почернели. — Я позову охранника, — решительно сказала Клерхен. — Они не имеют права издеваться над людьми! Мы не в Средневековье, в конце концов!

— Дорогая Клерхен, здесь намного хуже, чем в Средневековье, — устало улыбнулась Ильзе.

Железная дверь отворилась, впуская в камеру широкоплечего вахтмана. У него были грубое

лицо и выпирающая вперед челюсть, придающие надзирателю хищный вид. Вперив холодный взгляд в Ильзе, он скомандовал:

— Штебе, на выход к следователю.

Клерхен непроизвольно загородила ее своим телом:

— Послушайте, она не может ходить! У нее сломана нога, можете сами убедиться!

Надзиратель и бровью не повел. Положив свои крупные пальцы на дубинку, притороченную к поясу, он процедил:

— Больше повторять не буду. На выход, или я отволоку тебя силой.

— Все в порядке, Клерхен, — успокоила ее Ильзе, опуская ноги с кровати. Осторожно встала, основной упор делая на здоровую ногу.

«Господи, помоги мне дойти».

— Быстрее! — рявкнул вахтман.

Подволакивая изувеченную ногу, Ильзе заковыляла к выходу.

— Давай я хотя бы дам тебе свои туфли! — воскликнула Клерхен.

Ильзе покачала головой.

— Спасибо, милая. Увы, но моя нога не войдет в туфлю, будет только хуже.

Закусив губу, Клерхен с болью смотрела на

Штебе. Когда дверь за ними захлопнулась, с ее губ сорвалось:

— Гореть вам в аду, нелюди.

Путь в допросную к следователю показался Ильзе нескончаемо долгим. Пару раз ей казалось, что она начинает терять сознание, и тогда она обеими руками опиралась на стылую стену, чтобы не сползти вниз. Раздраженный этими остановками вахтман постоянно рыкал на нее, то и дело хватаясь за дубинку.

Наконец он втащил полуживую Ильзе в тесную камеру, и она без сил опустилась на привинченный к полу табурет.

— Руки! — гаркнул надзиратель, и она молча протянула вперед обе руки, на которых тут же защелкнулись наручники.

— Благодарю, можете идти, — сказал сидящий за столом Хабеккер, и вахтман ретировался.

Никаких папок с документами на столе не было, всего лишь чистый лист бумаги и карандаш. От взгляда Штебе не ускользнуло, что на левой руке криминального советника белела повязка.

— Добрый день, Ильзе, — поздоровался гестаповец. — Вы неважно выглядите. Как ваша нога?

Приложив колоссальные усилия, Ильзе улыбнулась.

— Значительно лучше, чем ваша рука, господин следователь.

Хабеккер поморщился.

— Хватит дурачиться, я же вижу, что вы даже стоять нормально не можете, — сказал он. — Видите ли, я вел еще несколько дел параллельно с вашим. Все они уже давно завершены и переданы в суд. Только с вами мне приходится возиться столько времени.

— Что поделать, — откликнулась Штебе. — Такая у вас нелегкая работа, герр Хабеккер. Могу предположить, что дело по Рудольфу фон Шелия вы закончили в тот же день после очной ставки?

Следователь засмеялся, словно услышал забавную шутку.

— Вы зря на него обижаетесь, — произнес он. — Да, с точки зрения закона он преступник, но вовремя раскаялся и сейчас активно сотрудничает со следствием. Возможно, это зачтется дипломату при вынесении приговора.

— Возможно, — согласилась Ильзе. — Но вряд ли вам это сильно помогло. Иначе вы меня не таскали бы на допросы.

Хабеккер не нашелся с ответом. Подвинув к себе листок, он принялся крутить в руках карандаш.

— Послушайте, Ильзе. На самом деле мы с вами

уже на финишной прямой. От вас уже мало что зависит, но я хочу помочь вам. В какой-то степени я был поражен вашим упорством и выдержкой. Из вас получился бы прекрасный сотрудник гестапо! Вам просто промыли мозги коммунисты, а вы поддались на все эти лживые истории…

— Что вы от меня хотите? — перебила его Ильзе.

— Я даю вам последнюю возможность рассказать всю правду. И я приложу все силы, чтобы это сыграло в вашу пользу, когда начнется суд. А он будет совсем скоро, поверьте. Считаю своим долгом напомнить, что дело «Красной капеллы», представителем которой вы являетесь, находится на контроле у самого фюрера. Он внимательно следит за ходом расследования и, конечно же, будет интересоваться результатами судебного процесса.

— Я смотрю, в этот раз вместо ручки вы приготовили для меня карандаш, — заметила Ильзе, многозначительно глянув на перевязанную кисть гестаповца. — Вы меня боитесь?

— Обычные меры предосторожности, Ильзе. Хотя при желании и карандашом можно, например, выколоть глаз… Так вы будете писать показания? Если вы согласны, я велю снять с вас наручники.

— Единственное, что я могу написать, это то, что я ни в чем не виновна, — отчеканила Ильзе. — Но не стану этого делать по одной причине — написанное карандашом легко стереть, так ведь? И у меня нет никакой уверенности, что вы сможете переписать мои показания. Поэтому давайте лучше оставим все как есть.

— Сумасшедшая, — пробормотал Хабеккер. — Тебе не жаль собственную мать?

— Прекратите напоминать мне о моих близких! — воскликнула Ильзе. — Уж они-то тем более не имеют никакого отношения к тому, что тут происходит. И помните…

Она вперила в гестаповца пронзительный взгляд своих искрящихся серых глаз.

— Помните, что в следующий раз ручка может оказаться не в вашей руке, а в шее. И совсем не обязательно, что воткну ее именно я. Вы сами ходите по краю лезвия, только пока до конца не осознаете это.

— Заткнись, — с ненавистью прошипел Хабеккер. Скомкав чистый лист, он кинул его на пол. — Ты своими руками разрушила собственную жизнь, глупая. Ильзе Штебе, ты предстанешь перед судом по обвинению в шпионаже на советскую разведку. За твою никчемную жизнь я не

дал бы и рейхсмарки…

— Значит, такова моя судьба, — спокойно сказала Ильзе. — Надеюсь, вы закончили?

— Да, — проскрипел Хабеккер, едва владея собой. Ему стоило огромного труда не вцепиться в горло Штебе. Непоколебимость и стойкость сидящей перед ним женщины приводили гестаповца в неистовство, но одновременно вызывали и растерянность, которая граничила с тревогой и даже со страхом. Что не так с этой сумасшедшей? Во имя чего такие страдания?! Ради победы Красной армии?! Да эта упрямица даже никогда не была в России! — У вас был шанс исправить ошибку, Ильзе. Но вы не воспользовались им и этим совершили глупость. Самую большую и роковую в вашей жизни, — сказал он напоследок, когда за арестованной пришел вахтман.

26 октября 1942 года. Бухарест, Румыния АВС и ЛЦЛ

Около полудня Курт Велькиш вышел из дома и по привычке проверил почтовый ящик. Внутри была только одна открытка с красивым горным пейзажем, отправителем значился некий Г.К., но Курт быстро догадался, что за этими инициалами стоит не кто иной, как их сподвижник ХВЦ, Герхард Кегель.

Бегло прочитав текст, написанный аккуратным почерком на обороте, Курт сунул открытку в карман. Он сразу понял, что под «бабушкой», которую якобы отправили в дом престарелых в Шарлоттенбурге, Кегель имел в виду Ильзе Штебе. Поскольку ее позывной Альта говорил сам за себя. И во-вторых, в районе Шарлоттенбурга располагалась небезызвестная тюрьма Плетцензее, куда свозили особо опасных преступников для их последующего суда.

«Ильзе в беде, — в смятении подумал Курт. — Но что могло случиться, раз она попала в лапы гестапо?!»

Закончив кое-какие дела, он вернулся домой и

показал открытку Маргарите.

— Хорошо, что Герхард нашел возможность хотя бы сообщить об этом, — сказал Курт, пока его супруга вновь и вновь перечитывала короткое послание.

Когда Маргарита вернула открытку мужу, в ее глазах плескался страх.

— Если Ильзе в Плетцензее, дело плохо, — сказала она, вставая с кресла. — Ты сам знаешь, что вернуться оттуда почти невозможно.

— Я все время думаю о том, на чем ее могли подловить, — сказал Курт. Он похлопал себя по нагрудным карманам рубашки. — Постоянно забываю, что бросил курить. А сейчас мне очень хочется затянуться… Так вот. Ильзе всегда была предельно осторожна. Конечно, нельзя всегда предусмотреть все ситуации, жизнь непредсказуема. Но я не верю, что причиной ее ареста явилась она сама.

— Разве сейчас это имеет какое-то значение, Курт? — справедливо заметила Маргарита. — Альта в тюрьме. И только один Господь знает, что с ней там делают. Мюллер дал своим цепным псам полную свободу действий, и следователи не остановятся ни перед чем, чтобы вытянуть у Ильзе признания.

— Я тоже думал об этом. Если она начнет говорить, у нас будут большие неприятности. И хотя мы далеко от Берлина, беспокоиться есть о чем. Ты сама знаешь, что Румыния подписала пакт с Германией, став ее союзником. И если агенты тайной полиции поставят задачу нас разыскать здесь, то для них это не составит труда.

— Курт, я не вижу смысла паниковать раньше времени, — возразила Маргарита. Она встала у окна, сцепив красивые пальцы перед собой. — Давай начнем с того, что, если бы Ильзе заговорила, начиная сдавать всех подряд, это стало бы известно. И Кегель попал бы под подозрение в первую очередь. Но пока, слава богу, все тихо. А это значит, что Альта молчит.

— Мне очень бы хотелось в это верить, — с сомнением в голосе протянул Курт. — Я верю в силы нашей соратницы, но мне также известны методы, которыми не гнушаются в гестапо. Людей лишают сна и воды, часами подвергают ужасным пыткам, отчего не выдерживают даже самые крепкие мужчины. А Ильзе — обычная женщина, она не из железа. Я не строю иллюзий, Маргарита. Давай будем реалистами. Если она не заговорит сегодня, то гестапо сумеет развязать ей язык завтра. Мы не можем исключать такой

возможности.

— А я доверяю своей интуиции, — сказала Маргарита, и в ее голосе зазвенел вызов. — Мне Ильзе показалась женщиной с колоссальной выдержкой! И хотя внешне она выглядит хрупкой, внутри у нее стальной стержень. Который не каждый способен сломать.

Курт не стал продолжать спор. Помолчав, он заговорил вполголоса:

— Наверное, я излишне мнителен. Но позволь я расскажу тебе один трагический эпизод, который имеет непосредственное отношение к нашей теме. Я достоверно знаю об одном случае, когда тайной полицией была задержана молодая женщина, у которой был маленький сын. Она отрицала свою вину, невзирая на улики, жестокие побои и истязания. И тогда гестапо прибегло к радикальному методу — они привели в камеру ее сына и приставили к его виску пистолет. Ты можешь себе представить состояние бедной матери, когда она это увидела? Она бросилась на колени, обещая во всем признаться. Эти нелюди добились своего. Но это никак не помогло арестованной, ее расстреляли, как предательницу германского народа.

— А ребенок? — глухо спросила Маргарита.

— О мальчике мне ничего неизвестно.

— Курт, нам остается только набраться терпения и ждать, — произнесла она, подходя к мужу. — Сейчас от нас с тобой все равно ничего не зависит!

— Мы можем попробовать уехать, — предложил Курт, но голос его звучал неуверенно.

Маргарита покачала головой:

— Нельзя вот так все бросить и уехать. На нас рассчитывают люди, которым мы помогаем. Здесь у тебя официальная работа, мы на легальном положении. Если, как ты говоришь, мы должны исчезнуть, нам нужны новые документы. Мы в чужой стране, кто нам их сделает? И куда ехать? В СССР?

— Нет, в Советский Союз ехать нельзя. Сейчас идет война, пересечь границу будет чрезвычайно сложно.

— Тогда что остается? Венгрия? Тоже не подходит, это государство на стороне Гитлера.

— Можно в Болгарию, — после паузы сказал Курт. — Во всяком случае, эта страна сохраняет нейтралитет.

Маргарита лишь вздохнула, а он продолжил:

— И еще. Нужно попытаться сообщить об этом в Центр. Я знаю, что сейчас у нас нет связи, но нам

нужно что-то придумать! Вдруг в Москве до сих пор ничего не знают и пытаются восстановить связь с Ильзе? Полагаю, что гестапо, скорее всего, будет держать в тайне арест Альты.

— Давай успокоимся, дорогой, — мягко сказала Маргарита. — И выпьем чаю. Я принесла медовые пирожные.

Курт криво улыбнулся и ответил:

— Пирожные — это замечательно. Но сейчас мне кусок в горло не полезет. Я бы лучше сейчас выпил чего-нибудь покрепче.

Она пожала плечами.

— У нас осталось немного шнапса.

Курт отправился на кухню, и Маргарита двинулась за ним. Глаза женщины округлились, когда вместо бутылки со шнапсом, хранившейся на верхней полке, ее муж достал завернутый в тряпку револьвер.

— Зачем тебе это? — выдавила она.

— Так, просто проверить, — спокойно проговорил Курт, с щелчком отбрасывая барабан. Убедившись, что все гнезда заполнены патронами, он вернул барабан на место. — Любимая, я не хочу тебя пугать, но я не позволю гестапо надеть на себя наручники, — промолвил Курт. — Если за нами придут, я не дамся им живым.

Маргарита молча обняла мужа.

— Все будет хорошо, дорогой, — прошептала она.

Декабрь 1942 года. Берлин Приготовления к суду

Тем временем волны новых арестов членов «Красной капеллы» накатывали одна за другой, без остановки. В течение недели было задержано порядка тридцати человек, и эта цифра постоянно росла. В октябре 1942 года, когда Ильзе Штебе уже находилась в тюрьме, число арестованных перевалило за сотню, и это было только в Берлине!

Задержания не прекращались и после того, когда начались первые казни подпольщиков. В процессе следствия гестаповцам удалось напасть на след антифашистских ячеек как в самой столице Германии, так и за ее пределами. Они были выявлены в Кёльне, Штутгарте, Гамбурге, куда зондеркомандой была отправлена группа следователей для выбивания признательных показаний…

Арестованных допрашивали по особой методике. Согласно директивам о «специальном ведении допросов», следователи имели право использовать практические любые средства фи-

зического давления против коммунистов, членов движения Сопротивления, саботажников, а также русских и поляков.

Поэтому в выборе методов воздействия гестаповцы не стеснялись.

Рейхсмаршал Геринг старался держать под контролем расследования дел «Красной капеллы». Бесспорно, он физически не мог вникать в каждый эпизод следствия, но настоял на том, чтобы прокурором в суде выступал назначенный им человек. После недолгих размышлений выбор Геринга остановился на военном прокуроре Манфреде Редере, который был известен как один из самых суровых обвинителей. Когда он считал необходимым, то проводил личное дознание по тем или иным вопросам.

Этот прокурор, будучи простым солдатом, принимал участие в Первой мировой войне. В ходе боевых действий был ранен, пострадав при этом от газовой атаки. Среди прочих наград Редер был удостоен Железного креста второй степени. Заключенные испытывали животный страх перед этим прокурором, называя его «кровавым судьей Гитлера»…

Адольф Гитлер тоже пристально следил за процессом над деятелями «Красной капеллы». В

одном из выступлений фюрер выдвинул требование, чтобы обвиняемых судили в военно-полевых судах, при этом судьи обязаны действовать «быстро и беспощадно», обычные суды для таких дел не годятся. Взяв слово, Геринг предложил поручить дело «Красной капеллы» военным трибуналам военно-воздушных сил (представителем которых как раз являлся прокурор Редер).

Гитлер не стал возражать, но потребовал предоставлять ему ежедневные доклады о ходе судебных процессов.

К слову, фюрер был очень обрадован, когда после серии арестов антифашистов ему доложили, насколько разветвленной и огромной была сеть «Красной капеллы», пронизав едва ли не все структуры Третьего рейха.

Узнав об этом, Гитлер презрительно бросил:

— Если бы не эти русские шпионы, война была бы давно завершена! Победа была бы у нас в руках.

Вряд ли для кого-то было секретом, что Адольф Гитлер был суеверным. После начавшихся арестов подпольщиков он на полном серьезе полагал, что чем раньше они будут казнены, тем скорее ему начнет сопутствовать успех и Германия добьется победы на фронте. Отдельным

распоряжением, о котором знал весьма узкий круг его приближенных, Гитлер приказал провести судебные заседания до Рождества.

«Заговорщики и их проклятие не должны переступить порог 1943 года», — заявил он.

Таким образом, суд над обвиняемыми был уложен в жесткие рамки и должен был завершиться не позднее 23 декабря 1942 года.

Разумеется, выполнить это указание, не поправ нормы уголовно-процессуального права, было нереально. С другой стороны, для чиновников всех уровней, даже судей, сигналом к исполнению был не закон, а воля обезумевшего фюрера, которого все смертельно боялись.

Чтобы воплотить в жизнь приказ Гитлера, судьи и прокуроры сами преступили закон, занявшись фальсификацией материалов дела… Обвинительные заключения составлялись впопыхах, параллельно с ходом судебных процессов, когда суду только предъявлялись доказательства, которые он должен был всесторонне изучить и дать по ним оценку. Фюрер уже предопределил конечный итог судебных заседаний, и Редеру можно было не волноваться об уликах и доказательствах.

Более того.

Буквально в тот день, когда начались судебные заседания, в тюрьме Плетцензее полным ходом началась подготовка к казням. Это свидетельствовало только об одном — участь подсудимых была решена заранее и ничто не могло изменить их печальную судьбу. По большому счету судебный процесс был простой формальностью, и все это прекрасно понимали.

Тюремной администрацией было решено обновить место исполнения смертных приговоров. Между главным зданием тюрьмы и высокими воротами располагался одноэтажный дом, сложенный из серого кирпича. Много лет назад это строение использовалось для работников тюремной охраны, которые занимались там спортом. Сейчас, во исполнение секретного приказа, здесь и принялись оборудовать место казни.

Пока шли судебные заседания, в тюремный флигель были завезены материалы — деревянные бруски, крючья, скобы, болты, черные шторы… Зал был поделен на так называемые кабины, отгороженные шторами от зала, в каждой из них был закреплен крюк для повешения. В самом центре зала была установлена гильотина — она предназначалась для женщин. Считалось, что этот вид казни был более «гуманным», тогда как

все мужчины приговаривались к повешению…

Через два дня к исполнению приговоров все было готово.

Последние два дня состояние Ильзе ухудшилось настолько, что она почти не вставала с койки. До этого Хабеккер вызвал ее еще раз, но не на допрос.

«Время допросов закончилось, Штебе», — с присущей ему спесивостью заявил он.

Ильзе было так плохо, что она едва держалась на ногах. Помимо распухшей ступни, превратившейся в раскаленный шар боли, у нее поднялась температура, постоянно кружилась голова и шла носом кровь. Вся ее одежда и немногочисленные тряпки в камере были перепачканы ею.

Видя, что заключенная не может передвигаться самостоятельно, вахтман был вынужден вызвать подмогу, и только с напарником они смогли притащить Штебе в кабинет к следователю.

Хабеккер показал дело, которое намеревался передать в суд, — тоненькая папка, в которой едва умещалось два десятка листов.

— Распишитесь здесь, — велел он, ткнув пальцем в заключительное обвинение. — Скоро вы предстанете перед судом.

Ильзе поинтересовалась, разве не положено ей

получить копию этого документа, но Хабеккер лишь засмеялся.

«Твоя участь все равно решена, глупая», — прочитала она в глазах гестаповца.

Обратный путь в камеру отнял у нее последние силы, и, едва коснувшись койки, Ильзе без сил распласталась на ней. Клерхен в это время тоже была на допросе, и она впервые дала волю чувствам, разрыдавшись. Нет, Ильзе плакала не из-за боли, хотя порою она была такая невыносимая, что при особо мучительных приступах ей приходилось грызть губы, которые теперь постоянно кровоточили. Она плакала не из-за страха перед намечающимся судом, который наверняка закончится для нее смертным приговором.

Слезы душили Ильзе потому, что она испытывала непередаваемую горечь. Горечь оттого, что она не успела сделать большего для их общего и светлого дела, которое бы приблизило победу над фашизмом. И хотя она отдала разведывательной деятельности без малого десять лет своей жизни, сейчас Ильзе казалось, что сделала она ничтожно мало.

Странно, но, когда она выплакалась, боль в ноге немного утихла. Вытерев глаза, Ильзе не без содрогания осмотрела ногу. Из багрово-фио-

летовой она стала грязно-серого цвета, словно у покойника. Зловещие темные пятна неумолимо ползли вверх к колену.

«У меня началась гангрена, — с отрешенным спокойствием подумала она. — Вероятно, я потеряю ногу».

«Не волнуйся, — возразил внутренний голос. — После приговора суда твоя нога больше не будет тебя беспокоить».

Дверь в камеру открылась, и Ильзе торопливо накинула на ноги одеяло.

Клерхен молча прошла к своей койке, но садиться не спешила, отсутствующим взглядом глядя на старое скомканное одеяло. Щеки молодой женщины блестели от влаги, и Штебе поняла, что Клерхен тоже недавно плакала.

— Следователь сказал, что Волкера будут судить через два дня, — нарушила паузу заключенная. — Он… то есть следователь, напомнил, что моему мужу грозит виселица.

Клерхен посмотрела на Ильзе, губы ее мелко дрожали.

— Он дал понять, что у меня еще есть шанс. Я должна дать показания против Волкера. Но я… — Она сбилась с мысли, беспомощно глядя на Ильзе. — Но даже если бы я знала, чем именно

занимается Волкер, я бы ни за что на свете не предала его! Неужели этот ублюдок в мундире не понимает таких простых вещей?! Вместе со своим мужем я готова взойти на эшафот! Мне не страшно умереть, когда он будет рядом!

— Ты сильная, Клерхен. — Ильзе попыталась улыбнуться, но на искусанных губах тут же проступила кровь. — Я верю, что ваша любовь помогает вам держаться здесь, терпя допросы и другие лишения. И очень хочу верить, что суровый приговор не коснется лично тебя. Как ни крути, ты ведь и правда ничего не знала и оказалась тут совершенно случайно.

Клерхен с грустью покачала головой.

— Я хотела сказать о другом, Ильзе. Если казнят Волкера, у меня больше не будет смысла жить дальше. Детей у нас нет, мы были всем друг для друга. Волкер не видел жизни без меня, а я — без него.

Штебе хотела что-то ответить, но решила промолчать.

Действительно, что здесь можно было сказать? Иногда сочувственное молчание бывает лучше всяких красноречивых слов.

Несколько минут в камере висела хрупкая тишина, которую нарушила Клерхен:

— Я слышала, они все хотят завершить до Рождества.

— Значит, так тому и быть, — шепотом произнесла Ильзе и легла на койку, отвернувшись к стене.

Если это правда, жить ей осталось не более двух недель.

14 декабря 1942 года. Берлин Суд

Этим утром Ильзе проснулась раньше обычного. Клерхен еще спала, беспокойно ворочаясь на своей койке. За окном было еще темно, и Штебе с замиранием сердца вглядывалась в крошечный квадратик под самым потолком, закрытый толстой решеткой. Женщину охватила неизъяснимая тревога, она почему-то хотела во что бы то ни стало увидеть солнце.

«Возможно, именно сегодня все и случится», — подумала она, вглядываясь в беспросветную мглу.

Предчувствие не обмануло Ильзе. Буквально через пять минут в коридоре послышались звук шагов, уже знакомый до боли скрип железной двери, и вот в камере стоял вахтман. В его руках какой-то сверток из коричневой материи. Он небрежно кинул его на койку Ильзе и коротко велел:

— Одевайся.

Штебе молча развернула его.

Платье! Длинное приталенное изящное платье темно-зеленого цвета.

Похоже, оно было бы впору Ильзе.

— Откуда у вас это? — спросила она.

«Может, это передала мама?» — появилась у нее робкая мысль, но надзиратель тут же развеял это предположение:

— Неважно. Но если тебе так интересно, это платье сняли с заключенной, которая скончалась сегодня ночью.

Почесав нос, вахтман прибавил:

— Сегодня у тебя суд, и ты должна выглядеть нормально, а не пугать судей своими вонючими лохмотьями.

Ильзе отодвинулась в сторону, словно платье было заражено чумой.

— Я не надену чужую вещь, тем более снятую с умершего человека, — сказала она. — Вы должны были вернуть это платье ее родственникам!

— Ага. Расскажи еще, что я должен делать, — зевнул охранник. — Живее одевайся! Ты должна быть благодарна, что тебя решили переодеть перед важным мероприятием! Тебя будет судить доктор Крелль. И не один, в помощники к нему приставлен вице-адмирал Арндс. Между нами, у тебя нет ни малейших шансов. Но выглядеть подобающе ты должна, чтобы не опозорить себя.

Ильзе с трудом спустила ноги на пол. Вахтман

увидел ее черную раздувшуюся ступню, и в его глазах промелькнул страх.

— Ваше начальство боится, что судья Крелль увидит, как со мной обращались следователи гестапо? — спросила Ильзе. С неимоверным трудом ей удалось встать на ноги, точнее лишь на здоровую ногу. Касаться пола искореженной ступней было невозможно из-за пульсирующей боли, которая ланцетом пронзала все тело. — Но мне нечего стыдиться, — сказала она. — У меня такое платье, какое есть. И нет обуви, так что я пойду босиком.

Некоторое время вахтман молчал, размышляя, как поступить. Насильно переодевать эту упрямицу он не желал, да на это и не было времени. Будь что будет!

— Ты сможешь сама идти? — хмуро спросил он, стараясь не смотреть на искалеченную ногу Ильзе.

— Постараюсь.

— Я не собираюсь тащить тебя на себе. Если получится, найду палку или костыль.

— Буду премного вам благодарна, — улыбнулась Ильзе, едва сдерживая слезы от усиливающейся боли.

— Пока что не за что благодарить. Если не най-

ду, на суд тебе придется скакать на одной ноге. Или ползти.

— Значит, поползу, — пообещала Ильзе.

Вахтман вышел, что-то бурча себе под нос. Он вернулся спустя двадцать минут, держа в руках костыль:

— Вот. Но если ты решишь проверить с помощью этой штуковины мой череп, тебе не поздоровится.

— Вы действительно боитесь, что я могу ударить вас? — спросила Ильзе, опираясь на костыль. — Не думаю, что у меня много шансов против вас даже с этой деревяшкой.

— На выход.

— Ильзе, я буду молиться за тебя! — сказала Клерхен. Ее бледное лицо мерцало в сумерках камеры, и Штебе почему-то подумала о серебряной монете на дне пруда.

Пока Ильзе преодолевала многочисленные коридоры, мимо нее прошествовала небольшая процессия — охрана вела заключенных. Среди арестованных она с изумлением узнала Курта Шульце — радиста, с которым долгое время работали члены группы Альты. Лицо пожилого мужчины было осунувшимся, один глаз заплыл, превратившись в щелку. Курт тоже узнал Ильзе

и успел подмигнуть ей здоровым глазом. От этого незатейливого и вместе с тем дружеского жеста на душе у нее потеплело, и даже грызущая боль слегка отступила в тень.

Еще несколько минут, и вскоре Ильзе была в главном зале Имперского военного трибунала. Советник МИДа Рудольф фон Шелия уже сидел на скамье подсудимых, о чем-то разговаривая с адвокатом. Заметив ее, Ариец тут же отвел взгляд в сторону.

Кроме тюремной охраны, в зале судебных заседаний больше никого не было. Как только Ильзе опустилась на скамью, вахтман забрал у нее костыль и, заковав ее руки в наручники, встал рядом.

«Они меня боятся?» — изумленно пронеслось в голове Ильзе, и она посмотрела на стальные «браслеты», которые опоясывали ее запястья, грязные и исцарапанные. «Боятся больше, чем Шелия, — ведь его руки свободны…»

Она взглянула на бывшего дипломата, поймав себя на мысли, что проведенное в тюрьме время заметно сказалось на Арийце. Даже новый костюм, который ему, вероятно, для суда передала супруга, не мог скрыть происшедших с Шелия изменений — он сильно осунулся, похудел, а его

волосы стали совершенно седыми. Казалось, за этот месяц дипломат постарел на пару десятков лет.

«Если у Шелия есть адвокат, то его должны предоставить и мне, — подумала Ильзе. — Чтобы была хотя бы видимость соблюдения всех формальностей процесса…»

Словно в подтверждение мыслей Ильзе перед ней неожиданно возник вертлявый мужчина средних лет в черном костюме. Он представился ей, сообщив, что является ее законным представителем.

— Вы говорите это мне за три минуты до судебного заседания? — спросила Ильзе.

Вместо ответа адвокат брезгливо взглянул на босые ноги женщины и сделал шаг назад.

— Я ознакомился с вашим делом и не хочу давать ложные надежды, — сказал он. — Улики, собранные обвинением против вас, неопровержимы. И оспаривать их, с моей точки зрения, нет смысла. Единственный выход для вас — дать признательные показания и раскаяться в содеянном. Судья примет это во внимание.

Ильзе усмехнулась.

— Большое спасибо.

Больше своего адвоката Штебе не видела.

Первым началось рассмотрение дела Шелия. На протяжении всего процесса он постоянно шушукался с адвокатом, и тот изредка похлопывал его по плечу. Но Ильзе не могла не заметить, что лицо защитника было кислым и оптимизм в его глазах угасал с каждой минутой.

«Неужели Ариец действительно на что-то рассчитывает?!» — думала она.

Ильзе едва успевала следить за ходом судебного заседания — настолько быстро и скомканно оно проходило. Наконец слово дали прокурору, и Редер с непроницаемым лицом вышел к трибуне. Его четко поставленный голос постепенно возрастал, набирая сокрушительную силу. Собранные доказательства были абсолютно бесспорны. С присущим ему пафосом и торжественностью Редер представил суду расшифрованные радиограммы русских, а также ту злосчастную расписку, которую нашли при себе у агента-парашютиста Франца, задержанного в квартире Ильзе. Кроме того, в швейцарском банке был обнаружен счет Шелия, на котором числилась внушительная сумма, происхождение которой дипломат не смог внятно объяснить.

Когда пришло время для конкретных обвинений, прокурор бушевал так, что от его громоглас-

ного голоса вибрировал воздух. С полыхающими глазами и побагровевшим от гнева лицом он напоминал дьявола в преисподней.

— Все это безоговорочно доказывает, что обвиняемый многие годы работал на советскую разведку!

Закончив с Шелия, Редер с не меньшим рвением набросился на Ильзе.

— Вы предали германский народ! — с надрывом перечислял он. — То, что вы сделали, ничем, как изменой фюреру, не назовешь! Ваши действия равносильны удару ножа в спину самоотверженным солдатам вермахта! Тем самым доблестным бойцам, которые проливают свою кровь, воюя с преступным режимом большевиков!..

Переведя дыхание, Редер вперил свой злобный взор в Ильзе.

— Взгляните на них, уважаемые судьи, — процедил он, делая широкий жест рукой. — Кто сидит перед вами? Люди, которые руководствовались какими-то соображениями или идеями? У них были какие-то цели? Нет! В основе мотивов подсудимых были исключительно низменные чувства! Советская военная разведка щедро оплачивала труд этих предателей, которые за тридцать сребреников продавали секреты вели-

кой Германии!

Ильзе слушала прокурора с бесстрастным лицом. Лживые и порою оскорбительные высказывания обвинителя совершенно не затрагивали ее душу. С таким же успехом Редер мог пытаться расшевелить каменную глыбу, швыряя в нее песок либо поливая водой. Прокурор бесновался, изрыгая обвинения и проклятия «предателям», и его слова плыли, как обрывки старой размокшей газеты, которую гонит весенний ручей. Ильзе едва вслушивалась в суть его речи…

Она смотрела сквозь судью, прокурора, тюремную охрану, черные шторы и видела своих друзей и близких, которые были так дороги ее сердцу. Причем незримая пленка жизни Штебе словно отматывалась назад. Вот они с Карлом стоят в парке и он нежно целует ее, делая предложение. А здесь Ильзе с матерью готовят жаркое, они шутят и смеются… Вот Гернштадт… А это ее брат Курт Мюллер — как он там сейчас?!.

Она с трудом стряхнула с себя обрывки трогательных воспоминаний, услышав низкий голос председателя суда. Оказалось, Крелль уже несколько минут зачитывал приговор. Он говорил намного быстрее и тише прокурора, и Штебе с огромным трудом удавалось понять, о чем идет

речь. Единственное, что она смогла уловить, это «пособничество врагу» и «шпионаж».

Собственно, дальше можно было и не слушать.

— …была зачитана описательно-мотивировочная часть приговора, — известил судья. — Резолютивная будет готова после того, как приговор утвердит фюрер…

Как только он закончил, к судье метнулся адвокат Шелия, положив на стол какой-то документ. Как позже узнала Ильзе, это было прошение о помиловании.

Спустя несколько минут приговор был отправлен курьером в имперскую канцелярию. Ознакомившись с приговором, Гитлер вынес свое решение, которое уже не имело обратной силы. По сути, это был военный приказ.

Сутки пролетели для Ильзе как одна секунда. В какой-то момент ей даже показалось, что она никуда не выходила из зала суда. И путь, проделанный Штебе до камеры и обратно в зал заседаний, который больше напоминал изощренную пытку, не оставил в ее памяти следа. Мысленно Альта приготовила себя к самому худшему. В отличие от Шелия, который, похоже, все еще продолжал надеяться на чудо.

Наконец утвержденный фюрером приговор

вернулся в суд, и председатель Крелль поднялся со своего судейского кресла, на котором пестрело изображение орла и свастики. Надетая на нем черная мантия делало судью похожим на гигантскую летучую мышь.

— Распоряжение фюрера по приговору военно-полевого суда в отношении Ильзе Штебе и Рудольфа фон Шелия, — сухим отрывистым голосом заговорил Крелль. — «Я утверждаю приговор имперского военного суда от 14 декабря 1942 года в отношении бывшего советника посольства Рудольфа фон Шелия и редактора Ильзе Штебе… Ходатайство о помиловании Шелия отклоняю. Приговоры привести в исполнение, а именно: в отношении Рудольфа фон Шелия — путем повешения. Ильзе Штебе смертный приговор привести в исполнение посредством отсечения головы…»

Судья поднял голову, обведя тяжелым взглядом подсудимых.

— Подпись — Адольф Гитлер, — закончил он и положил приговор на стол. — Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Ильзе не мигая смотрела прямо перед собой. Почему-то ей показалось, что кожу подошв начало слегка покалывать, возникло ощущение

тепла, хотя полы в зале суда были холодные.

«Мост, — сверкнуло в голове. — Я почти дошла до самого конца своего моста…»

К собственному удивлению Ильзе, решение о казни не вызвало у нее потрясения. После обвинительной речи прокурора она не сомневалась, что ей будет вынесен смертный приговор. Наоборот, после заключительного слова судьи Ильзе вдруг почувствовала странную легкость и даже умиротворение. Как будто она присела отдохнуть после долгого и изнурительного пути.

Наконец все будет позади — эти изматывающие бестолковые допросы, жгучая боль, бесконечные пытки… Наконец наступит полный покой…

«Это не самое главное, — шепнул голос матери. — Ты не предала своих друзей… Они будут жить, вспоминая о тебе и твоем подвиге… Потому что ты действительно совершила подвиг, моя девочка…»

Ильзе невольно улыбнулась.

А ведь и правда. Карл, Кегель и супруги Велькиши, с которыми она работала, не предстали перед судом! И в обвинительном заключении нет ни слова о ее женихе и единомышленниках! А значит, они избегут наказания!

Мысль об этом окрылила Ильзе, и улыбка при-

говоренной женщины стала шире.

— Подсудимая Штебе, вам понятен приговор? — услышала она голос судьи.

— Абсолютно.

— У вас есть последнее слово?

— Вы совершите ошибку, казнив меня, — просто сказала Ильзе. — Это называется убийство, а не правосудие.

Крелль и бровью не повел. Похоже, подобное ему приходилось слышать много раз, решила Ильзе.

— Рудольф фон Шелия? — обратился судья к бывшему дипломату. — Вам понятен приговор?

На Шелия было жалко смотреть. Вердикт о казни, казалось, настолько потряс его, что он едва держался на ногах. Сгорбленный, с трясущимися губами и ополоумевшим взглядом, Ариец напоминал больного старика, стоящего одной ногой в могиле. Он переводил беспомощный взгляд с судьи на своего адвоката, но тот усиленно делал вид, что сейчас его куда больше интересуют собственные ногти, от которых он не отрывал взор.

— Я… — промямлил Шелия, слегка покачнувшись. — Ваша честь, я… да, понятен, но я хотел бы…

— У вас есть последнее слово? — холодно пере-

бил его судья.

Шелия бледнел буквально на глазах. Он хотел что-то сказать, но внезапно закатил глаза и, потеряв сознание, грузно осел вниз.

— Очень убедительное последнее слово, — едко заметил Редер, но тут же умолк, встретившись с ледяным взглядом Крелля.

«Господи, спаси мою душу. И твою, Шелия, тоже», — подумала Ильзе, глядя на его бесчувственное тело.

— Охрана, очистить зал! — скомандовал судья, и вахтман потянулся к Ильзе. Пока он снимал с нее наручники и помогал подняться, адвокат пытался привести в чувство Шелия. Наконец тот разлепил веки и пробормотал что-то невразумительное.

Когда в зале никого, кроме адвоката и судей, не осталось, Крелль спросил совершенно спокойным голосом:

— Господа, вам не кажется, что мы пропустили обед?

Адвокат подобострастно улыбнулся:

— Еще есть время, доктор Крелль. Повар сказал, что сегодня в столовой приготовили свежий шницель.

На тонких губах судьи заиграла усмешка:

— Отлично. Давно не пробовал свежий шницель.

21 декабря 1942 года. Берлин Тюрьма Плетцензее. Последняя ночь

Вечером вахтман вместе с ужином принес бумагу и ручку.

— Что это? — удивилась Ильзе.

— Распоряжение тюремной администрации, — пояснил надзиратель. Впервые за все время голос его звучал не надменно, и в нем даже проскальзывало сочувствие. — Ты можешь написать письма родным или составить завещание.

— Какая щедрость, — пробормотала Ильзе, беря в руки лист бумаги. — С вашего позволения я сделаю и то, и другое.

Между тем вахтман не спешил уходить. Прислонившись к стене, он внимательно смотрел на Штебе. У него был такой вид, будто он что-то собирался сказать, но все никак не решался.

— Слух о предстоящей казни дошел до друзей твоего сообщника, — наконец произнес охранник. — Как только объявили приговор, в тюрьму приехал какой-то чиновник из Министерства иностранных дел. Интересовался, что нужно для

отсрочки казни этого… как там? Шелия! Мол, этот Шелия должен передать служебные документы или что-то вроде того… Но Редер был неумолим. «Перед законом все равны, никакой отсрочки, — сказал он. — Приказ самого фюрера».

— Шелия, вероятно, очень расстроился, — предположила Ильзе с рассеянным видом. На самом деле она уже давно перестала думать о бывшем советнике МИДа. С тех пор как Шелия предал ее, он перестал для нее существовать.

— Ты намного сильнее этого червяка, — внезапно заявил вахтман. — Ты могла бы стать уважаемой немкой, если бы была патриоткой. И добилась бы огромных успехов!

Ильзе устало посмотрела на вахтмана:

— Следователь тоже мне говорил что-то подобное. Но каждый из нас выбирает свой путь. Вы решили стать тюремным надзирателем. Я помогала бороться с режимом, который считаю преступным.

Вахтман обескураженно замолчал. Он уже собрался уйти, как сказал:

— У меня есть старые ботинки. Они намного больше, чем тебе требуется, но все же лучше, чем…

— Благодарю, мне ничего не нужно, — покачала

головой Ильзе. При всей нужде в обуви надевать на себя ношенные ботинки человека, который, подгоняя ее дубинкой, таскал на допросы, она не желала.

Надзиратель поджал губы. Похоже, он не ожидал услышать отказ получить задарма обувь от приговоренной к смерти. У которой, кроме рваного окровавленного платья, ничего нет.

— Да, кстати, — вновь заговорил он, и теперь голос вахтмана звучал сухо и официально. — За тобой остается долг. 350 рейхсмарок, это расходы, понесенные в течение предварительного заключения. Их необходимо уплатить в городскую кассу.

На лице Ильзе промелькнуло секундное замешательство, потом она сказала:

— Хорошо. Я укажу это в своем завещании, и моя мать уплатит этот долг. А теперь, пожалуйста, оставьте меня.

Помешкавшись, вахтман ушел.

— Какая дикость, — подала голос Клерхен, все это время молча прислушиваясь к разговору. — Платить за то, что над тобой измываются в тюрьме? За то, что тебя собираются вот-вот…

Она осеклась, словно сама испугавшись тех слов, которые вот-вот готовы были сорваться с

ее языка.

— Да-да, Клерхен, — усмехнулась Ильзе. — Сотрудники тюрьмы тоже должны на что-то жить. Поэтому и ввели эту позорную пошлину для арестованных.

Клерхен только глубоко вздохнула, а Штебе принялась за письмо.

«Дорогая мама…» — начала она, чувствуя, как в ее глазах начала скапливаться влага. Торопливо смахнув слезы, Ильзе продолжила.

Вахтман вернулся за миской спустя час, когда перед ней лежали два мелко исписанных листа.

— Пожалуйста, отправьте это моей матери. Адрес я указала…

— Хорошо, — сказал охранник. Он сложил листки вчетверо и засунул их в карман. — Казнь завтра утром. Мое начальство интересуется, требуется ли тебе священник?

Ильзе задумалась. А действительно, нужно ли ей исповедаться перед смертью? Покаяться в грехах? Которых и вправду успело немало накопиться за все эти тридцать с лишним лет?!

«Кому и зачем это надо? — размышляла она. — Рассказывать постороннему, пусть и служителю церкви, о своих горестях и печалях? Нет, пусть это все останется со мной».

— Благодарю, но священник не нужен.

— Как знаешь, — пожал плечами вахтман.

Когда он закрыл за собой дверь, Клерхен не выдержала:

— Как ты можешь быть такой спокойной, Ильзе?! Я не знаю, что бы я делала, если бы мне осталось жить меньше суток! Боже…

Выслушав сокамерницу, Штебе сказала:

— Я верю, что каждый из нас рождается, чтобы сделать что-то в этой жизни. Что-то очень важное и весомое, каждый человек должен оставить после себя след. То, что будут помнить потомки…

— Извини, но Гитлер тоже оставит после себя след, — понизив голос, возразила Клерхен. — И, подозреваю, его еще много лет будут проклинать за ту войну, что он развязал… Так что след следу рознь.

— Это бесспорно, — согласилась Ильзе. — Я сейчас говорю о том, что каждый из нас должен пройти свой путь. Даже не путь, а… мост. Мост, который всегда разный. Иногда он подвесной и так качается от ветра, что порою трудно устоять на ногах. А бывает, что он прочный и ровный, как асфальтовая дорога. Мост может оборваться…

«А может сгореть», — добавила она про себя.

— …но его должен пройти каждый в своей жиз-

ни. И знаешь, Клерхен, я уверена, что я сделала это. Моя душа спокойна. Я всегда была за мир и посвятила свою жизнь делу, которое способствовало его приближению. Ценой своей жизни я спасла четырех человек. Эти люди мои друзья, трое мужчин и женщина… Они будут жить. Я надеюсь, долго и счастливо.

Клерхен молча встала с койки и, подойдя к Ильзе, крепко обняла ее.

— Я могла только мечтать о таком преданном друге, как ты, — прошептала она.

— У тебя все будет хорошо, Клерхен, — ответила Ильзе. — Я верю, что ты сможешь выбраться отсюда.

Шел первый час ночи, и вскоре Клерхен легла спать, а Ильзе принялась за новое письмо. Завтра утром она отдаст его своей сокамернице. Дай бог, чтобы та передала его по адресу…

Когда письмо было закончено, Ильзе достала из-под прелого матраса свернутый чулок. Она вывернула его наизнанку, и наружу выпала тоненькая цепочка, блеснув золотом. Невероятно, но Ильзе удалось сохранить ювелирное украшение еще тогда, в день ареста. Некоторое время она любовалась цепочкой, потом положила ее рядом с письмом. После этого Ильзе легла на койку,

устало прикрыв веки.

Она не будет думать о плохом. Ильзе была твердо убеждена, что все, что происходит с людьми, предопределено свыше небесами. Богом, если на то пошло. И ничего просто так не бывает. Вместо того чтобы изматывать себе нервы накануне предстоящей казни, до которой оставались считаные часы, она будет думать о своей маме. О Карле. О своей юности и детстве…

Воспоминания о тех далеких событиях перенесли Штебе в глухую деревеньку, где она с мамой проводила лето в 1919 году. На тот момент Ильзе исполнилось всего восемь лет, когда случился страшный пожар…

Август, 1919 год. Баден-Вюртемберг, район Ротвайль На волоске от смерти

Это произошло в окрестностях деревни Шильтах на реке Кинциг. Мама привезла маленькую Ильзе в дом своей двоюродной сестры, у которой они прожили почти весь август. Чистый воздух, прозрачная речка, солнце, загорелая детвора и куча свободного времени — что еще может быть прекрасней?!

Ильзе тут же познакомилась с местной девочкой по имени Эмма, которая была младше ее на два года. У Эммы был маленький брат Вилли, с которым ее часто оставляли родители, пока находились на работе. В тот злополучный день Вилли нездоровилось, и Эмме пришлось сидеть дома, чтобы присматривать за братом. Между тем вся ватага ребят намеревалась отправиться на речку, не хватало только Эммы. Мальчишки долго уговаривали ее пойти со всеми, и, наконец, та сдалась. Лишь с одним условием — Эмма должна уложить спать Вилли. И вернуться она должна не позже чем через пару часов. Она рассчитывала,

что Вилли за это время не успеет проснуться. А если успеет, то ничего страшного за несколько минут с ним не произойдет. Дальнейшие события показали, что Эмма сильно ошибалась.

Дети спокойно ушли на речку, и спустя какое-то время Ильзе напомнила Эмме, что ей пора возвращаться. Но ее новая подруга, казалось, совсем забыла о младшем брате и только беспечно махала рукой: «Потом!»

Как потом выяснилось, Вилли вскоре проснулся. Не увидев рядом с собой сестры, он, очевидно, решил, что можно заняться взрослыми делами. Спустившись со второго этажа вниз, Вилли забрел на кухню, где наткнулся на керосиновую лампу. Уже потом заплаканный мальчик признается, что хотел самостоятельно зажечь ее, но что-то, как часто бывает в подобных случаях, пошло не так. Судя по всему, лампа разбилась и горящий керосин попал на пол, который, как во всех деревенских домах, был деревянным. Пламя мгновенно охватило всю кухню, и ошарашенный Вилли, вместо того чтобы бежать на улицу, поспешил наверх, в свою комнату. Там он спрятался под кровать, рассчитывая, что это самое надежное место…

Крики о пожаре стали доноситься до детворы,

когда они, уставшие и довольные, загорали в душистой траве. Эмма не сразу поняла, о каком горящем доме идет речь, а когда до нее дошло, тут же разревелась. Ильзе схватила ее за руку, и они помчались в деревню.

Когда они прибежали к дому, из окна первого этажа уже вырывались клубы серого дыма. Деревянное строение стонало и потрескивало, напоминая умирающего старика. На беду, из взрослых в деревне было всего несколько старух, которые только и могли, что причитать. Кто-то из ребят вскочил на велосипед и понесся в город, чтобы сообщить о пожаре.

«Вилли! — завизжала Эмма, в ужасе глядя на полыхающий дом. — Вилли в доме!»

Действительно, брата Эммы нигде снаружи не было. Опасения детей подтвердились, когда сквозь шум огня откуда-то сверху донесся жалобный плач.

«Его надо вытащить! — закричала Ильзе. — Он ведь сгорит там!»

Она обвела взором столпившихся мальчишек. Еще двадцать минут назад они соревновались между собой, стараясь поразить девчонок — носились наперегонки, ныряли в глубину, пытаясь пересидеть под водой друг друга, кто дольше… Но

сейчас, обводя взором лица ребят, Ильзе видела лишь растерянность, к которой примешивался страх. И когда прозвучал вопрос, кто смог бы взобраться по лестнице на второй этаж, чтобы вытащить брата Эммы, все потупили взгляды.

«Ставьте лестницу», — сказала Ильзе, скидывая стоптанные сандалии, — она решила, что взбираться наверх будет удобней без обуви. Мальчишки подняли старую деревянную лестницу и прислонили ее к стене дома. Кто-то из них робко сказал, что, возможно, лучше дождаться взрослых, но Ильзе только махнула рукой. Пока сюда придут взрослые, дом сгорит дотла.

Она взлетела наверх в одно мгновенье. Ребята крепко держали лестницу, глядя наверх.

Вздохнув поглубже, Ильзе скользнула в открытое окно. Дым оттуда пока еще не шел, и это обнадеживало юную спасательницу.

«Вилли?!» — закричала она, крутя головой. Судя по всему, это была спальня родителей. Ильзе выскочила в коридор, со страхом прислушиваясь — внизу вовсю бушевало пламя. Весь первый этаж был объят огнем, его оранжевые пальцы уже тянулись к лестнице, ведущей на второй этаж.

«Вилли!» — снова позвала Ильзе, с облегчением услышав детский плач. Она толкнула дверь,

оказавшись в соседней комнате.

«Вилли, ты где?»

Плач доносился из-под кровати, и Штебе встала на четвереньки. На нее тут же уставились блестящие глаза мальчика, расширенные от ужаса.

«Ты кто? — спросил он, шмыгая носом. — Где Эмма?»

«Эмма ждет тебя снаружи. Иди ко мне скорее, нам нужно выбираться», — сказала Ильзе. Долго уговаривать Вилли не пришлось, и через секунду он уже вцепился в нее, как насмерть перепуганный котенок.

Держа мальчугана на руках, Ильзе вышла из комнаты и тут же закашлялась — по второму этажу уже плыл едкий удушающий дым.

«Набери побольше воздуха, как будто ты собираешься нырнуть. И постарайся не дышать», — сказала она Вилли. Тот согласно кивнул, раздув щеки.

Внизу что-то грохнулось, подняв сноп искр, и девочка убыстрила шаг. Тем временем пламя перекинулось на ступеньки, сквозь щели деревянного пола уже просачивался дым, и это не на шутку напугало Ильзе. Поскорее бы добраться до окна, где стоит лестница!

Сквозь плотную завесу дыма она не сразу

нашла нужную комнату, теряя драгоценные секунды. Между тем воздух у Вилли закончился и он сделал вдох, тут же поперхнувшись. У Ильзе начала кружиться голова, и она стиснула зубы, мысленно приказывая себе собраться. Ведь осталось совсем немного!

Огонь, словно понимая, что его жертва пытается ускользнуть из жаркого капкана, следовал за детьми буквально по пятам. И когда Ильзе наконец нашла спальню, там уже начал гореть пол…

«Спокойно. Все будет хорошо», — успокаивала себя Ильзе. Она ощущала голыми подошвами усиливающий жар досок, на которые ступала. Вот одна хрустнула, и она торопливо отдернула ногу обратно. Наступила на другую, та была горячей, но выдержала вес Ильзе с ребенком. Вилли начал плакать.

«Мы уже почти выбрались», — сказала она, слезящимися глазами глядя на окно. До него было где-то три-четыре полноценных шага, и в обычной обстановке Ильзе преодолела бы это расстояние за пару секунд. Но сейчас, когда доски под ногами трещали, а сквозь щели уже пробивалось пламя, этот путь казался девочке невероятно долгим.

«Я на мосту, — внезапно подумала Ильзе. —

Мне только нужно делать правильные шаги. И этот «мост» выдержит меня… И меня, и Вилли».

Один шаг. Пятку обожгло, и она зашипела от боли. Дым уже не просто сочился, он валил клубами, отчего дышать становилось невозможно. Ильзе прижала голову Вилли к своей груди, щурясь и кашляя. Снаружи кто-то кричал, какая-то девочка (кажется, Эмма) постоянно звала Ильзе по имени…

Еще один шаг, доска под ногой неожиданно хрустнула, и она едва не упала от неожиданности. За спиной уже шумел огонь — быстро справившись с лестницей, он распространился по всему коридору и теперь был близок как никогда.

Третий шаг, последний. Расстояние, отделяющее детей от спасения, сократилось до одного метра, и Ильзе подалась вперед, едва не вывалившись из окна. Увидев ее, стоящие внизу дети возбужденно закричали, показывая куда-то на стену. Повернув голову, Ильзе едва сдержала крик — пламя уже вырвалось наружу, жадно поглощая стены дома. Верхушка лестницы тоже загорелась, так что рассчитывать на нее не приходилось.

Вилли снова начал плакать, елозя в руках, и девочке стоило громадных усилий не выронить

мальчика.

«Прыгать, — пронеслось у Ильзе в голове. — Второй этаж — не так уж высоко. Уж лучше сломать ногу, чем задохнуться здесь… Только… Как же Вилли?!»

— Бросай мальчишку! — внезапно раздался громкий крик, и она наклонилась вниз. Прямо под окнами стояло двое крепких мужчин, держа в руках растянутое одеяло.

— Не бойся! — крикнул один из них, и Ильзе наклонилась к Вилли.

— Слышишь? — сказала она на ухо визжащему мальчугану. — Не бойся!

Секунду помедлив, она вытащила Вилли наружу и, вздохнув, развела руки в стороны. Ошалевший от страха Вилли даже умолк на мгновенье. Приземление его было удачным, и спустя секунду его уже обнимала Эмма.

— Прыгай! — закричали снизу, и Ильзе перекинула ногу через окно. Огонь был так близко, что она чувствовала его раскаленное дыхание, от которого у нее начали плавиться волосы и ресницы…

Прыжок Ильзе был не таким удачным — в последний момент уголок одеяла выскочил из руки одного мужчины, и она сильно ударилась

коленом об землю.

Но все равно это была победа.

Конечно, было жаль сгоревшего дома, за который потом Эмме крепко влетело от родителей. Но никакой дом не стоил жизни ребенка. Это Ильзе четко усвоила, когда тем же вечером к ним примчалась мать Эммы, осыпая ее поцелуями вперемешку со слезами…

«Я просто представила себе, что иду по мосту», — сказала она, слабо улыбнувшись. У Ильзе все еще кружилась голова, и во рту было горько от дыма, но в целом она чувствовала себя неплохо.

«Ты спасла моего мальчика, — твердила мама Вилли. — Ты необыкновенная и смелая девочка, Ильзе! Мы будем помнить о твоем подвиге всю жизнь!»

Ильзе вздохнула, глядя на серый потолок камеры. Как давно это было! А кажется, будто этот пожар произошел буквально на днях…

«Пять человек, Ильзе. Ты спасла не четырех человек, родная. А пять», — вдруг зазвучал в ее голове голос матери. — Ты забыла о Вилли, милая. Даже не пять, а шесть — ты спасла мать Вилли. Только представь, какая жизнь ждала бы эту бедняжку, если бы Вилли заживо сгорел в доме?!»

— Я надеюсь, что этот Вилли стал хорошим

человеком, — вслух прошептала Ильзе.

Мост, на который она вступила много лет назад, оказался очень длинным. И завтра утром ей предстоит дойти до самого конца.

Она уснула с улыбкой на губах. Эту последнюю ночь в своей жизни Альта спала спокойно, и ее сон был крепким.

22 декабря 1942 года. Берлин Тюрьма Плетцензее. Казнь

Утром вахтман принес завтрак. Он состоял из слипшейся ячменной каши, которая была холодна и по вкусу напоминала сырые опилки. Но Ильзе съела ее с удовольствием. Это был последний завтрак в ее жизни.

— Будь готова, — сказал ей надзиратель, забирая пустые миски. — Через час я за тобой приду.

Как только он ушел, Ильзе достала из-под матраса письмо с маленьким конвертом, который она смастерила этой ночью из листка бумаги.

— Клерхен, у меня к тебе будет большая просьба, — сказала она, передавая все это удивленной соседке. — Это письмо для Карла, моего любимого человека, за которого я так и не успела выйти замуж. В конверте моя цепочка, это тоже для него. Я почему-то верю, что тебя скоро выпустят. Пожалуйста, найди возможность передать это Карлу. Он в тюрьме на Принц-Альбрехт-штрассе. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Конечно, но… а почему ты не отдала его вместе с завещанием вахтману вчера вечером? —

спросила Клерхен.

— Видишь ли, у меня большие сомнения, что тюремщики станут передавать письма тем, кто связан со мной. Тем более если к посланию прилагается золотая цепочка. И вообще, Карл может расценить это как провокацию и отказаться взять письмо…

— Я все поняла. Спасибо, что доверяешь мне.

«А разве у меня есть выбор?» — грустно подумала Ильзе.

Забрав письмо с конвертом, Клерхен неожиданно расплакалась. Она села на койку к Ильзе, и та крепко прижала женщину к себе, чувствуя, как содрогается ее хрупкое тело.

— Ну, хватит, — мягко успокаивала Штебе сокамерницу. — Все будет хорошо. Я сердцем чувствую, что ты скоро обретешь свободу.

— Мне… мне так будет не хватать тебя, — всхлипывая, сказала Клерхен. — С тобой я ощущала себя так уверенно! Будто у меня была надежная защита…

— Лучше расскажи мне о своей семье, — предложила Ильзе. — О маме, об отце… У тебя есть брат или сестра?

Вытерев слезы, Клерхен кивнула. Потом она начала говорить.

А спустя десять минут женщины уже смеялись, обсуждая, как брат Клерхен, удирая на велосипеде от отца своей подружки, недовольного их встречами, свалился в воду…

За пять минут до прихода вахтмана Клерхен неожиданно посерьезнела и сказала:

— Я хочу, чтобы ты шла в свой последний путь со спокойной душой, Ильзе. Вчера на допросе следователи говорили между собой. Советская армия наконец-то перешла в наступление. Огромное войско Гитлера окружено под Сталинградом. И его участь предрешена.

В коридоре раздались шаги, и Ильзе сжала руку Клерхен.

— Значит, моя работа все-таки не пропала даром… — прошептала она.

— Ильзе Штебе, на выход, — приказал вахтман.

Ильзе обняла Клерхен:

— Будь счастлива, моя дорогая подруга. И проживи за меня долгую жизнь. Поверь, я умираю совершенно спокойно. Частичку своего сердца я передаю тебе, моим друзьям и близким.

Она с трудом поднялась на ноги, и вахтман протянул ей костыль.

Третий блок тюрьмы, где была запланирована

казнь, располагался во флигеле. Узкий коридор был выстлан новой дорожкой из зеленого линолеума. Возле дверей, ведущих в зал казни, стояли одиннадцать гробов, обитых черной материей. Это означало, что одиннадцать приговоренных сегодня найдут свою смерть — кто в петле, а кто на гильотине…

Ильзе ввели в зал, сняв с нее наручники. Внутри царил унылый полумрак, посреди сумрачного зала стоял громадный деревянный стол со скамьей. Вторая часть помещения была отгорожена черным занавесом, и Ильзе поняла, что, когда начнутся казни, его отодвинут. Как в театре, только вместо представления здесь будут демонстрировать, как приводят в исполнение смертные приговоры.

Вахтман забрал у нее костыль и, бросив на прощание хмурый взгляд, ушел, а рядом тут же вытянулся по струнке другой надзиратель. Стоять на одной ноге было неудобно, и Штебе прислонилась к стене, но гневный окрик охранника заставил ее отшатнуться.

— Неужели вам трудно поступиться своей инструкцией? Разве вы не можете позволить мне немного перевести дух? — только и спросила она.

— Ничего, потерпишь, — сквозь зубы выговорил тот.

— Будет тебе, Отто. Оставь девушку в покое, — внезапно раздался за спиной голос, от которого Ильзе вздрогнула. Она обернулась, не веря своим глазам, — перед ней стоял Вальтер Хабеккер, криминальный комиссар гестапо. На этот раз на следователе был черный парадный мундир, голову украшала фуражка, на которой тускло поблескивал череп со скрещенными костями. — Доброе утро, фройляйн Штебе, — улыбнулся он с таким видом, словно встретил Ильзе где-то на набережной в солнечный день, а не в зале казни. — Хотя для некоторых это утро вряд ли будет добрым.

— Здравствуйте, господин следователь. Вы пришли полюбоваться, как мне отсекут голову?

Хабеккер завел руки за спину, начав лениво перекатываться с пятки на носок.

— Считайте, что я хотел проводить вас в последний путь, — уклонился он от прямого ответа.

— А как же ваш коллега и приятель Штрюбинг? — не отставала Ильзе. — Он много потеряет, не увидев этой казни.

— Не скрою, Штрюбинг очень хотел прийти, — заверил ее Хабеккер. — Но его загрузили работой,

не терпящей отлагательств.

— Как жаль.

— Вы и здесь продолжаете шутить, Ильзе, — усмехнулся гестаповец. — На самом деле я хотел задать вам всего один вопрос. У вас ведь было все — работа, прекрасная внешность, любимый человек… Насколько мне известно, у вас есть дача в Швейцарии, где вы могли бы спокойно отдыхать с вашим будущим мужем! Вы так молоды и могли бы трудиться во благо Германии. Но вы выбрали другой путь, Ильзе. Путь предателя и шпиона. Вы отлично знали, чем все это может для вас закончиться. Зачем вы это сделали? Вы собственными руками разрушили свою жизнь! Во имя чего?

Ильзе внимательно выслушала следователя и, когда он закончил, ответила:

— Боюсь, вам меня не понять, герр Хабеккер.

— И все же попытайтесь. Сейчас мы с вами разговариваем на равных, как человек с человеком.

— Видите ли, мы с вами по-разному любим свою страну, — произнесла Штебе. — Я мечтаю, чтобы немцы жили свободно и без страха перед тайной полицией или партией фюрера. Чтобы Германия дружила и сотрудничала с другими странами, а не воевала с ними, пытаясь отгрызть кусок территории. Чтобы молодые немцы писали стихи,

сочиняли музыку, рисовали картины, строили карьеры, а не умирали на полях сражений. Чтобы юные мальчишки из гитлерюгенда гоняли в футбол и влюблялись, даря девочкам свои первые цветы, а не маршировали строем, крича во весь голос: «Хайль Гитлер!» И я верю, что моя смерть хоть чуточку приблизит это счастливое время, она не будет напрасной. А вот вас мне искренне жаль, герр Хабеккер.

При этих словах безмятежное лицо следователя приняло хмурое выражение.

— …не обижайтесь, но я вижу в ваших глазах беспокойство, — продолжала Ильзе. Она обратила внимание, что стоящий рядом вахтман слушал ее с неподдельным интересом. — Потом это беспокойство сменит тревога. И совсем скоро — страх. Дикий неприкрытый страх, который будет вас преследовать до конца жизни. Снимайте ваши погоны и бегите, пока не поздно.

— Вы сошли с ума, Штебе, — нервно хохотнул следователь.

— Увы, я совершенно нормальная. А вот Гитлер всех вас заразил своим бешенством.

В зал в сопровождении еще одного охранника и тюремного доктора вошел прокурор Редер. Равнодушно глянув в сторону Ильзе, он расположился

за столом.

— Прощайте, — процедил Хабеккер. — Пусть теперь с вашими мечтами разбирается Господь.

— Прощайте, — прошептала Ильзе, и тот отошел в тень, слившись с темнотой.

Тем временем Редер открыл бумажную папку, вытащив наружу какой-то документ. Пробежав по нему глазами, он снова посмотрел на Ильзе, затем кивнул вахтману, и тот толкнул ее в направлении стола. Костыля у Штебе уже не было, и эти два метра, пока она, подволакивая раздувшуюся ногу, ковыляла к столу, отняли у нее последние силы. Боль была такой оглушающей, что она едва не потеряла сознание.

— Ильзе Штебе, — размеренным и привычным голосом начал военный прокурор. — Решением Главного Имперского суда вы приговорены к смертной казни, которая будет проведена путем отсечения головы. Приговор обжалованию не подлежит. Вам все понятно?

— Все, господин прокурор.

Выждав небольшую паузу, Редер спросил:

— Может, желаете сигарету?

Искусанные в кровь губы Ильзе тронула снисходительная улыбка:

— Я не курю.

Сидящий рядом с прокурором доктор зевнул и посмотрел на часы.

— Облеченный властью, данной мне фюрером, партией и германским народом, приказываю привести приговор в исполнение, — отчеканил Редер. Каждое произнесенное им слово напоминало гвозди, вколачиваемые в крышку гроба. — Палач, приступайте!

В горле Ильзе застыл комок, который никак не желал проскальзывать вниз. Словно в замедленной съемке она смотрела, как чья-то рука в белой перчатке отодвинула черный занавес, выставляя на обозрение гильотину. Жуткое орудие казни, добравшееся до девятнадцатого века… Взор приговоренной женщины помимо собственной воли устремился на тяжелый нож с косым лезвием, который замер на верхней раме устройства.

«Еще пару минут, и он опустится на мою шею».

Всеобъемлющий страх сковал все тело Ильзе, и только усилием воли она держала себя в руках.

Будто из ниоткуда материализовались две сухопарые фигуры — палач и его помощник. На первом были цилиндр и долгополый черный рединготт, с которым странно контрастировали белые перчатки. Ассистент палача был облачен в темный траурный костюм, его тонко сжатые

губы напоминали бескровный разрез.

Молча, словно призраки, они приблизились к Штебе и потащили ее к гильотине. Ильзе не сопротивлялась. Странно, но как только ее подхватили эти крепкие руки в белых перчатках, ком в горле мгновенно растворился. И — небывалое дело! — боль в ноге тоже утихла.

Пока помощник укладывал ее на скамейку, палач проверял рычажный механизм, который отпускал защелку, удерживающую нож.

— Знаешь, в летописях говорилось, что корзину для головы часто меняли, — внезапно сообщил ассистент, закрепляя шею Ильзе двумя досками с выемками. Она смотрела на него ничего не выражающим взглядом. — Мол, отрезанная голова еще несколько секунд сохраняет активность и даже способна прогрызть дыру в корзине, — продолжал нашептывать помощник палача. Когда с досками было закончено, он начал пристегивать запястья и щиколотки Штебе кожаными ремнями. — Поэтому скоро корзины стали делать из железа…

— Пусть Господь спасет ваши души, — чуть слышно промолвила Ильзе, и тот плотоядно улыбнулся:

— Это еще не все. Однажды…

— Замолчи, — велел палач, и тот сразу затих.

Ильзе закрыла глаза.

Время тянулось изнуряюще медленно, и она молилась.

Когда молитвы закончились, перед ее глазами снова возник образ моста. Бесконечно длинного моста, размером в тридцать один год… Вся ее жизнь — мост, который она наконец прошла.

Прошла с достоинством, а огонь, дым и прочие неурядицы остались далеко позади.

Воображение Ильзе рисовало ей чудесную картину — ее ноги в полном порядке, и она бежит по траве, мокрой от утренней росы. Она смеется от счастья. Впереди Карл, он улыбается, распахнув объятия, чтобы крепко обнять Ильзе…

Визжащий звук оборвал этот незабываемый образ, и перед глазами Альты вдруг все стало ослепительно-белым…

Некоторое время после этого царила звенящая тишина, был слышен только тихий шелест — это палач с помощью веревки поднимал пятидесятикилограммовый нож обратно наверх.

Откашлявшись, Редер поднялся из-за стола.

— Приговор приведен в исполнение, — громогласным голосом объявил он и вскинул руку. — Хайль Гитлер!

Тюремный врач безразлично взглянул на обезглавленное тело Ильзе и снова зевнул:

— Она мертва. Можно было и не звать меня для констатации факта смерти. Если повешенный вдруг и правда мог прийти в себя, когда его вынимали из петли, то я ни разу не видел, чтобы безголовый вдруг поднялся со скамьи…

Он хотел добавить что-то еще, но Редер пресек дальнейшие рассуждения:

— Правила для всех едины.

Врач вылез из-за стола, заметив:

— Как она вообще могла ходить с такой ногой?

Палач снова задвинул штору, его ассистент в это время снимал ремни с еще теплого тела Ильзе.

— Следующий — Рудольф фон Шелия! — объявил Редер, и палач шагнул к одной из кабинок, где для бывшего дипломата была приготовлена виселица.

Хабеккер не стал дожидаться казни Арийца. С каменным выражением лица он надел плащ и молча вышел из флигеля. На улице шел снег, и следователь вжал голову в плечи, ежась от холода. В глазах гестаповца застыла глухая тоска. Как он ни старался, из головы не выходили разговор с Ильзе и ее слова насчет бегства. И какое-то ше-

стое чувство нашептывало ему, что из этого боя, как ни странно, Альта вышла победителем.

Вечером, когда все одиннадцать приговоренных были казнены, их трупы, как и тело Ильзе, положили в гробы. Этой же ночью они были сожжены в крематории.

30 декабря 1942 года. Москва Главное разведывательное управление

Рабочий день близился к завершению, и капитан Родион Быков с позывным Профессор озабоченно взглянул на часы. Почти шесть. Генерал Ильичев, их новый начальник, уехал в Народный комиссариат обороны поздравлять своих сослуживцев, поэтому в управлении царило предпраздничное настроение. Этому, кроме приближающегося Нового года, также способствовали обнадеживающие новости с фронта, где наконец-то начались активные подвижки.

Ожесточенная битва под Сталинградом близилась к своему завершению, грозя полным разгромом многотысячному войску Гитлера. Так, на днях советскими подразделениями был уничтожен аэродром вермахта, на котором располагалось более трехсот самолетов, а еще вчера разгромлена целая пехотная дивизия немцев. Группировка вермахта полностью окружена и расколота, и в настоящее время Красная армия методично уничтожала ее по частям.

Отключив радиоаппаратуру и прихватив папиросу, Родион вышел в коридор, наполненный запахом соленых огурцов и рыбных консервов, — в одном из кабинетов уже кто-то начал праздновать Новый год.

«Покурю, и домой», — решил капитан, спустившись на первый этаж, где сотрудники в перерывах обычно устраивали перекур. Он зажег спичку, прикуривая папиросу, как вдруг увидел, как из проходной к лестнице направился крупный мужчина в военном бушлате, в руках которого был кожаный чемодан. Это был фельдъегерь Владимир, которого Родион давно знал, и он приветственно махнул рукой, когда тот заметил его.

— Родион, сколько лет, сколько зим! — улыбнулся посыльный, снимая ушанку.

— Привет, Володя, — сказал Родион, пожимая его крепкую руку.

— Извини, остановился бы поболтать, но мне еще в Кремль заскочить надо, — с извиняющимся видом сообщил Владимир. — Генерал у себя?

Родион покачал головой:

— Уехал, и, скорее всего, его не будет.

— Понял. Пакет-то хоть есть кому передать?

— Конечно, там дежурный есть.

Владимир уже намеревался уйти, как сказал:

— Да, там еще для вашего управления прессу передали. Я оставлю в приемной.

— Хорошо, — кивнул капитан.

Докурив, Родион поднялся на этаж и снова столкнулся с Владимиром.

Тот сунул в руки капитана пачку газет:

— У вас там вовсю уже праздник, везде закрыто. Распишись вот тут, что ты получил… А я побегу, и так опаздываю.

Зайдя к себе в кабинет, Родион сорвал бумагу, в которую была завернута пачка газет, доставленных из зарубежья. Это была стандартная практика, и не было ничего необычного, что, помимо прочего, к ним стекались сведения также из официальных источников. В частности, свежая пресса поступала даже от их врага, Германии. Эти газеты высшему руководству СССР доставлялись регулярно через посредников из Болгарии и Румынии.

В этот раз из немецкой прессы было два издания — еженедельник «Дер Стурмер» [24] и газета

---

[24] Примечания: 24

В переводе с немецкого означает «Штурмовик», выходил в Веймарской республике и нацистской Германии с апреля 1923 года до февраля 1945 года. В нем публиковались статьи, возбуждающие ненависть против евреев, коммунистов и других «врагов» Третьего рейха.

«Дас Рейч» [25].

Журнал не вызвал у радиста никакого интереса, а вот газета, пахнущая свежей типографской краской, приковала взор Родиона с первой же страницы. Он не мог оторвать глаз от изображения женщины в разорванном платье, которая дерзко смотрела в объектив фотокамеры.

Родион не мог не отметить, что женщина красива и полна решимости, даже в этом неприглядном платье и с изможденным лицом со следами побоев.

Надпись под фотографией гласила:

«*Verrater zum tode verurteilt*» [26]

Родион сдвинул брови. Он знал немецкий на уровне трех-четырех общеизвестных фраз, вроде «ахтунг» и «хэнде хох», но, мельком проглядев статью, размещенную рядом с фотографией незнакомки, не мог не обратить внимания на слово Alte.

«Альта», — мысленно произнес Родион, морща лоб. Среди других позывных, от которых радист

---

[25] Примечания: 25

Еженедельная газета, основанная в мае 1940 года министром пропаганды Йозефом Геббельсом. К 1944 году ее тираж составлял 1 млн 400 тыс. экземпляров. В газете содержались новостные репортажи на военные и политические темы.

[26] Примечания: 26

«Предатель приговорен к смерти» (*нем.*).

ежедневно получал донесения, этот запомнился ему очень хорошо. Хотя бы потому, что накануне войны от агента с этим псевдонимом поступало много сообщений о предстоящем вторжении Германии…

Даже несведущему человеку было понятно, что размещение фото избитой женщины в газете, подотчетной Геббельсу, не сулило ей ничего хорошего.

В кабинет заглянул мужчина в военной форме с лейтенантскими погонами:

— Родион, а ты чего здесь скучаешь один? У нас там все давно готово, айда к нам!

Капитан оглянулся:

— Егор, послушай… Ты же немецкий всегда на отлично сдавал?

— Ну, а что надо? — нетерпеливо спросил тот.

— Переведи статью, тут немного, — попросил Родион, и лейтенант нехотя зашел в кабинет. Взяв газету в руки, он быстро пробежался глазами по строчкам. Егор беззвучно пошевелил губами, словно проверяя себя, затем быстро заговорил:

— 22 декабря сего года решением Главного Имперского суда казнена советская шпионка Ильзе Штебе, которая действовала под псевдонимом Альта. Вступив в преступный сговор с

советником Министерства иностранных дел Рудольфом фон Шелия, она собирала сведения для советской военной разведки. Альта и Шелия были арестованы гестапо, и дипломат согласился сотрудничать со следствием. Что касается подсудимой, то она ни в чем не созналась и не раскаялась в тяжком преступлении. Приговор приведен в исполнение путем обезглавливания. Сообщник Альты Шелия тоже казнен. Приговоренные лишены всех гражданских прав…

Егор отложил газету:

— Все. Так ты идешь?

— Нет, спасибо.

— Как знаешь.

Лейтенант убежал, а Родион еще раз взял в руки газету.

В голове, словно эхо, все еще вспыхивали жуткие слова:

«…Приговор приведен в исполнение путем обезглавливания…»

Он знал, что некоторое время назад канал между Альтой и Центром, по которому регулярно сообщались важные сведения, был прерван. И все попытки Москвы наладить связь с резидентурой в Берлине были бесплодными. А теперь выяснилось, что фашисты казнили одного из самых

ценных агентов…

Вздохнув, капитан подошел к окну, за которым уже сгустились сумерки. Шел снег, плавно кружась в вечернем воздухе, а из коридора слышался веселый смех.

Шла война, жестокая и кровопролитная. Люди погибали каждый день, и сердце радиста со временем очерствело, когда до него ежедневно доходили новости о жертвах, будь то военные или простые обыватели. Погибали и разведчики, никуда от этого не деться. Профессор давно работал радистом, принимая и передавая донесения, и не особенно вникал в конспиративную работу. Иногда он слышал, как тот или иной агент попался, допустив оплошность. И очень часто вместо простого выдворения из страны его судили как шпиона, приговаривая к высшей мере. Но почему-то известие о казни именно этой немецкой женщины тронуло Родиона до глубины души, и сейчас он чувствовал щемящую боль в груди.

Капитан вспомнил, что однажды, когда еще немцы готовились к наступлению на Советский Союз, кто-то из начальников принес личное дело Альты и он краем глаза увидел ее фото. Родион не знал, в чем была причина, но впоследствии он часто вспоминал Ильзе Штебе и иногда даже

стыдился своих мыслей — ведь он был женат и имел двоих детей!

Красивая женщина с глубоким взглядом. Совсем молодая, ей наверняка около тридцати. Вот и все, что он знал о ней. А еще, что именно Ильзе одна из первых сообщила о неминуемой войне с Гитлером…

«Она была простой немкой, которая отдала свою жизнь за мою страну», — подумал Родион, глядя на хлопья снега.

Ему вдруг неожиданно захотелось как можно быстрее оказаться дома и обнять свою жену Лену. Она наверняка уже ждет его.

Послесловие Альта

В те холодные и безрадостные дни накануне Рождества расправа над членами «Красной капеллы» только набирала обороты.

По результатам судебных заседаний к смертной казни были приговорены десятки осужденных. Вот только небольшой список этих самотверженных борцов Сопротивления:

радист Курт Шульце, доктор Арвид Харнак и его жена Милдрид, племянник Харнака Вольфганг Хавеман, офицер люфтваффе Харро Шульце-Бойзен и его жена Либертас, пекарь Эмиль Хюбнер, владелица конспиративной квартиры Клара Шабель и ее сын Лео, студентки Урзула Гетце и Ева Мария Бух, поэт и драматург Адам Кукхоф, графиня Эрика фон Брокдорф, инженер-проектировщик Карл Беренс, токарь Ганс Коппи и его жена Хильда, фотокорреспондент Иоханнес Граученц, жестянщик Вальтер Хуземан, скульптор Ода Шотмюллер, хозяйка швейной мастерской Анна Краус и многие другие…

Сводный брат Ильзе Курт Мюллер тоже был схвачен гестапо и казнен в 1943 году.

Интуиция не подвела Альту. Спустя полтора месяца после казни Ильзе ее сокамерница Клерхен Тухола была освобождена. Следствие не усмотрело в ее действиях преступного умысла, при этом мужа Клерхен судили, и он был приговорен к смерти через повешение.

Помня о просьбе Ильзе, Клерхен смогла передать посылку для Карла Хельфриха, которого к тому времени перевели в обычную тюрьму. Вместе с теплыми вещами Клерхерн положила цепочку с письмом, которое в ту ночь написала для него Штебе.

Карл развернул конверт, и на его ладонь выпала золотая цепочка. Он замер, сжав ее в кулаке, и принялся вчитываться в строчки, написанные каллиграфическим почерком.

«Увы, любимый… Моя судьба уже решена… Нет необходимости клясться тебе в том, что я не совершала предательства, я знаю, что ты мне веришь. Все, кто меня знал, будут единодушны в моем выборе, и я не жалею о нем! Именно это помогает принять мне жестокий конец… Я верю, что у тебя все будет хорошо, дорогой Карл. С любовью, твоя Ильзе».

О дальнейшей судьбе Клерхен, с которой Ильзе провела последние дни своей жизни, неизвест-

но.

Удивительно, но жене Рудольфа фон Шелия после его казни удалось получить страховой полис в размере пятидесяти тысяч марок. Адвокату, который добился этого, пришлось отдать едва ли не половину выплаченной суммы.

Для многих немецких граждан Шелия даже после войны долгое время оставался предателем. Парадокс был в том, что близкий друг Арийца, граф фон Мольтке (к слову, принимавший участие в заговоре против Гитлера), посмертно объявлен в ФРГ национальным героем. А Шелия как был, так и оставался советским агентом.

Вопрос его реабилитации поднимался в годы «холодной войны», но решение не было принято по мотивам политического характера.

В СССР его тоже не особо жаловали, несмотря на всю ценность сведений, которые он предоставлял. Дело в том, что с точки зрения руководства Советского Союза аристократ Шелия не являлся идейным антифашистом, которого можно было причислить к «своим». По сути, Ариец был простым наемником, который получал за свою работу деньги, и немалые. Поэтому в тот непростой исторический период покойный дипломат оказался не нужен ни там, ни здесь…

Официально Шелия признали героем антифашистского движения после того, как в 1989 году пала Берлинская стена.

Карлу Хельфриху, в отличие от других представителей «Красной капеллы», повезло значительно больше.

Как ни старалось гестапо, доказательств его причастности к работе на советскую разведку найти не удалось. Невзирая на это, за связь с Ильзе Штебе решением военного суда Карл был приговорен к пожизненному заключению. Вскоре он был отправлен в концлагерь, откуда был освобожден в 1945 году после победы Красной армии.

По окончании войны Карл долгое время работал в различных газетах, затем стал главным редактором культурно-политического журнала «Зоннтаг».

В его личной жизни тоже произошли существенные изменения — Карл женился на Бригитте Шульц, которая… была приятельницей Ильзе. Вряд ли этот брак можно было назвать счастливым, потому что спустя некоторое время последовал развод. После этого Карл вновь скрепил свою жизнь брачными узами с женщиной по имени Эдит, от которой у него родилась дочь…

Карл Хельфрих умер в 1960 году. Он мало кому рассказывал о золотой цепочке Ильзе, доставшейся ему после смерти возлюбленной. Ее, как и память об Альте, он бережно хранил на протяжении всей своей жизни.

Рудольфу Гернштадту тоже удалось наладить свою жизнь. О смерти Ильзе он узнал только ближе к концу войны, и известие о ее смерти потрясло его. Тем не менее все шло своим чередом… В Москве Рудольф познакомился с Валентиной Сониной, выпускницей педагогического института, которой вскоре сделал предложение, и та ответила согласием.

Как только закончилась война, молодожены вернулись в Германию. Рудольф получил должность главного редактора газеты «Нойес Дойчланд» и получил широкую известность в политическом окружении ГДР. В браке с Валентиной у него родились две дочери.

И хотя руководство советской разведки ходатайствало о награждении Арбина правительственными наградами (орденами Ленина и Красного знамени), правящая верхушка Германской Демократической Республики неожиданно заартачилась.

Дело в том, что по характеру Гернштадт был

человек принципиальный и никогда не держал, как говорится, камня за пазухой, открыто высказывая свою точку зрения. Однако в последнее время все чаще имели место ситуации, когда он должен был пойти на поводу у позиции вышестоящего руководства, курс которой был несопоставим с убеждениями Рудольфа. Реакция не заставила себя долго ждать — спустя непродолжительное время Гернштадт был переведен на должность неприметного архивного клерка… К тому времени у него начались серьезные проблемы с легкими. Арбин скончался в августе 1966 года. Впоследствии одна из его дочерей, Ирина Либманн, написала об отце книгу.

Долгую и насыщенную жизнь прожил Герхард Кегель.

В 1944 году его призвали на службу в вермахт, направив на Восточный фронт, где ХВЦ тут же перешел на сторону Красной армии.

После разгрома фашистской Германии он жил в ГДР, где работал послом и постоянным наблюдателем от молодой республики при ООН. Среди его наград особо следует отметить орден Красного Знамени и орден Дружбы народов. Отойдя от дел, Кегель о своих воспоминаниях написал книгу «В бурях нашего века: Записки разведчика-ан-

тифашиста».

ХВЦ умер в ноябре 1989 года в возрасте восьмидесяти двух лет.

Непростая судьба сложилась у семейной пары Велькишей.

В конце августа, когда войска Красной армии вошли в Бухарест, их доставили в Москву, поселив в конспиративной квартире. По окончании войны Курту и Маргарите поступило предложение и дальше сотрудничать с Советским Союзом. Среди других вариантов были названы несколько стран Западной Европы, куда Велькиши должны были отправиться в качестве агентов.

Однако такой расклад не устроил ни Курта, ни его супругу. Семейная пара хотела вернуться в Германию, тем более к тому времени у них уже родился сын… Видимо, отказ не понравился советским властям, и в 1946 году они были помещены в лагерь для военнопленных, и их доставили в Брест. Старший сын Велькишей умер от туберкулеза, но вскоре Маргарита родила второго ребенка, тоже сына.

Курт обращался во все инстанции, но его требования разобраться в ситуации и освободить их долгое время были безуспешными. На Курта регулярно писали доносы, обвиняя его в анти-

советской пропаганде. В итоге его и Маргариту обвинили в предательстве и сотрудничестве с гестапо. Их второй сын был помещен в спецприемник, а сами они, как социально опасные, в 1952 году отправлены в ссылку в Красноярский край… Только в 1955 году Велькиши были освобождены и, воссоединившись с сыном, благополучно вернулись в ФРГ. Смерть бывшего члена разведгруппы АВС наступила в 1958 году, а его жены Маргариты — в 1983-м…

Супружескую пару реабилитировали посмертно в 2003 году.

Трагически сложилась судьба матери Ильзе — Фриды Штебе.

До нее дошло завещание дочери, где практически все имущество Ильзе было отписано ей. Но ничего из этого Фрида не получила. Поскольку Ильзе была признана врагом германского народа, все ее вещи и имущество подлежали конфискации в пользу фашистских властей и позже были распроданы за бесценок.

Сама Фрида была арестована и по решению суда отправлена в концлагерь Равенсбрюк, где через некоторое время скончалась. С собой пожилая женщина взяла письмо Ильзе, и каким-то чудом клочок от него сохранился до наших дней.

Эти короткие строки звучали так:

«Благодарю тебя, мама, за исполнение моих последних желаний. Не печалься обо мне. В таких случаях не печалятся. И пожалуйста, не носи черное траурное платье…»

Траурное платье Фрида Штебе не носила — у нее его попросту не было в концлагере, где закончился ее жизненный путь…

Прокурор Манфред Редер, который поддерживал обвинение против Альты, прожил достаточно долго. После завершения войны на него пытались подать в суд за преступления против человечности и применение пыток, но рассмотрение дела постоянно затягивалось. Для многих Редер являлся олицетворением жесткого, но справедливого правосудия. Власти не желали, чтобы такая одиозная личность, как Редер, оказалась за решеткой. «Кровавый судья Гитлера» покинул этот мир в 1971 году.

Сильно повезло следователю гестапо Иоганесу Штрюбингу, подвергавшему жестоким пыткам арестованных. После разгрома Германии он был задержан, но смог сбежать и под фальшивым именем скрывался вплоть до 1949 года. Впрочем, его снова арестовали и даже возбудили судебное разбирательство. Однако оно продолжилось

недолго — судейский состав ФРГ решил, что наказывать Штрюбинга за «исполнение приказов», пусть даже те были не совсем законными, было бы неправильно. Извергу и садисту, руки которого были по локоть в крови, снова удалось выйти сухим из воды.

Позже Штрюбинг трудился в ведомстве по охране конституции ФРГ и дожил до 1964 года…

Среди должностных лиц нацистской Германии, которые привели Ильзе на плаху, больше всего не посчастливилось Вальтеру Хабеккеру.

После победы Советского Союза он попытался бежать, но был интернирован британцами. Долгое время его пересылали из лагеря в лагерь, и лишь в 1949 году против него возбудили уголовное дело.

Окончания следствия Хабеккер дожидаться не стал, он повесился прямо в камере, и никто из заключенных его не остановил.

О могиле Ильзе Штебе ничего не известно. Ее прах, очевидно, просто выбросили, как мусор, вместе с прахом других казненных. Единственное, что сохранилось до наших дней, это выписка из книги регистрации смертей. Приводим ее дословно:

«Берлин-Шарлоттенбург. № 5668. 23 декабря

1942 года.

Журналистка Ильзе Штебе. Вероисповедание — евангелическое. Проживала: Берлин, Франкфуртер-аллея, 202 (у матери).

Родилась 17 мая 1911 года в Берлине. Отец — Макс Штебе. Последнее местожительство неизвестно.

Умершая была не замужем.

Умерла 22 декабря 1942 года в Берлине. Шарлоттенбург, Кеннигсдамм, 7.

Записано со слов свидетеля — помощника надзирателя тюрьмы Вернера Шварца, проживающего в Вайсензее. Свидетель заявил, что удостоверился в смерти лично.

Причина смерти: обезглавливание.

Свидетельствую и подписываюсь: Вернер Шварц».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 октября 1969 года Ильзе Штебе была посмертно награждена орденом Красного Знамени. Позже этот орден передали в Государственный совет ГДР, поскольку к тому времени у Ильзе никого из родственников в живых не осталось.

Примечательно, что указ о награждении Ильзе официально не публиковался. Теперь можно лишь гадать, где находится награда Альты.

В 2014 году портрет Ильзе Штебе был размещен в Галерее борцов Сопротивления, расположенной в вестибюле Министерства иностранных дел ФРГ.

Несмотря на пытки в фашистских застенках, Ильзе Штебе не предала своих товарищей — Герхарда Кегеля, Карла Хельфриха, Курта Велькиша и его жену Маргариту. Чудовищные пытки гестапо Альта смогла выдержать благодаря несгибаемой вере в свои силы и правоту дела. Немецкая коммунистка не раздумывая сделала свой выбор ради блага мирной Германии, во имя избавления своей страны от гитлеровской заразы.

Всеобщее признание к участникам «Красной капеллы» пришло не сразу, а через целое поколение. Данные о подвиге Ильзе и вовсе были рассекречены совсем недавно.

Ильзе не была каким-то особенным героем. Эта хрупкая женщина не обладала какими-то сверхъестественными способностями, она никого не убивала на линии фронта и не бросалась на амбразуру… Она всего лишь хотела, чтобы в Германии был мир, чтобы ее страна процветала. Ильзе никогда не была в России, но очень верила в нашу страну и самоотверженно боролась против фашизма. Смерть Альты не была напрасной.

Ее бескорыстность, непоколебимая вера в победу, огромная сила воли и мужество должны нас заставить хоть на мгновение задуматься, на что способна простая женщина ради светлой идеи.

Ноябрь, 2025 г.